

Следопыт

1 '85

4

ГЛАВНЫЕ РУБРИКИ ЖУРНАЛА:

Люди подвига

Мир на ладони

Страницы прозы и поэзии

Юность отцов

Следопытский телеграф

Адреса романтики

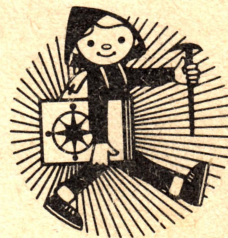
Человек и природа

Путешествия и экспедиции

Музеи, коллекции

Краеведческая копилка

Приключения и фантастика

С ДУМОЙ О БУДУЩЕМ

И. А. ГАШКОВ, генерал-полковник,
командующий войсками Краснознаменного
Уральского военного округа

Почти 40 лет назад отгремели победные залпы, оповестившие человечество о разгроме коричневой фашистской чумы. Для истории — небольшой срок. Но как преобразилась наша страна!

Что и говорить, хорошее наследство досталось нынешнему поколению. Благодаря постоянной заботе Коммунистической партии о повышении благосостояния советских людей, сейчас даже трудно сопоставить блага, которыми мы располагаем, с тем, чем довольствовались советские люди всего три-четыре десятилетия назад. Если, к примеру, признаком большого достатка в доме считались радиоприемник, холодильник, телевизор, велосипед и многие другие вещи, то теперь мы воспринимаем их как обычные предметы домашнего обихода.

Но не только об этом хотелось бы сегодня повести речь, обращаясь к нашей молодежи.

Сейчас у нас есть все необходимое для удовлетворения жизненных потребностей населения. Государство дает каждому возможность выбрать работу по душе, полностью взяло на себя расходы на обучение, лечение, социальное обеспечение советских граждан, предоставляет нам всем множество других льгот.

В этом мы привыкли видеть воплощение целей и задач, которые ставят перед собой Коммунистическая партия, Советское правительство. Вот здесь-то и неплохо было бы, чтобы каждый из нас задумался: «Что лично я сделал для того, чтобы наша страна стала еще богаче и могущественнее».

Этот вопрос как никогда актуален сейчас. Империалисты, в первую очередь США, не скрывая своих планов, готовятся к новому «крестовому походу» против Советского Союза, стран социалистического содружества.

Они разрабатывают и внедряют все более мощное оружие массового уничтожения, нагло присваивают себе право единолично решать мировые проблемы. Для примера возьмем один только факт. За прошедшие после второй мировой войны годы империалисты были организаторами более чем 120 локальных войн и государственных переворотов в странах, люди которых стремились к миру, хотели жить свободной, самостоятельной жизнью.

Поэтому перед советским народом, в первую очередь перед молодежью, особенно актуальной стала задача — готовиться к защите социалистического Отечества.

Хотелось бы в полный голос предостеречь тех, кто рассчитывает на легкий исход борьбы, если агрессоры развяжут новую войну. Наши вооруженные силы располагают мощным современным оружием, которое позволяет дать отпор любому врагу. Но какими бы совершенными ни были вооружение и боевая техника, главную роль в борьбе будут решать люди — идейно и морально стойкие, беспредельно преданные своей Родине, мастерски владеющие вверенным оружием. Все эти качества прививаются молодым в процессе их службы в армии. Однако становление их как вооруженных защитников Отчизны проходит быстрее, если каждый заранее готовится к этому, глубоко осознает личную и коллективную ответственность за безопасность своей страны.

Вот почему начатая журналом «Уральский следопыт» серия публикаций о военных профессиях, о жизни молодых воинов представляется и своевременной и полезной.

Преклоняясь перед светлой памятью тех, кто не вернулся с поля боя, кто, не щадя себя, восстанавливал разрушенное войной народное хозяйство, создавал молодому поколению свободную и радостную жизнь, обеспечим мир на нашей земле! Будем всегда помнить о том, что оставим потомкам!

Читайте на стр. 3 очерк
Н. Мыльникова «Десантник
Алексей Упоров»

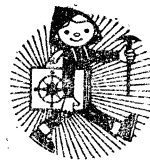
УРАЛЬСКИЙ

СЛЕДОПЫТЫ

1 '85

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЖУРНАЛ
ДЛЯ ДЕТЕЙ
И ЮНОШЕСТВА

ОРГАН СОЮЗА
ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР
СВЕРДЛОВСКОЙ
ПИСАТЕЛЬСКОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ
И СВЕРДЛОВСКОГО
ОБКОМА ВЛКСМ

ИЗДАЕТСЯ
С АПРЕЛЯ 1958 ГОДА

СВЕРДЛОВСК
СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Главный редактор
Станислав МЕШАВКИН

Редакционная коллегия:

Муса ГАЛИ
Спартак КИПРИН
Владислав КРАПИВИН
Юрий КУРОЧКИН
Давид ЛИВШИЦ,
заместитель
главного редактора
Геннадий МАШКИН
Николай НИКОНОВ
Анатолий ПОЛЯКОВ,
заведующий
отделом краеведения
Лев РУМЯНЦЕВ,
заведующий
отделом прозы и поэзии
Константин СКВОРЦОВ
Владимир СТАРИКОВ,
ответственный секретарь

Редакция

Ю. Борисихин,
заведующий отделом
публицистики
В. Бугров,
редактор отдела
научной фантастики
Л. Будрина,
технический редактор
М. Бурангулова,
корректор
Л. Гончарова,
секретарь-машинистка
А. Кононова,
заведующая редакцией
и отделом писем
Ю. Липатников,
заведующий отделом
науки и техники
Е. Пинаев,
художественный редактор
Н. Широкова,
редактор отдела
следопытской жизни

На 1-й стр. обложки —
рис. Ю. Филоненко

© «Уральский следопыт», 1985 г.

...ЛЮБОВЬЮ МОЕЙ И СТАРАНЫЕМ

Герман ИВАНОВ

Колоски

Серебрят уже года мои виски...
А я помню в чистом поле колоски.

Среди рыжего колючего жнивья
Бродит худенький парнишка.
Это — я.
Торба серая на узеньком плече,
Куртка старая,
Подбитая ничем,
Из суконного трофейного гнилья.
Нагибается мальчишка.
Это — я.
Подо мною ломко хрумкает стерня,
В алых капельках уколов пятерня.
А за мною вслед —
Ребята косяком,
Поднимают колосок за колоском.
Это — мы,
Войны бедовые мальцы,
Те, которых не увидели отцы,
У которых мать надорвана бедой,
Те, которым хлеб достался с лебедой,
Те, что смерти были с малых лет
близки...

Высыпаю я из торбы колоски.
На брезенте
Поднимается гора
Золотого,
Всенародного добра,
Сытным светом в каждом зернышке
горит,

А учитель молча нас благодарит.
Ни словечка, ни полслова —
Только взгляд.
Нам глаза его о многом говорят.
Поле тянется до сумрачных небес.
Вот и снова набирают сумки вес.
В чистом поле
До слепой осенней тьмы
Бродит дружная ватага.
Это — мы.

Монолог Мастера

Я в жизни познал
Не одно ремесло
По надобе и увлеченью:
Я лодку построю,
Издажу весло
И выгребу против теченья.
Остер мой топор,
И прихватист стружок,
И молот в ударе послушен.

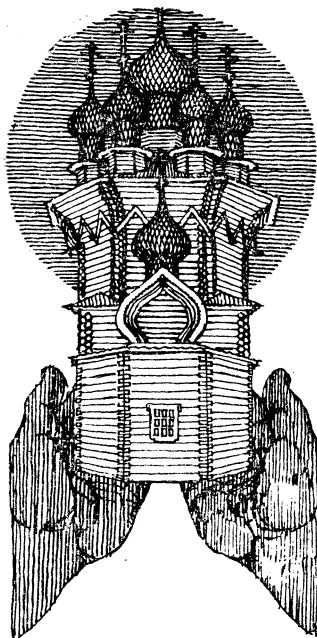

Рисунок В. Меринова

Я снежную известь
Недаром отжег
И в камень вложил свою душу,
Чтоб здесь,
На Руси,
С изначальной межи
До самой полуночной грани,
Цвели Покрова
И сияли Кижы
Любовью моей и стараньем.
И чтоб я ни ставил —
Избу,
Божий храм,
Космический дом на орбите, —
Я мыслью тянул
К далеким мирам,
Но славил земную обитель.
Я — Мастер!
Пускай пролетают века,
Но труд мой прекрасен и вечен,
Покуда плывут над землей облака
И здравствует род человеческий.
Коль здравствует род —
Не умрет мастерство!
А мастер — опять по влеченью —
И лодку построит,
И выгнет весло,
И выгребет против теченья.

Надежда

†
За обрывистым глиняным склоном,
Где маяк белой глыбой навис,
Небо синее с морем зеленым
Неразрывно, безбрежно слились.
Я сойду по ступеням под кручу —
Бросит пену мне в ноги прибой.
Я мотор напую самой лучшей,
Самотлорской горючей водой.
И взрвет его мощная глотка:
— Увезу!

Увезу!

Увезу!

Понесется веселая лодка,
Ветерком выбивая слезу.
Канет берег в соленом просторе,
Бросят чайки свой оклик вдогон,
И утонет зеленое море
В небе яростно-голубом.

2

Что ж ты ищешь растерянным
взглядом?
Видно, страх твою душу грызет?
Берег где-то, наверное, рядом,
Просто выкрал его горизонт.

Видишь —
Чайки вдали пролетают,
Значит, суша не так далека,
А бензина покамест хватает,
И мотор не подводит пока...

Ломают частные дома.
Встают бетонные громады.
Ну что ж!
Наверно, так и надо —
Жизнь ломки требует сама.

Здесь все заборы разгорюдят.
Здесь сквером все облагородят,
Простор откроется вдали.
А то —
Кто сад,
Кто огородик
Почти что в центре завели.

Пусть проживают горожане
С водой и газом без беды...
А дачи нынче вздорожали,
И спрос поднялся на сады.

ДЕСАНТНИК

АЛЕКСЕЙ УПОРОВ

Николай
МЫЛЬНИКОВ

Там, где шли бои...

«Спешу сообщить, что двадцать седьмого августа сделал очередной, двадцать первый по счету, прыжок с парашютом. Тренировались на территории Белоруссии, там, где в начале сентября, как уже сообщалось в газетах, будут проходить учения войск и сил флота. И меня, и моих ровесников ожидают заключительные прыжки, после которых начнем готовиться к увольнению в запас.

Следите за газетами, смотрите телевизионные программы, слушайте радиопередачи.

Ваш сын Алексей».

Это было сто второе письмо домой гвардии младшего сержанта Алексея Упорова, десантника. Всего за время действительной службы в армии он послал домой сто четыре письма.

Боевая обстановка на всеармейских учениях потребовала от наступающих «северных» забросить в тыл обороняющихся «южных» воздушный десант. Его задача состояла в том, чтобы захватить и уничтожить пункт управления и средства ядерного нападения «противника».

В назначенное время военно-транспортные самолеты ИЛ-76, загруженные крылатой пехотой, боевыми машинами десантников, самоходно-артиллерийскими установками, полевыми орудиями и минометами, сопровождаемые истребителями прикрытия, взяли курс за «линию фронта». Передовой отряд десантников возглавлял командир батальона гвардии капитан Александр Беспалов — сын артиллериста-фронтовика. Беспалов-старший гнал фашистов из Белоруссии неподалеку от тех мест.

Комбат летел в головной машине. Ему — прыгать первым, увлекая в бой подчиненных.

К учениям готовились долго и тщательно. На территории воздушно-десантного городка отрабатывали элемен-

Рисунки В. Ганзина

ты наземной подготовки: прыжки с трамплинов и макетов самолетов, сложные тренировки на подвесной системе, упражнения на вращающихся качелях.

Из «Боевого листка»:

«Гвардеец-десантник!

Ты пролетаешь сейчас над теми местами, где в июне сорок первого 214-я воздушно-десантная бригада под командованием полковника А. Левашова встала на пути фашистов, равнившихся к Минску.

В тяжелых кровопролитных боях десантники проявили беззаветную храбрость, волю к победе, массовый героизм. Будь достоин их подвига!..»

Испытание характера

Отец Алексея Упорова — Юрий Васильевич — в составе стрелкового и танкового батальонов воевал с фашистами под Москвой и на Курской дуге, форсировал Днепр, Вислу, Одер, освобождал Польшу, штурмовал Берлин. Боевые дела офицера отмечены орденами Отечественной войны второй степени и Красной Звезды.

Рассказывая сыну о войне, отец часто повторял: на фронте самыми ловкими, выносливыми были те, кто успел получить физическую закалку. Она, эта закалка, выручала в атаках и на маршах, при форсировании водных преград и в рукопашных схватках, во время морозов и в знойные летние дни.

Со школьных лет Алексей сделался заправским спортсменом. Бег, лыжи и велосипедные гонки — все ему давалось легко, в охотку.

Еще в восьмом классе решил он стать летчиком-истребителем. Прочтудировал десятки книг, с жадностью проглотил «Крылья истребителя» и «Небо войны» Александра Покрышкина, «Верность Отчизне» и «Три сражения» Ивана Кожедуба, «Дымное небо войны» земляка-уральца Григория Рекалова, «Повесть о настоящем человеке» Бориса Полевого. В подробностях изучил современные боевые самолеты, их тактико-технические возможности. Комната школьника Упорова превратилась в своеобразный музей. Стены оклеены фотографиями, запечатлевшими фронтовые и учебные вылеты советских авиаторов на истребителях, бомбардировщиках, штурмовиках. Под потолком на капроновых нитях — модели боевых самолетов.

Окончена школа, подан рапорт в училище. Все вроде бы складывалось так, как было задумано. Но финишная прямая оказалась роковой. Врачебно-медицинская комиссия обнаружила у абитуриента гайморит... Домой Алексей возвратился удрученный.

— Что теперь делать — не знаю, — говорил он отцу. — Я чувствую себя здоровым, а меня забраковали на первой дистанции. Ты бы на моем месте смирился с тем, что случилось?

— У тебя в запасе целый год службы в армии. Поработаешь, подлечишься, отслужишь действительную. А там видно будет.

Алексей послушался отца: устроился слесарем в ремонтный цех электростанции. От дома до работы — три километра. И Упоров-младший, чтобы накопить как можно

больше сил для службы в воздушно-десантных войсках (их он выбрал решительно и бесспорно), всю неблизкую дорогу одолевал только бегом — за восемь-десять минут. В свободное время зимой — на лыжах, а летом — на велосипеде и так — ежедневно.

Осенью 1979 года Алексея Упорова призвали в воздушно-десантные войска.

Легкой службы в армейском строю не бывает. Особенно трудна она у десантников. Здесь каждый должен владеть не только высокими боевыми навыками современной мотопехоты, ее вооружением и сложной техникой, но и сверх того безупречно десантироваться на любой местности и в любое время суток, быть готовым к преодолению самых сложных критических ситуаций и на земле, и в воздухе...

То, что было усвоено на школьных уроках военной подготовки, вычитано в книгах о десанниках, пригодилось с первых дней пребывания в учебной роте. Но этого далеко не хватало. Молодой десантник с увлечением ушел в учебу.

«Учеба моя проходит в отличных условиях. Программа воздушно-десантной подготовки осваиваю успешно. А это в нашем деле — главное. А это в нашем деле — главное.»

На днях впервые сделал прыжок с военно-транспортного самолета АН-12. Машина первоклассная, прежние, с каких мы десантировались до этого, не идут ни в какое сравнение.

Вы спрашиваете, кем я буду после окончания учебного подразделения? Сообщаю. Меня аттестуют на оператора-наводчика боевой машины десантников — БМД. Если сказать по-граждански, это — скоростной броневик, надежный вездеход, вооруженный по всем правилам наших дней, машина незаменимая для солдата в любом бою.

Начинаем подготовку к выпускным экзаменам. А там служба на новом месте в составе воздушно-десантной роты.»

В экипаже машины боевой

Завершив учебу, Алексей Упоров прибыл в воздушно-десантную часть на должность оператора-наводчика БМД, принял под начало семидесятирехмиллиметровое орудие и спаренный пулемет. Здесь, как и в учебном батальоне, молодому гвардейцу повезло. Он попал в экипаж машины, командиром которой был гвардии сержант Михаил Голованов, знавший наизусть обязанности механика-водителя, оператора-наводчика, пулеметчика, гранатометчика...

Сержант был старше оператора всего на полгода. И это удивило Упорова. Рабочий парень из Брянска так быстро вырос до специалиста высокого класса. Какими же дарами этого надо обладать умом, памятью, организованностью!

— Или вы везучий, или у вас способности особые? — как-то спросил ефрейтор командира экипажа. — Ну как это за короткое время можно научиться выполнять обязанности всех членов экипажа БМД?

— Не за несколько месяцев, а гораздо дольше, — отвечал Голованов. — Начал готовиться с первых дней в учебной роте. Способности мои самые обыкновенные. И среднюю школу я окончил в разряде середняков. Ну, а тут... Старался. На везучести в армии да с теперешней техникой далеко не шагнешь.

В том, что на везучести в армии далеко не шагнешь, Алексей воочию убедился на первом же учебно-тактическом занятии.

По условиям задачи, ему, оператору-наводчику, полагалось тремя выстрелами из орудия с коротких остановок БМД поразить движущийся «неприятельский» танк.

Алексей старался рассмотреть в приборы наблюдений

каждый куст, бугор в стане «противника». Зная цену в бою каждой секунде, он готовился к поединку с «чужим» танком.

На удалении шестисот-семисот метров показался «неприятельский» танк, он двигался на средней скорости. Развернулся, на момент подставил боковую броню. Упоров сксмандовал:

— Короткая!

Механик-водитель послушно задержал машину.

Прогрохотал первый пушечный выстрел. И в срок, и там, где полагалось. Но на виду у строгих руководителей учения Алексей поторопился, и снаряд унесся поверх мишени. Горько стало наводчику-оператору за свою поспешность. «На войне случается всякое, — вспомнились вдруг слова школьного военрука, — но раскисать нельзя. Раскис в бою — наполовину потерял свои силы, сообразительность.

И как Упоров ни настраивал себя на верные мысли, второй снаряд тоже пролетел поверх цели. Перед третьим выстрелом Алексей набрал полные легкие воздуха, будто перед спуском на большую водную глубину, и, слышавший с движением машины, с ее привередливыми клевками, навел ствол пушки несколько ниже. Выстрел оказался метким. Зияющая пробоина в центре макета танка показала, что цель поражена.

Экипаж БМД получил удовлетворительную оценку. Для первого раза, может, и неплохо, но оператора-наводчика это не устраивало. В учебной роте он привык получать хорошие и отличные оценки. А тут...

Во второй половине дня экипаж БМД собрался в тени под тальниковым кустом, на который глянешь со стороны — ни дать ни взять — боярская шапка. Вокруг куста после теплого обложного дождя густо зазеленела трава. В воздухе от застоявшегося сена разлились такие ароматы, какие не встретишь в парфюмерном магазине. Десантники расслабились. Шутили, поддевали друг друга. Лишь Алексею Упорову было не до шуток.

Но командир БМД гвардии сержант Голованов, всегда прямой в суждениях, одинаково требовательный к каждому подчиненному, сказал:

— Сегодня наш экипаж будто скопировал те занятия, на которых я впервые действовал в должности оператора-наводчика. У меня тогда оказалось почти столько же холостых выстрелов, сколько у гвардии ефрейтора Упорова. И стрелял я по тем же целям, что и он. Итоги стрельбы еще раз подтвердили солдатскую мудрость: чтобы техникой да оружием хорошо овладеть, надо как следует попотеть... Я верно говорю или неверно? — обратился командир машины к оператору.

— И верно, и к месту, — поднявшись, ответил Упоров.

— Тогда почему голову опустил?

— Совесть мучает.

С той поры и в часы самоподготовки, и в свободное от занятий время Упорова можно было часто видеть на тренажере, который воспроизводил боевую машину десантника. Он действовал то за артиллериста, то за пулеметчика, наблюдал за обстановкой, отыскивал «неприятельские» цели, ловил их в перекрестие прицелов, производил выстрелы.

На очередном тактическом выходе с боевой стрельбой, действуя в составе роты, Алексей Упоров выполнил упражнение с хорошей оценкой.

Из письма родителям:

«Почти целый год прослужил я в экипаже БМД под командованием гвардии сержанта Михаила Голованова. За это время мы стали большими друзьями. Ведь столько были вместе. Жили одними думами. Даже прыгали с парашютом один за другим. А какой был у нас экипаж! Все отработано до мелочей. И вот пришло время расставаться. У Михаила истек срок действительной службы. Проводили его в родные края — на Брянщину.»

Мы с Михаилом обменялись адресами, уговорились переписываться. А мне вскорости предстоит служить в другом взводе нашего подразделения на другой должности. Об этом сообщу позднее, когда состоится назначение».

Служебное повышение

В начале июня 1981 года Алексея Упорова — отличника боевой и политической подготовки — перевели во взвод, которым командовал гвардии лейтенант Г. Наливайко, и назначили командиром экипажа машины десантников и заместителем командира взвода. Вскоре он получил звание гвардии младшего сержанта. На новом месте службы от гвардейца потребовалось отвечать не только за свой экипаж, но и за весь взвод, в котором добрую половину составляли новобранцы.

На полевых занятиях, на десантных тренировках взвод гвардии лейтенанта Наливайко отставал по ряду упражнений — сказывалась неравномерная физическая подготовка. Иных новичков порой укачивало, другим не доставало умения владеть своим телом, когда парашютист отделялся от самолета. Обнаружились промахи и в ориентировании на местности.

Алексей Упоров стал зачинателем спортивных состязаний во взводе.

— Без физической выносливости, без волевых качеств настоящего десантника не получится. По себе знаю, — подчеркнул Упоров при первой встрече с экипажем. — Так что давайте заниматься физкультурой и спортом.

А для этого в части были все условия. Хочешь, посещай секцию бокса, упражняйся на гимнастических снарядах, совершай кроссы, тренируйся с гирями и гантелями, поднимай штангу... Крепли молодые бойцы. Марш-броски с полной боевой выкладкой, нередко с преодолением водных преград, штурмом круглых склонов, имитацией десантирования, рукопашными схватками уже давались им значительно легче. А сам Алексей, по примеру своего командира Михаила Голованова, научился заменять каждого члена экипажа.

На новом месте службы это содействовало росту его авторитета. Приметно повзрослевший в армейском строю, научившийся поднимать, что истинный смысл соревнования не в том, чтобы обогнать соперника, а в том, чтобы добиваться единого ритма, разгона в подразделении, гвардии младший сержант Упоров от одного учебного рубежа к другому шагал в ряду правофланговых и вел за собой подчиненных.

Ему с самого начала службы в парашютно-десантном подразделении понравился его командир — гвардии старший лейтенант Александр Иванович Кобелев. Понравился тем, что умел сочетать требовательность командира и чуткость воспитателя, хорошо знал слабые и сильные стороны солдат, их склонности и стремления. Еще курсантом военного училища Кобелев прочитал у великого писателя А. М. Горького проникновенные слова о том, что похвалить человека весьма полезно. Это поднимает его уважение к себе, способствует развитию доверия к своим творческим силам. Эти слова Алексей услышал от командира тогда, когда сам начал командовать БМД; он сам взял их, так сказать, на вооружение. И старшие начальники не раз отмечали, что в его экипаже поощрений несравненно больше, чем взысканий. Это шло не от чрезмерной снисходительности, нет. Характер Алексея Упорова далеко не покладистый. Он помогал гвардейцу всегда оставаться самим собой, не допускал никаких недопустимых взаимоотношений с подчиненными.

Из письма Алексея Упорова — родителям:

«У меня все нормально. Армейская служба выходит на финишную прямую. Экипаж машины сплочен по всем правилам боевой выучки. Пройдет немного времени, и мне

придется передавать его командиру, который моложе меня на полгода, а то и на год.

По-особому тяжело будет от разлуки с командиром роты Александром Ивановичем Кобелевым. Наш командир — настоящий воспитатель, умеет заглянуть в солдатскую душу, растрогать ее в хорошую сторону для успехов в службе, в учебе, в общественных делах».

Испытание на мужество

Десантирование парашютистов — та же атака на врага, успехи в которой решают секунды. Но это атака особого рода. В ней не сманеврируешь в складках местности, за скатами высот, не укроешься от «вражеского» огня, который может обрушиться и сверху, и снизу.

На учениях «Запад-81» все, кто принимал участие в десантировании, не однажды совершали прыжки с разных самолетов, при разных условиях. Но то были прыжки не в крупных масштабах. Сегодняшние учения отличались от предыдущих и размахом, и повышенной ответственностью.

В самолете, на котором летел А. Упоров, появилось световое табло: «Приготовиться!» Открылись боковые двери и створки хвостового люка. Условия предписывали десантироваться двумя потоками. Гвардейцы поднялись с сидений. Стоя четырьмя шеренгами, держа правую руку на вытяжном кольце, а левую — на запасном, каждый замер в ожидании очередной команды.

Над правым и левым люками высветились надписи «Пошел!» Призывно зазвучала сирена.

Алексею Упорову пришлось прыгать в середине правофлангового потока. Отсчитывая время до того, как выдернуть вытяжное кольцо, он увидел под собой густую россыпь белых, качающихся в воздухе куполов, услышал привычный треск автоматов. Десантникам, чтобы приземлиться, надо было огнем расчистить площадку от «неприятеля».

И тут произошло то, чему жизнь ведет отсчет долями секунд.

Во время десантирования кто-то допустил ошибку.

Парашют Упорова не успел раскрыться, как младший сержант влетел в купол десантника, прыгавшего с другого самолета. Стремглав проскочив пять-шесть метров книзу, он повис под ногами солдата. Земля стремительно приближалась. Упоров отчетливо увидел зеленое травянистое поле, складки местности, кустарники. Он глянул вверх — там два прижатых друг к другу сапога. Оба парашюта бездействовали. В ушах десантников свистело, разговаривать они не могли.

Алексей, как того требовало наставление, должен был отрезать свои стропы, отделиться от верхнего парашютиста и раскрыть свой запасной. Но он находился в той критической ситуации, при которой сделать это не представлялось возможным. До приземления оставались считанные секунды.

«Сейчас, — понял Упоров, — все зависит от верхнего парашютиста. Ему — решать действовать. Иначе — гибель».

«Что же дальше?» — думали те, кто уже приземлился и видел тяжелую драму в воздухе.

И тут сверху раздался тугой хлопок. Падение десантников резко замедлилось.

Упоров перевел дыхание, плечи его отвердели. Не своим, перехваченным от волнения голосом он выкрикнул: — Спасибо, парень!

И какой молодец! Не растерялся в самый напряженный момент! Успел раскрыть запасной парашют. Ни у того, ни у другого уже не было возможности, чтобы развернуться по ветру, выбрать точку касания земли. Однако приземлились они благополучно — ветер оказался довольно умеренным.

Лежа на спине, Упоров отстегнул грудную и ножные перемычки, поднялся, вытащил из кармана запасного парашюта стропорез, подбежал к своему спасителю, разрезал стропы, переклестнувшиеся и опутавшие парашютистов, спросил:

— Ты кто будешь?

— Ефрейтор Маноха из первой роты. Наводчик-оператор БМД.

— Целый?

— Все в порядке.

Времени для разговора не было. Гвардейцы сориентировались на местности, держа автоматы наизготовку, и устремились в свои подразделения.

Роты находились на исходном рубеже. Упоров и Маноха заняли места в боевых порядках. Атака, начатая десанниками в воздухе, продолжалась на земле.

Когда наступила передышка, министр обороны СССР Маршал Советского Союза Д. Ф. Устинов, на чьих глазах происходило десантирование подразделения гвардии капитана А. Беспалова, пригласил на командный пункт Алексея Упорова и Леонида Маноху.

Выслушав рапорт гвардейцев-десантников о том, как и что произошло в воздухе, маршал Устинов по-отечески расцеловал их и вручил тому и другому именные часы с выгравированной на крышке надписью «За мужество — от министра обороны СССР. 1981 год.»

Юрий Васильевич и Ариадна Ильинична Упоровы получили сто второе письмо Алексея, уведомлявшее их о предстоящих учениях «Запад-81», по-родительски разволновались и от предвкушения скорой встречи с сыном, и оттого, что ему выпала высокая честь — держать экзамен на всермейском учении. Начиная с пятого сентября, они стали ежедневно ходить к городскому киоску и покупать газету «Красная звезда». Ходили почти целую неделю, но о действиях десантников ничего не сообщалось. И только в номере за одиннадцатое сентября на первой странице газеты Ариадна Ильинична увидела на снимке множество висевших в воздухе белых куполов и под ними — парашютистов.

А сердце матери — чуткий предсказатель и доброго, и тревожного.

— Алешенька! — заговорила она сама с собой. — Сообщи быстрее, как прошел твой последний прыжок. Перезживаем за тебя вместе с отцом.

Тут Ариадна Ильинична глянула на нижний снимок газеты и не поверила глазам своим. На нем рядом с министром обороны СССР стоял ее Алексей в полевой форме десантника, в молодецки натянутом на голову берете, высокой и складной.

В коротенькой заметке, помещенной рядом с нижним снимком, сообщалось о драматической ситуации, в какой оказались Алексей Упоров и Леонид Маноха. Мать прочитала заметку с дрожью в сердце и, хотя уже знала, что все страшное осталось позади, что десантники живы, расплакалась навзрыд.

Тридцатого сентября 1981 года Президиум Верховного Совета СССР наградил младшего сержанта Алексея Юрьевича Упорова и ефрейтора Леонида Николаевича Маноху орденами Красной Звезды за мужество и отвагу, проявленные на войсковых учениях.

Из письма А. Упорова — родителям:

«Вот и закончились последние для меня тактические учения под кодовым названием «Запад-81», самые крупные из всех, в каких пришлось участвовать, и самые тяжелые, после которых десятое сентября стало моим вторым днем рождения.»

Если вы в эти дни смотрели телепередачи или читали газету «Красная звезда», то знаете обо всем, что произошло в секунды моего десантирования. Я, как говорят однополчане, появился на свет в рубашке. Теперь все позади. Уверенный в том, что вы про все знаете, повторяться в письме не буду. Скажу лишь одно — мой сослуживец гвардии ефрейтор Леонид Маноха действовал на поле боя с «южными» так, как учил великий русский полководец Александр Васильевич Суворов: «Сам погибай, а товарища выручай.»

До скорой встречи в ноябре.»

Спустя два месяца Алексей приехал домой с орденом и нагрудными знаками солдатской доблести: «Отличник Советской Армии», «Специалист 3-го класса», «Парашютист-отличник». Отдохнув с дороги, поймавшись с друзьями, он вернулся на свою родную Верхнетагильскую ГРЭС — работать.

ВРЕМЯ

ЦВЕТЕНИЯ

ПАПОРОТНИКА

Валерий
ПРИВАЛИХИН

1

«Начальнику Нежемского райотдела милиции товарищу Звонареву

ТЕЛЕФОНОГРАММА

Сегодня, четырнадцатого июня, в двенадцать часов тридцать минут на радиосвязь со мною вышел Черданск. Говорила жена заведующего местным магазином-складом коопзверопромхоза Михеева Анна. Примерно четыре часа назад она решила полить огород и отправилась на реку. Склад-магазин стоит на берегу, и воду она берет вблизи. Зачерпнув воду, Михеева посмотрела на дверь склада. Навесные амбарные замки были на месте, металлическая щеколда с замком на конце перепоясывала дверь, однако положение щеколды было несколько необычным: она пересекала дверь не наискось, как всегда, а прямо. Подбежав к двери, Михеева обнаружила, что у обеих пломб проволока порвана и кое-как, на живую, скручена. Михеева кинулась звать соседку — Зинаиду Карнаухову. Открыть замки Михеева не могла — ключи от склада у мужа, а он в тайге. Посоветовавшись с соседкой, топором сбила замки. Шкурки белки, ондатры, горноста я висели в связках на месте. Зато не оказалось ни одной собольей, норковой, лисьей. Михеева не помнит в точности, сколько штук шкурок было, но одних соболей — более двух сотен. Кроме того, из сейфа пропало около шести тысяч рублей и квитанции строгой отчетности. Сейф Михеев запер, но ключ хранил в письменном столе, на складе. Ключ пропал. Ночью или утром украли меха и деньги, Михеева не знает. Твердо может ручаться только за одно: не раньше полуночи. При складе-магазине она сторож. Без четверти двенадцать сделала последний обход, проверила замки и пломбы, все было цело...

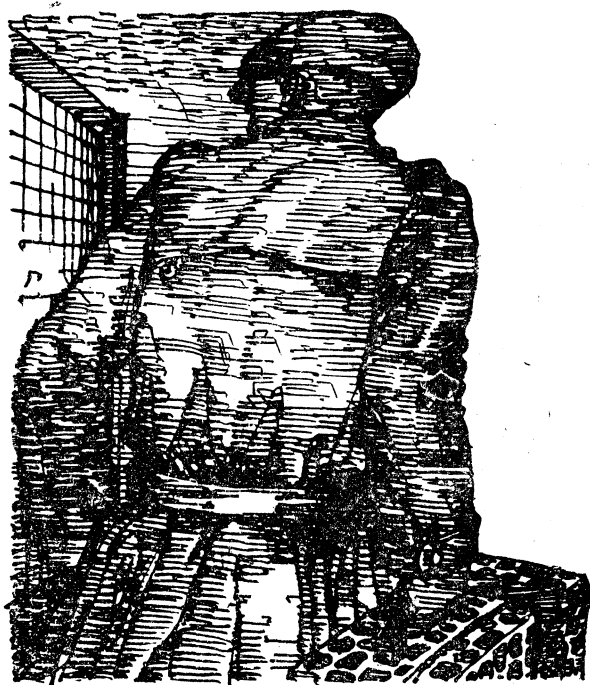
Радист районного узла связи Петр Пономаренко. 14 июня, 12 часов 42 минуты».

2

Утро для старшего инспектора уголовного розыска Шатохина было не мудренее вечера.

Беспокойство, что время идет, уходит, может быть, самые драгоценные часы, а он лежит себе в постели, хотя толком не знает, как поступить дальше, вытолкнуло его из сна. В считанные секунды натянул брюки и рубашку, босиком, по застланному сплошь цветастыми домоткаными половиками полу, прошел к комоду.

Верхняя часть боковой стены, около которой стоял комод, была вся завешана почетными грамотами и благодарственными письмами. Они принадлежали хозяйке избы — одинокой старухе-эвенкийке Марии Ольджигиной. В молодости, перед войной, хозяйка была знаменитой в округе охотницей, в Отечественную одна кормила целый поселок сохатиной и медвежатиной. В те годы кто-то из благодарности назвал ее кормилицей. В двадцать лет — и такое прозвище. И оно прижилось. Иначе с той поры ее редко кто звал...

Рисунки В. Мерцнова

Хозяйки в кухне не было. Вчера, предложив ему свою избу для ночевки, она ушла к Карнауховой. Однако рано утром уже вернулась от соседки. Миски — одна с вяленой олениной, другая с хлебом — стояли на кухонном столе, между ними — рассыпанный пучок черемши с крупными, полуаршинной длины стеблями. С краю на металлической подставке чайник. Вечером всего этого не было. Шатохин притронулся к чайнику: горячий, недавно вскипел.

Есть пока не хотелось. Чаю бы, пожалуй, выпил. «Попозже», — сказал он себе и вышел из избы.

Хозяйку он увидел в огороде. Около бревенчатой кособокой баньки с земляной крышей висилась огуречная навозная грядка, и хозяйка возилась в полунаклоне.

— Здравствуй, Мария! — поприветствовал с крыльца Шатохин.

Старой охотнице нравилось, когда ее называли по имени, не добавляя сложного, труднопроизносимого по-русски отчества. Шатохин уловил эту слабинку.

— Здравствуй! — отозвалась она. Сухая ее низенькая фигурка, точь-в-точь фигурка девочки-подростка, медленно выпрямилась.

— Я скоро вернусь, Мария! — сказал он, жестом показывая, что идет на речку умыться.

На ее темном, в обильных морщинках, лице появилась улыбка. Она часто-часто закивала.

От избы старой таежницы-михеевский домик стоял через один. Можно бы зайти сейчас. Сквозь сон, когда светало, Шатохин слышал тархтеные моторки, мужские голоса. Наверняка Михеев, за которым он посылал карнауховского сына Федьку, приехал — больше кто? Выйдя за калитку, Шатохин поколебался, может, сразу зайти, махнул рукой: успеется, минуты ничего не решают, и отправился к реке.

Неширокая, с заросшими пихтачом покатыми берегами, река вся лучилась в этот погожий утренний час. В незамутненном быстром потоке просматривался каждый окатыш, каждый выступ на каменистом дне. Наклонившись с мосточка, Шатохин умылся холодной, сводящей пальцы водой. Вытирая лицо носовым платком, взгляделся в соседний берег. На правом, где раскинулся поселок, лес был вырублен подчистую, а вот к левому, чуть не к самой кромке воды, подступала густая хвойная поросль. Наискосок от мостика была небольшая плешина, и там валялись две неперевёрнутые лодки.

Шатохин покосился на близкую брусовую стену склада-магазина, покачал головой. Мало того, что поселок — крохотулька, всего двадцать два двора, так чья-то умная голова додумалась построить склад для таких ценностей на отшибе.

Не обидно бы еще, если бы строили склад в ветхозаветные времена, а то ведь недавно, семи лет не минуло. Тут и подходящего момента особо выбирать не нужно, когда поселок опустеет, на папоротник или рыбу люди отправятся. Ночью с того же соседнего берега переправиться, благо и лодка готовая имеется, или проездом по реке причалить, — и хозяйничай в магазине и на складе. Хоть бы уж лайку к дверям догадались привязать, вон по поселку без толку сколько бродит... Он вчера, прилетев в Черданск с оперативной группой, удивлялся, как раньше никто не сообразился: и замки, к которым трех ключей из связки не надо пробовать, и охрана, и само местоположение склада — все на чистую совесть людскую да на отдаленность рассчитано... Вчера он не думал, что дело окажется легким, но хотя бы на малейшую зацепочку надеялся. Не тут-то было. Никаких следов. Ни внутри, ни снаружи. И гордость районного розыска — редкий для здешних мест ретвейлер — пес Хан суетливо покрутился по складу, держа морду кверху, выскользнул на крыльцо и застыл к удовольствию наблюдавших за ним с почтительного расстояния лаек. «Пол чем-то полит, запах отбивает», — сказал сержант-кинолог Бахарев.

Не удалось схватить кончик нити и с помощью Анны Михеевой. У нее достало сил толково объяснить радисту, как все произошло, а потом она слегла от потрясения. Говорить долго с ней невозможно, состояние такое — в пору вызывать санитарный самолет. Да нового ей и нечего добавять. Как, впрочем, и другим поселковым женщинам.

Подводя к полуночи итог, Шатохин мог с грустью констатировать, что не продвинулся в поисках ни на сантиметр. Он не переставал верить в успех, но дело уже казалось запутанным. Уж коли те, кто украл меха, сумели замести первый след, то и дальше у них хорошо рассчитано.

И вот сейчас, стоя на мосточке, щурясь от слепящего солнца, он старался вникнуть в эти расчеты.

Увлеченный своими мыслями, он не заметил, как сзади подошли. Обернулся на вежливое покашливание. Перед ним стоял худой высокий мужчина средних лет в поношенном сером костюме, в рыбацких броднях со спущенными раструбами. Обветренное остроносое лицо было хмурым.

— Михеев я... — сказал мужчина, когда взгляды их встретились. — Приехал вот...

— Понятно... — Шатохин покивал сдержанно. Мыслями переключаясь на собеседника, сошел с мосточка, медленно направился вверх, к складу. Михеев на полшага позади — следом.

— Как жена? — спросил Шатохин, садясь на ступеньку крыльца.

— Плачет. Чего хорошего... — буркнул Михеев.

— Говорила жена, что осталось?

Михеев покосился на опечатанную дверь склада, заговорил не сразу:

— Самые дорогие забрали. Четыреста двадцать шкурков. Соболя и лису в основном. Норки немного... Из сейфа денег пять семьсот.

— Ключ-то от сейфа почему не клали по-дальше?

— А меха висели — не деньги? — вопросом ответил приемщик.

— В сейфе живые деньги.

— И эти живые, — не захотел согласиться Михеев. Он не был трусоват, понимал, что вина его и особенно жены не убавится ни на йоту, независимо от того, будет он поддакивать инспектору или спорить с ним.

«Хорошо, в данный момент не принципиально», — подумал Шатохин, спросил:

— Почему меха на складе оказались? Когда сдавать положено?

— Из края в район когда приезжают, и от нас забирают.

— И когда обычно?

— По-разному. И весной бывает, и до осени тянется иногда. В прошлом году, как орляк¹ заготовили, вместе с ним и меха вывезли.

— И не портятся?

— Шкурки-то? — Михеев переступил с ноги на ногу. — Что им сделается. Обезжирены поди. Лишь бы моль не пожрала.

— В поселке все знают, что меха не вывезены?

— Тут все всё знают, — усмехнулся Михеев.

— А в районе? Когда долго не забирают шкурки, не требуете, чтобы приезжали? По рации, скажем, с начальством насчет мехов не говорили?

— Нет. Зачем? — удивление мелькнуло в глазах у Михеева. Это удивление выразило куда больше, нежели хотел сказать приемщик. Он привык верить, был искренне убежден, что любой поступок, распоряжение начальства продиктованы здравым смыслом и заботой о деле и не допускал мысли о чьей-то нерасторопности, о головотяпстве. А оставлять на долгое хранение в глухомани в избушке с дверью едва не на подпорочке ценностей на добрую сотню тысяч рублей и думать, что никто не позарится, не соблазнится, — это ли не головотяпство?

Конечно, и спрашивать Михеева лишнее. Раз меха тут лежат, какой секрет. Подавив раздражение (приемщик-то ни при чем), Шатохин спросил:

— А про папоротник, что всем селом выезжают за ним, тоже всем известно?

Михеев опять невесело усмехнулся, пошарил в боковых карманах пиджака, вытащил из правого свернутую несколько раз газетку с потершимися краями и подал Шатохину.

— Районка наша.

Шатохин обратил внимание на руки. Это были руки вечного трудяги: оббитые, жилистые, с обломанными ногтями и шишками-наростами на сгибах пальцев, со следами многих затянувшихся застарелых порезов и ссадин. При виде этих рук невольное вспомнилось, как вчера эксперт-криминалист Зверев высказал предположение: не сам ли приемщик отмочил такое — уж больно чисто сработано. Шатохин поначалу этого тоже не исключал, но концы с концами не сошлись, и версия быстро отпала. Он безуспешно пытался спорить со Зверевым. «Увидишь, я прав окажусь, сами они», — сказал эксперт на прощанье, садясь в самолет. Что бы он, интересно, сказал, познакомившись с Михеевым? Можно, понятно, и с такими изуродованными работой руками не иметь за плечами крылышек, но уж это разговор по особому счету.

Шатохин расправил газетку, сразу выловил заголовок «На заготовку папоротника — всем селом»:

«Хороший урожай папоротника-орляка созрел в лесах под Черданском. Охотники-промысловики местного отделения коопзверопромхоза вместе с членами семей не первый год выезжают на заготовку ценного пищевого продукта, идущего на экспорт. Пример на заготовке папоротника подает приемщик пушнины Черданского склада-магазина М. И. Михеев. В прошлом году он вместе с сыновьями-школьниками Михаилом и Сергеем собрал больше всех папоротника-орляка. Нынче Михеевы намерены повторить успех. Масовый заезд в тайгу состоится завтра. Сбор папоротника продлится декаду».

Шатохин бегло взглянул на выходные данные: газета за 12 июня. Подписи под заметкой не было, и он спросил:

— Кто это писал?

— Да корреспондент недавно по рации про-сил об охотниках что-нибудь, Рассохин.

— И часто он пишет о вас?

— Да нет.

— А в прошлом году о заготовке папоротника было в газете?

— Кажется, нет... Точно не было.

— Ладно, — Шатохин встал. — Один или с сыновьями приехали?

— Один.

— Ступайте пока домой. Я попозднее зайду. Они обогнули угол береговой постройки, вышли к крыльцу магазина. От него широкая тро-

¹ Вид папоротника

па в полынной густой заросли была пробита на прямую до михеевской избы. Шатохин простился и некоторое время следил, как неторопливыми крупными шагами удаляется по тропе приемщик. Глядя в широкую сутуловатую спину, Шатохин не испытывал разочарования. Большого он и не рассчитывал получить от встречи.

Нетерпеливое беспокойство с новой силой охватило его, когда Михеев, толкнув калитку, скрылся из виду. Нужно позавтракать на скорую руку и отправляться к ботаникам, к пожарникам. Нет. К Ольджигиной лучше не заходить, с завтраком повременить можно, а то, пока ест, пожарники, чего доброго, улетят. В сушь у них работы хоть отбавляй.

Газета с заметкой о выезде всем поселком на папоротник была у него в руках. Не думал оставлять себе, получилось нечаянно. Еще раз глазами скользнул по строчкам, покачал головой. Конечно же, заметка ни при чем. Преступники готовились не второпях. И время, когда снаряжаться за мехами, вряд ли по заметке выбирали. Однако нужно было выяснить, с чего вдруг эта заметка появилась в газете. И в районном коопзверопромхозе побывать нужно.

Шатохин сунул газету в карман брюк и зашагал по дорожке, не круто забирающей от берега.

Пожарники размещались в трех километрах от Черданска. Добраться до них не трудно, даже не зная дороги. Рядом с их базой высилась срубленная из бревен двадцатисаженная наблюдательная вышка. Макушка ее ориентиром торчала над лесом. Издали казалось, будто вышка затерта глухим ельником. На самом деле она стояла на краю большого луга в соседстве с листовенничным просторным домом. Еще лет пятнадцать назад тут был метеопост, а после отъезда специалиста дом долго пустовал, пока пожарники не облюбовали его под базу. Луг исключительно чистый, без ухабов, достаточный по длине для взлета и посадки самолетов; родниковое озерко рядом, и до речки с полкилометра — что еще надо.

Пожарные бригады, с весны и до листопада квартировавшие в доме бывшего метеопоста, были не местные, одна сменяла другую из года в год. Однако нынешняя команда из республики Коми приезжала второй сезон подряд.

Шатохин хорошо был знаком с начальником команды — тридцатилетним коренастым крепышом Тисленко, говорившим с приметным украинским акцентом. Прошлым летом Тисленко останавливался ночевать в районной гостинице. Устроившись в пятиместном номере, он поставил портфель под кровать и пошел прогуляться. Вернулся поздно и лег спать, а утром обнаружил, что из портфеля пропали бинокль и старенький

«Фотокор», память об отце, знаменитом некогда черниговском фотографе. Не с кого было спросить, в номере пусто. Без особых надежд он пришел к Шатохину в середине дня, а вечером уже получил обратно пропавшие вещи. Дело было простым, но Тисленко счел его верхом сыщицкого искусства, проникся глубокой симпатией к Шатохину...

Начальника отряда Шатохин нашел около дома. Сидя на чурбаке за сколоченным наспех, вкопанным в землю столом Тисленко чинил рацию. Он не удивился приходу Шатохина, может, потому, что приглашал месяц назад к себе в гости. (Правда, просил выбирать погоду попасмурней, лучше всего, когда работает главный пожарник — дождь.) Он поднял к Шатохину осунувшееся лицо, в уставших глазах вспыхнули на мгновение и погасли теплые искорки. Вяло через стол протянул руку.

— Рацию грохнул, жалко, — пожаловался, знаком приглашая садиться.

Об ограблении Тисленко не слышал. В двух сотнях километров северо-западнее Черданска горела тайга, занялся низовой пожар. Утром позавчера они вылетели туда всей командой и вернулись нынче на рассвете.

— Деятели, — выслушав, слабо усмехнулся Тисленко. — Я уж в прошлом году приметил. Все равно что сейф с деньгами среди тайги бросили. Еще бы на ветках шкуры развесили... Слушай, ну я ничем тебе не могу быть полезен. Если ты на моих парней, то...

— Почему так обязательно. Может, видели подозрительное что раньше.

— Вряд ли. Мы тут в своем котле варимся. Озираться недосуг.

— И все-таки. Поговорить надо.

— Не, это несерьезно, — запротестовал Тисленко. — Парни манатки не смогли дотащить до крыльца, — махнул он рукой через плечо. (В траве, шагах в пятнадцати от крыльца в беспорядке были набросаны вещмешки, бензопилы, парашюты.) — Полчаса как уснули. Отдохнуть надо. То-го и гляди, снова лететь. Сам бы спал, если бы эта дурочка не грохнулась, — кивнул он на рацию.

Видя, что Шатохин обиделся и не собирается возражать, продолжал после паузы:

— Не дуйся. Ну, разбужу их. О чем говорить с ними будешь? Тебе ж нужно, чтоб они вспомнили. А они про маму не вспомнят сейчас, больше суток не спали, вымотались. Проснутся, поговорим. А некогда, сам их расспрошу. Договорились?

— Хорошо, — подумав, согласился Шатохин и встал.

— Куда сейчас? — Тисленко не удерживал.

— В экспедицию, к ботаникам.

— А дорогу знаешь?

— Примерно.

— Пойдем, покажу самую короткую,— Тисленко тяжело оперся ладонями о край стола, поднялся.— Там замечательные девочки травку щиплют. Парни мои к ним дорожку проторили.

Они прошли под вышкой и чуть углубились в лес. Среди высокого разнотравья впереди мелькнула тропа. Тисленко остановился.

— Никуда не сворачивай, через полчаса на месте будешь. Кстати, руководитель у них, профессор Антропянский, мой лучший приятель. Поклон ему.

— Поклон? — уловив иронию, уточнил Шатохин.

— Ну, доволен будет. Он выселить меня отсюда хотел. Явился, у меня, говорит, важная научная экспедиция, нам нужны нормальные условия. Вроде как нам они не нужны, дурака мы ваем.

— Хороший приятель.

— Да. Намекнул ему, что без нас его экспедиции ездить будет некуда... Ладно. Я ведь исключительно к тому, что кашу с ним несподручно варить. Тебя где найти?

— В поселке, у Ольдзигиной.

— У кормилицы остановился. Золото старуха. Ну, извини. Не угостил, не пригласил. Сам видишь, в запарке.

Тисленко повернулся и, не прощаясь, зашагал обратно.

Как и обещал начальник пожарной команды, ровно через полчаса Шатохин выбрал на лесную поляну. Полдюжины одинаковых оранжевых шатровых палаток, словно неошкуренные апельсины, сверкали на траве. Лагерь проснулся недавно, зоревое бдение тут, видно, было не в почете. Девушки бодрые, улыбочивые порхали между палатками. Глядя на хорошенькие их лица, на фигурки в джинсах и маечках, Шатохин подумал, что не зря тропа к лагерю напрямую от пожарников такая широкая.

Он постоял на краю полянки, помедлил, решая, в какой из палаток руководитель экспедиции — хочешь не хочешь, не избежать с ним встречи,— и двинулся к крайней палатке.

Не успел приблизиться на десяток шагов, как из палатки навстречу шагнул полный лысоватый мужчина лет пятидесяти, в очках, одетый в спортивное трико.

— Что вам угодно, молодой человек? — напористо, недружелюбно спросил он.

— Вы будете руководитель экспедиции?

— Да, я. Профессор Антропянский. Слушаю

вас,— взгляд оставался недружелюбным, а в голосе слышалось нетерпение.

Шатохин показал удостоверение, в нескольких словах объяснил причину визита.

Антропянский нетерпеливо выслушал, на удостоверение едва глянул и спросил:

— А почему, собственно, вы обратились к нам? Здесь, как вам вероятно известно, научная ботаническая экспедиция старейшего в Сибири университета. Партия в полевых условиях решает серьезные научные задачи. Неужели вы полагаете, мы имеем общее с уголовным миром?

Тисленко не зря предупреждал, что с руководителем ботаников сговориться сложно, однако он, пожалуй, смягчил краски.

— Разве я так сказал? — Шатохин с трудом подавил растущее ответное раздражение.

— А зачем вы тогда пришли в расположение лагеря?

— Видите ли, произошло преступление,— стараясь быть понятым, четко выговаривал каждое слово Шатохин.— Мне нужно поговорить с людьми.

— А я повторяю, здесь люди занимаются научными изысканиями, а не подглядыванием за преступниками. Если ваше воображение диктует вам искать их здесь, ошибаетесь. В партии ни одного постороннего человека. Все аспиранты и студенты, я сам подбирал кандидатуры и несу ответственность за каждого.

— Даже за то, что они видят и слышат? — Шатохин усмехнулся.

— Если угодно — да.

— И все-таки, с вашего позволения, я поговорю с людьми.

— Пока здесь распоряжаюсь я, ни с кем вы не будете говорить, и с вами никто.

Весь лагерь, подвинувшись ближе, с любопытством слушал разговор. Девушки шептались, переглядывались, открыто изучали Шатохина. Немногочисленная мужская часть экспедиции молчала. Не будь сейчас профессора, он был уверен, разговор состоялся бы. Но Антропянский своим присутствием исключал возможность разговора.

— А вам не кажется, профессор,— с досадой сказал Шатохин,— что вы берете на себя слишком много и мешаете следствию?

— Мне кажется, молодой человек, это вы пришли сюда и мешаете нормально работать.

Шатохин пристально посмотрел в глаза руководителю экспедиции, пытаясь понять, с самодурством имеет дело или с глупостью, спросил с издевкой:

— Скажите, профессор, вас никогда не били, не раздевали?

— Нет.

— И вы не жалеете об этом?

— Вы что, принимаете меня за ненормального?

— Странно, что не жалеете,— словно не слышав вопроса, сказал Шатохин.

В лагере больше делать было нечего. Он с сожалением поглядел на толпившихся за профессорской спиной членов экспедиции и побрел прочь из лагеря.

3

Был полдень, солнце стояло в зените и сильно припекало, когда Шатохин возвратился в поселок.

Настроение было скверное. После неудачного визита к ботаникам он наведаясь еще на Никонову заимку к старику Тобольжину. Старик был не местный — нежемский, а под Черданск переселился лет десять назад. Историю этого переселения знал весь район. В Кургане у него было два сына. Когда он овдовел и ему исполнилось семьдесят, сыновья написали, чтобы продавал дом и перебирался к ним. Не переносивший одиночества, обрадованный старик так и поступил. В спешке отдал свой добротный пятистенок за полцены и подался в Курган. Первые месяцы, действительно, жилось хорошо, а потом пошло вкривь-вкось. Был он колхозник-артельщик и пенсию заслужил с гулькин нос. Выходило, иждивенец прибыл. Сыновья под напором жен дружно отсылали его, словно футбольный мяч, друг другу. И в один прекрасный день подвели черту, посоветовали ему отправляться в интернат для престарелых.

Вот тогда он и драпанул без оглядки назад. Выкупить свой родной дом уже не смог. Припомнил заимку, на которой еще в гражданскую парнишкой хоронился от колчаковского набора, да и наострил туда лыжи. Так и жил отшельником на заимке круглый год. Гостевание у сыновей словно влило в него молодые силы. И прежде в лодырях не числился, но после возвращения развернулся, как в лучшие свои годы. Без свободных минуток жил. Летом — пасека, грибы да ягоды; рыбалка да плетенье корзин — круглый год. Самых удачливых черданских добытчиков обставлял в заработке. Только личной прибыли от этого не имел. Раздобыл где-то адрес ближайшего интерната для престарелых и аккуратно переводил выручку от трудов своих «на богадельню». А квитанции переводов заказными письмами сыновьям отсылал. Так и жил, и менять жизнь не думал.

Старик шнырял везде и отличался особой приметливостью, и Шатохин надеялся на него особенно. Однако последние дни Тобольжин безвылазно был на заимке, коптил рыбу — ни мно-

го ни мало три центнера — и, встретив Шатохина, принялся выпытывать насчет цен на рыбу в Нежме. Шатохин с жалостью глядел на вздрагивающие, перетрудившиеся на три жизни вперёд, руки. Посидел немного и откланялся.

Больше при всем желании Шатохин не мог ни с кем поговорить. На полторы сотни верст в округе ни души. Как ни крути, нужно ехать в тайгу. К сборщикам папоротника. Не может быть, чтобы из всей деревни никто ничего подозрительного не заметил.

Идя пустынной пыльной улицей поселка, он прибрассывал — вызвать ли вертолет или ехать по реке моторкой?

До Марьиной избы оставалось пройти десятка три шагов, когда его окликнули. Шатохин обернулся. Высоко вскидывая ноги, к нему бежал парень в джинсовом, плотно облегающем тело костюме. Шатохин остановился, ждал, пока он приблизится.

— Боялся, уедете, не застаю,— переводя дыхание, сказал парень.— Тисленко говорил, вы приходили, когда мы спали.

Шатохин кивнул.

— Сразу договоримся,— начал парень,— мне ни славы, ни имени в протоколе не нужно. Если помогу, добрым словом вспомните, нет — ничего не поделаешь. Идет?

Шатохин скользнул взглядом по крепкой, выпирающей из тесной куртки груди, по массивной бляхе пожарной авиалесоохраны, перевел глаза на веснушчатое юное лицо. Согласился:

— Идет.

— Ну и хорошо,— облегченно вздохнул парень.— На первое июня наблюдатель полетел в сторону Коломинских Грив. И я с ним. Договорились, он меня во Фроловку забросит, деревня старообрядческая по пути. Слыхали, может? Дома там сохранились. Пока он облет делает, я по домам решил пройтись. Может, старина там какая найдется, иконы... Что вы смотрите так? Мне они век не нужны. Тут знакомый один просил.

Ну, высадил он меня прямо около домов, там их четыре штуки на правом берегу Каргалы. И один еще, совсем развалина. Времени в обрез, я сразу по домам пошел. Быстро все оглядел, в последнем у печки стою, курю. Слышу, вроде тархтит вертолет. К окну подошел, гляжу — по противоположному берегу двое бегут к реке. Добежали, вниз прыгнули. И тут же моторка взревела. Мне из окна не видно. Пока на улицу вышел, до берега добежал, только корма и мелькнула на повороте. А тут и вертолет вернулся.

— Лиц не успел разглядеть?

— Сразу чувствуется, во Фроловке не бывали,— покровительственным тоном сказал парень.— Дома-то не на самом берегу. Метров

двести, да речки ширину учитывайте. В плащах да сапогах, это точно. А больше что сказать...

— Лодку случайно не запомнил?

— Обыкновенная, тут у всех такие. Что-то типа «Прогресса», я в них слабо разбираюсь. В молодости на скутерах гонял, вот их разве что по волне не угадаю.

Шатохин еле сдержал улыбку: в какой молодости его собеседник гонял на скутерах, если ему едва ли сравнялось двадцать.

— Может, не знакомый просил слетать во Фроловку — знакомая? — спросил Шатохин, налегая на слово «знакомая». — Из университетской экспедиции. — Поспешно добавил: — Договор остается в силе.

Парень покраснел, после некоторого колебания ответил:

— Ну хорошо, была женщина. Мы вместе летали. Только ее не нужно впутывать. Она не видела. Я ей после, уже в вертолете, рассказал.

— А летчик?

— Он совсем не знает.

— Что ж, спасибо. Кстати, нашла что-нибудь знакомая?

— А-а, лампу керосиновую. Я побегу, скоро вылетаем.

Парень отошел на несколько шагов, обернулся:

— А спасибо мне ни к чему. Лучше уговор помните.

Шатохин смотрел ему вслед, но думал о профессоре-ботанике. Есть же люди, которым кажется, что они все за всех знают и отвечать имеют право. От большого ума, от зазнайства или, может, от трусости это — пойди разберись. Но уж любить таких не за что. Рассказанное парнем, возможно, и не существенно, и отношения к ограблению не имеет, однако знать надо... А Тисленко молодец, сдержал слово...

Мария во все время разговора с молодым пожарником стояла на крыльчке, следила за собеседниками из-под ладони и терпеливо ждала, пока разговор закончится. Шатохин поспешил к ней.

— Вот это пошел умыться, — Мария с улыбкой покачала головой. — Три раза чайник совсем остывал, на огонь ставила.

Шатохин в ответ только виновато развел руками.

На кухонном столе все оставалось, как утром, только в миску с хлебными ломтями хозяйка подложила с полдюжины вареных яиц. Они аппетитно белели, и Шатохин принялся за еду.

Мария села за стол напротив, пила мелкими глотками крепко заваренный пахучий чай из огромной, разрисованной бледно-розовыми цвет-

ками чашки. По широкому боку чашки серебрилась дарственная надпись.

— А что, Мария, — спросил Шатохин, — до Фроловки отсюда дорога была?

— Прямо к нам — нет. Они на север, на Инновару ездили. А своротных — целых три. Около пожарной вышки одна, потом много дальше, за займой, где Тобольжин живет, а третья вовсе далекая — на лодке с мотором плыть больше часу. — Старуха поставила на стол чашку, махнула рукой, показывая, что плыть нужно вверх, против течения.

— Много дорог.

— Во все стороны тут их вдоль и поперек раньше было. Купцы еще колени накатали, по глухим урманам рыскали. Сейчас уж и не найдешь многих дорог, заросли.

— И на Фроловку все заросли?

— А что дорога. Без нее можно ехать.

— По тайге?

— Ну и что. Она чистая. Это туда, на север, ноги сломаешь, не продерешься, а тут хорошо. До войны на том берегу телеги держали, на конях за Коломинские Гривы ездили.

Шатохин с минуту помолчал, раздумывая.

— Слушай, Мария, если я раздобуду мотоцикл (он уже знал, у кого просить мотоцикл, вчера видел в михеевском дворе накрытый брезентом «Урал»), согласишься съездить со мной?

— Ты ешь пока, со вчера голодный, — сказала Мария, заметив, что Шатохин, оживившись, отложил в сторонку вилку и хлеб. Она отодвинула допитую чашку, встала из-за стола и вышла во двор.

В одиночестве он доел вяленое мясо и пил чай, размышляя, кого пригласить показать дорогу, если Мария откажется, как вдруг в открытую дверь с улицы ворвался резкий рев мотора. Он выскочил на крыльцо.

Мария, держась за руль старенького «Ижа», крутила рукоятку газа. Двери сарая, из которого она вывела мотоцикл, были распахнуты. Нагнувшись, не выпуская руля, Мария одной рукой что-то подрегулировала в моторе, перекинула ногу через пружинное сиденье, и «Иж» резко рванул с места, затормозил у крыльца.

— Ну ты и молодец, — Шатохин был искренне восхищен. — А я хотел спросить, приходилось ли тебе когда-нибудь ездить на мотоцикле. На заднем сиденье. — Он рассмеялся.

— У меня этому тридцать лет почти. А раньше «Харлей» был, после войны сразу купила.

— Мотоцикл водишь, а рацией пользоваться не умеешь. Что так?

— А так. Не все знаю, — Мария улыбнулась.

— Значит, едем?

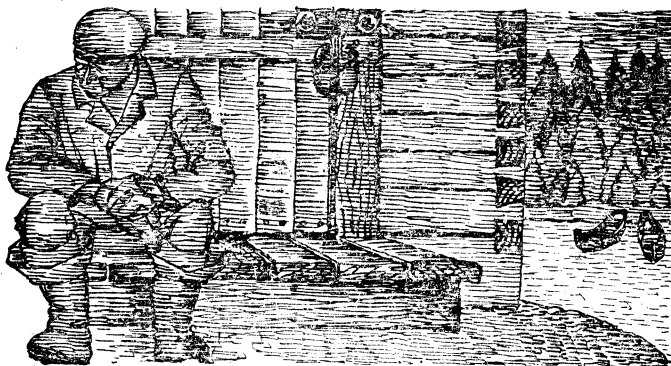
— Не торопи немножко, мотор посмотрю. Путь неблизкий.

4

Шатохин не подумал бы никогда, что по глухой тайге так долго можно ехать на мотоцикле. Но они уже больше часа благополучно катили без остановок. Мария оказалась права: ни густого молодняка, ни высокой травы, ни завалов ваlejника на их пути пока не встретилось. Поверх повязанной платком Марьиной головы Шатохин вглядывался вперед и видел сплошные наплывающие лапы ельника, темного, словно прихваченного сумерками. В ельнике и впрямь было темно-вато, хотя день в разгаре — шел четвертый час. Мария ловко поворачивала руль, направляла мотоцикл в просветы между лапами.

Ехать было легко, пока лес чуть заметно не пополз на возвышение. На сухой, засыпанной хвойной иглой земле возникли кое-где выпирающие на поверхность корневища. Мария старалась огибать их, но вскоре корни стали попадаться слишком часто, переплетенные между собой, как спутанные канаты на речном причале. объехать их было невозможно, и Мария повела мотоцикл напрямую. Мотор, басовито и ровно до сих пор гудевший, теперь то и дело захлебывался, переходил с истошного рева на жалобные всхлипы. От сильной тряски у Шатохина прыгало перед глазами. Как ни крепко держался, дважды едва не вылетел из сиденья. Он боялся не тряски — как бы не заглох мотор потрепанного «Ижа». Вот тогда будет номер. Они уже отъехали на добрых семьдесят километров. Выбираться пешком — это верных двое суток. Он не связывался с райцентром, не предупредил руководство о выезде из Черданска, и если застрянут в тайге, будут организованы его поиски. Этого еще не хватало... Однако не было иного выхода, как довериться мудрости старой таежницы: без уверенности в благополучном исходе она бы не пустилась в рискованное путешествие.

Шатохин не взялся бы определить, сколько километров они протряслись по корням, но вот

к его радости корни под крутящимися колесами пропали, мотор вновь запел спокойно-басовито. Опять замелькали хвойные лапы, но уже ненадолго — мотоцикл вырвался из ельника, впереди, на залитом солнцем просторе, показались избы под тесовыми крышами, с заколоченными окнами.

— Фроловка, — впервые за весь долгий путь обернулась Мария.

— Давно деревня распалась? — прокричал Шатохин.

— Лет, однако, двадцать прошло, — снова коротко обернулась Мария. — Как вышки поставили нефть искать, они и засобирались. Старые, однако, за Инновару, поглуше, перебрались, а моложе — в город ушли.

Мария остановила, заглушила мотоцикл в пяти шагах от берега реки, и, спрыгнув с сидений, оба они, уставшие от езды, стояли и глядели через речку на бревенчатые темные избы заброшенной деревни, наслаждаясь наступившей тишиной.

Пронзительно зазвенел в этой тишине комар. Шатохин отмахнулся, скинул в траву рюкзак, в котором была еда и одолженная у Михеева надувная резиновая лодка, и подошел к берегу.

Река была похожа на ту, что текла под Черданском: такая же неширокая, с хорошо проглядывающимся глубоким дном. Только вода в ней поспокойнее, до берега покруче. Под каменистым обрывчиком синела узкая глинистая полоска.

Шатохин спрыгнул вниз. Внимательно глядя под ноги, медленно побрел около самой воды. Не сделал он и полсотни шагов, как наткнулся на вмятину в глине — след от носа лодки. След уже немного заплыл. Так и должно: две недели минуло, как молодой пожарник мельком видел здесь двоих неизвестных. Шатохин поглядел в сторону домов: отсюда виделась лишь крыша крайнего. Да, тут, очевидно, и причаливала моторка.

След не обрадовал. Он был подтверждением, что парень говорил правду, но Шатохин и так верил. Не за этим, нет, ехал он в покинутую деревню. Если те двое причастны к ограблению, а не случайно, проездом, причаливали, должны быть еще следы.

— Двое были, — услышал он рядом негромкий голос Марии.

Шатохин и не почувствовал, как приблизилась старая охотница в своих лосиных ичигах, которые из-за больных ног носила и летом.

— Почему двое? — спросил он.

— Салоги разные, поди-ка, — Мария пальцем указала ему под ноги.

Он отступил на полшага, опустился на колени и разглядел на глине слабые, полуразмытые

оттиски подошв. Действительно, два. Первый, покрупнее,— в елочку, другой, поменьше размера на два-три,— волнистый.

Солнце раннего вечера светило вовсю, но глинистая полоска под береговым срезом уже ушла в тень. Мудрено было разглядеть старый след. Особенно тот, что с волнистой подошвой: волна больше угадывалась, нежели виделась.

Он одобритительно посмотрел на Марию, улыбнулся. Настроение поднялось. Хорошо, что он приехал сюда с Марией. Предощущение удачи росло.

— Еще след искать будешь? — спросила Мария, заглядывая ему в глаза.

Он утвердительно кивнул.

Он изучал берег. Впереди, пройти шагов триста-четыреста по течению, река делала изгиб, и там, у самого берега росла, клонилась к воде талина. Зелень ее густой кроны сливалась с зелеными деревьям, росших на соседнем берегу, и заштриховывала перспективу реки. При взгляде издали создавалось впечатление, будто реке нет дальше ходу. Те двое, которых видел молодой пожарник, слышали вертолет и метнулись к берегу, видно, из боязни, что с воздуха заметят их моторку. Если приезжали во второй раз, ошибки не повторили, на открытом месте лодку не оставили, маскировали. А кроме как у талины негде спрятать, берег чистый.

Шатохин быстро направился к талине. Там, там должны остаться следы. Сердце учащенно билось от волнения. Он раздвинул ветки — след лодки виднелся на влажной глине. След был не похож на первый — здесь лодку вытягивали из воды, а потом сталкивали. Острый выступ по центру днища оставил глубокую борозду на глине. Около — часто-часто оттиснуты елочки подошв. Волнистых, поменьше размером, не было. Он наклонился, чтобы получше разглядеть, и услышал голос Марии.

— Иди сюда, Алексей,— звала она. Голос звучал негромко, но в нем угадывалось нетерпение. Шатохин осторожно попятился, вышел из веток.

Мария стояла над обрывчиком, шагах в пяти.

— Гляди! — пальцем указывала она.

Трава по-над берегом была сильно примята. Кто-то долго-долго топтался на пятке. «Скорее всего в ожидании. Нервничал, прохаживался», — отметил Шатохин.

Он походил в полунаклоне по утоптанной площадке, глянул вниз с обрывчика. В воде, буквально в нескольких сантиметрах от берега, краснел кирпич. Он лежал неровно, на ребре, вода едва-едва прикрывала верхушку и чуть взбуривалась над приподнятым уголком. В воде, подалее от берега, на полуметровой глубине покоился и второй кирпич. Солнечный луч доста-

вал его, и он красиво лучился в прозрачной текучей воде.

Шатохин хотел прыгнуть вниз, вытащить из воды кирпичи, но голос Марии опять позвал его. В стороне от реки она обнаружила след протектора на еловом корневище со сбитой корой. По ширине шины след, возможно, принадлежал легкому мопеду. Шатохин присел на корточки, рассматривал. Да, мопеду.

Он достаточно четко мог теперь очертить путь, по которому ушли украденные меха. До Черданска добрались мопедом, спрятали его около поселка, а потом уже с мехами, через тайгу укатили на Фроловку. Не укатили — укатил. Один был. Столько шкур — это целый тюк. Вдвоем на мопеде да с такой поклажей ехать невозможно. Тем паче при сильной тряске. На двух мопедах? Нет. Это уж слишком сложно. И ни к чему. Открыть склад, забрать меха — одному вполне под силу. В гонке по тайге тем более напарник не требуется.

Да. Другой, скорее всего, ждал в лодке, по берегу прохаживался. Вон как трава потоптана. Погрузились в моторку — и в Нежму. До райцентра от Фроловки водой сотня километров: девяносто по Каргале и десять — по большой реке. Если постараться, то с хорошим мотором за три с небольшим часа до Нежмы добраться можно. Михеева последний обход делала около полуночи. Если вскоре после этого проникли в склад, к утру в райцентр прикатили.

Искать мопед поблизости — бессмысленно. От него, конечно, избавились, но не тут. По пути выбрали место поглубже и утопили. Украли мопед или купили — выяснить трудно: мопеды не регистрируются, в каждом дворе, где пацан есть, стоит один, а то и два. Потратит он неделю, выяснит, а ему скажут: кто-то увел. Сезонники со сплавного участка прошлым летом четыре мопеда украли, а заявление всего одно было. Но спрашивать в Нежме, какие лодки на плаву были, надо. Загвоздка в том, что внимания на них не обращают. Многие имеют лодки, весь берег ими усыпан.

Ладно, это он пока отставит в сторонку. А вот кирпичи для чего тут оказались? Может, просто путались под ногами в лодке, и выкинули их? А может, давно валяются?

Шатохин снова спустился к воде, достал ближний кирпич, о камни разломил пополам. В изломах половинки оказались сухими. Значит, кинуты недавно.

Он выпустил половинки из рук, и они бултыхнулись, брызги окатили сапоги. Шатохин долго молча глядел на эти половинки. Мария не докучала своим присутствием, курила трубочку с изогнутым коротким мундштуком. Слабый запах табака долетал до Шатохина.

— Поедем, Мария.— Он оторвал наконец взгляд от кирпичей, обернулся.

— В избы не пойдешь?

Шатохин отрицательно помотал головой.

— И есть не хочешь?

— Нет,— сказал он.— Корни пересчитаем колесами, тогда поедем...

Обратно ехали помедленнее. Через час самый трудный участок дороги остался позади. Они перекусили и сидели, отдыхали перед новым броском, теперь уж до самого Черданска. Шатохин знал, они скоро расстанутся. Будет возможность, он улетит в райцентр нынче. Старуха всегда всем помогала. Он пришел, и ему помогла. Хотелось сказать что-нибудь приятное, подумав, он спросил:

— Скажи, Мария, правду говорят, будто ты за войну шесть десятков медведей убила?

— Добыла,— быстро и сердито поправила Мария.— И привирают люди. Всех сорок пять, а в войну тридцать три, что ли.

— Сорок пять,— повторил Шатохин.— Смелая ты, Мария. Мне вот ни разу живой медведь не встречался.

— И не нужен тебе. У тебя свои медведи,— старая таяжница вздохнула, поправила платок на голове.— Помогла поездка, не зря? Сказать мне можешь?

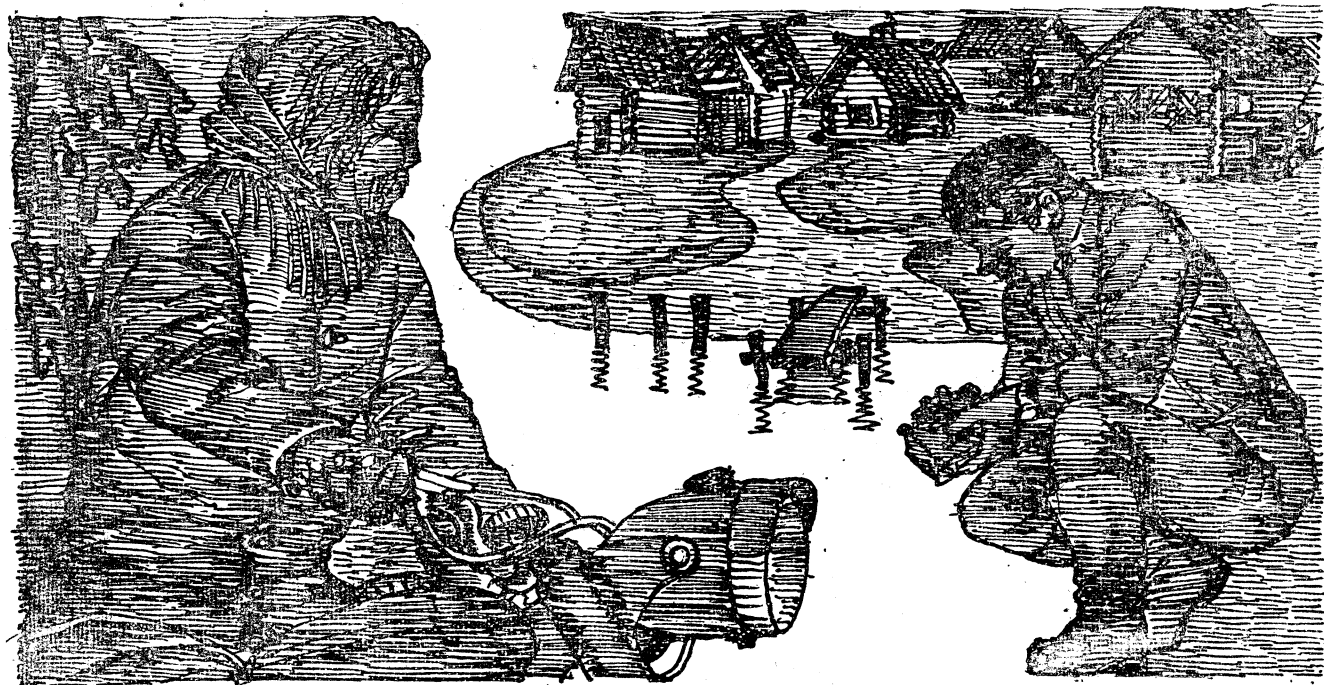
— Нужно было съездить. Обязательно. Расскажи-ка лучше, Мария, про медвежью охоту. Интересно.

— Что интересного. Медведю, поди, жить нужно. Не нужда бы, не стреляла...

— Тогда просто про медведей расскажи. Что хочешь.

— Ладно, не люблю рассказывать, тебе расскажу... После войны, еще молода была, попросили для зоопарка медведя поймать. Дело, поди, и не хитрое, если знаешь, как. Эвенки на медведя мало ходят, а отец мой ходил. И ловить умел. Вырубит чурбак, накрепко привяжет к нему короткую конопляную веревку, а на конце петлю завяжет. У медведя тропа своя, пойдет по ней, в петлю мордой и сунется. Мотать башкой станет, пуше петля затянется.

И я такую ловушку сделала. Поставила, два дня проверять ходила — пусто. А потом прихожу, издалека вижу, попался. И прямо перед моим приходом. Спряталась за соснами и слежу, что же косолапый делать будет. А он потоптался, потоптался, берет в лапы чурку и вперед кидает, от себя прочь как бы. Веревка-то на что — тянет. Опять он чурку в лапы — и уж об дерево ее. А чурка отскакивает, да в лоб ему. Тут мишка не выдержал и давай колошматить чурку лапами что-есть мочи. Я все слежу, что дальше. А он поостыл и землю рыть под собой принимает. Вырыл ямку, чурку туда помещает и закапывает лапами старательно. Медленно пятится и во все глаза глядит туда, где чурку закопал. А она из земли ползет. Он тогда снова закапывает, и опять чурка вылезает. Мне бы сетку

на него накинуть да за подмогой бежать. А я сижу в укрытии, за ним слежу. И смешно, и жалко. Так несколько часов он с чуркой и маялся.

— А сообразить веревку перегрызть не мог? — смеясь, спросил Шатохин.

— Не догадался,— весело закивала Мария.

Снова невольно припомнилась утренняя встреча с профессором ботаники. Одна из его сотрудниц видела во Фроловке двоих неизвестных. Видела, конечно, парень просто не захотел ее впутывать. Но если бы парень улетел на пожар, не пришел, то она единственная могла инспектору помочь. А профессор не дал поговорить... Ну, это теперь не самое важное. А вот кирпичи... Черт знает, чайник, что ли, кипятили на них? Не заметно опять-таки, чтобы костер разводили...

— Поедем, Мария. Только давай я поведу, а ты пассажиркой. Договорились?

5

С вертолетом-наблюдателем Шатохин на другой день в половине восьмого утра возвратился в Нежму и, не заходя домой, отправился в райотдел. Несмотря на ранний час, Звонарев был уже у себя, и Шатохин пошел с докладом.

— Много и ничего,— выслушав, подытожил майор.— И у экспертов не густо. Определили — пол полит уайт-спиртом.

— Будем искать,— сказал Шатохин.

— Куда денемся, будем. Вчера из края, из управления, звонили. Они посылают в помощь следователя. Первым рейсом прилетит.

Шатохина задело. Как не хотел изобразить невозмутимость, а, видимо, досада проступила на лице. Звонарев поспешил успокоить:

— Ты не обижайся, не обижайся, Алексей. Я помощи не запрашивал. Дело слишком серьезное, у нас сил мало, а время идет. Товарищ прилетит знающий. Глядишь, у него подучимся. Кстати, хорошо будет, если встретишь его. Как младший коллега старшего.

— Хорошо.

Первый самолет из райцентра прилетал по расписанию около десяти, и Шатохин решил, чтобы не терять зря времени, зайти в редакцию районной газеты, справиться о заметке.

Корреспондента Рассохина не было на месте, он вчера ушел на катере на дальнюю леспромхозовскую вахту, и Шатохин отправился к редактору. Редактор, пожилой, низкорослый, всполошился, стоило Шатохину назваться и заговорить о заметке.

— Три года ни звука об охотниках,— редактор быстро прошаживался по кабинету и сыпал словами,— и вот надоумило упомянуть. И так неудачно! Я как услышал о происшествии, так к

подшивке кинулся. И какая удачная информация! Указано, что все село уедет, и когда, и на сколько. Заметка виновата? — редактор в ожидании ответа замер, глядя на Шатохина.

— Почему все же Черданск? — спросил Шатохин.

— Да не корреспондент придумал. Он стажер, третью неделю у нас. Меня винить нужно. Нас ругают за петитные равнины, крупные то есть материалы даем. Я и потребовал информационные подборки. Сам темы подсказал. Велел по радию с дальними уголками связываться.

— Может, писали, что меха долго не вывозятся, хранятся в тайге?

— Да вообще три года об охотниках не упоминали. Сами убедитесь,— редактор подошел к застекленному шкафу, вытащил оттуда переплетенные подшивки.— Это упущение наше. Край таежный, а мы о таежниках в редкий праздник упоминаем. Текучка заедает. Собrania, отчеты.

Вместе они полистали подшивку. Редактор оказался прав.

Шатохин глянул на часы. Он уже опаздывал в аэропорт.

К единственному в Нежме трехэтажному зданию аэропорта Шатохин подкатил на попутном газике без пяти десять, с опозданием. Издали завидел на летном поле серебристое брюхо Як-40 и поморщился: как нехорошо вышло, обещал же встретить, что теперь Звонарев подумает.

Оказалось, заволновался он преждевременно: этот «Як» пролетный, с севера, а самолет из краевого центра запаздывает, через четверть часа ждут, не раньше.

Он походил по скверику. Там былолюдно. В неспешном томительном ожидании пассажиры сидели на скамейках, лежали прямо на траве. Геологи, вахтовики, таежный коренной люд из дальней глубинки, командированные. Группами, по одному, семьями. С солидными узлами и чемоданами. И с тощими портфелями.

Четверть часа минуло, и объявили по радионую отсрочку, теперь уже на полчаса. Шатохин вздохнул: ничего не попишешь, ждать надо.

В сквере бродить надоело, и он направился к высокой из частых металлических прутьев ограде, отделяющей сквер и здание порта от летного поля, посмотреть для разнообразия, как садятся и поднимаются самолеты.

Допотопные, приятного вида «аннушки» сновали часто. Пассажирских мало, все грузовые. Одни гасили скорость, выруливали к своим стоянкам, другие срывались с места и неслись, вздрагивая на неровностях небетонированной полосы, третьи стояли с раскрытыми люками под погрузкой, четвертые, подготовленные к взлету, дремали в ожидании пилотов.

Объявили посадку, и тотчас десятка два пассажира прихлынули к ограде. Желавших улететь было куда больше, чем мест в Ан-2. Обычная в таких случаях суета и сутолока началась еще до подхода контролера. Шатохин стоял близко от дверцы выхода на посадку, ему пришлось передвинуться вдоль ограды шагов на восемь — десять, чтобы не мешать.

Пошел и встал неподалеку одетый в новую брезентовую робу и кирзовые сапоги мужчина. В руках — по портфелю. Он осторожно поставил портфели у ограды, покосился на Шатохина, закурил. С противоположной стороны ограды к нему приблизился рослый нескладный парень в замасленной форме техника, в сбитых ботинках на босу ногу. Шатохин видел авиатехника минуты три назад лававшим по хребту транспортной «аннушки». Техник изучающе глянул на Шатохина, кивнул мужчине. Тот выплюнул сигарету, наклонился за портфелями, высоко поднял их над головой. Техник через ограду подхватил один портфель, небрежно поставил себе под ноги.

— Полегче, в обоих сервизы, — не выдержал, приглушенно вскрикнул мужчина.

Словно в подтверждение, в оставшемся в его руках портфеле звякнула посуда.

— Тяжелый, думал, породу везешь, — буркнул техник в оправдание. Второй портфель, однако, принял осторожно. Подхватил поклажу и пошел напрямик к самолету, который недавно осматривал.

Шатохин во все глаза глядел на портфели в руках удалявшегося, сильно косолапившего техника. Кажется, он вдруг нашел ответ на мучавший его со вчерашнего дня вопрос: почему на безлюдном берегу Каргалы очутились кирпичи. Он еще боялся, как бы неожиданно мелькнувшая догадка не умерла так же быстро, как родилась, не выдержав проверки логикой. Но первая догадка потянула за собой вторую и, слившись воедино, эти догадки уже не вызывали сомнений в своей истинности. Конечно же, глупо было предполагать, что кирпичи выбросили за борт, потому что мешали в лодке. Их бы заранее выкинули. Щепочки не к делу не было в лодке, это уж точно.

И везти во Фроловку оперативную группу вместе с Бахаревым и Ханом, пытаться пройти по следу мопеда, как он хотел предложить майору (и предложил бы, если бы не скорый приезд следователя из крайцентра) — нет нужды. Поинному нужно.

Думая о своем, Шатохин потерял из виду мужчину, передававшего портфели. Когда хватился, поискал глазами, увидел его бегущим к грузовому самолету. Где и когда он проник за забор, Шатохина сейчас мало занимало. И летчики, которые шли, весело переговариваясь, к

транспортному самолету, тоже не интересовали.

Он убедился, что мужчина с портфелями селтаки в транспортный самолет, и торопливо зашагал в здание порта.

По служебному ходу поднялся на второй этаж, постучал в дверь с табличкой «Командир отряда Сидельников».

Немного он был знаком с командиром отряда. Прошлой осенью большой компанией ездили на рыбалку на Дальний остров. Спиннинговали рядышком, сидели у одного костра. Разница в возрасте помешала сближению, Шатохин выбрал общество помоложе. С тех пор они не встречались, но Сидельников должен был помнить напарника по удачной рыбалке.

Командир отряда действительно не забыл. Сначала коротко вспомнил о поездке, вздохнул, что на большую рыбалку нет времени, а потом уж спросил, чем может служить.

— Меня интересуют все рейсы четырнадцатого июня. Пассажирские и транспортные, — сказал Шатохин. — Утренние особенно.

— Пожалуйста, — охотно согласился командир отряда. — Пассажирских с утра два рейса на север по расписанию, но оба до обеда были задержаны: мало пассажиров, ждали, пока подойдут. У нас горючего перерасход, экономить приходится. А транспортные шли, сейчас запрошу сводку. — Он потянулся к кнопкам селекторной связи.

— Минуту, — поспешно остановил Шатохин. — Вы сами не помните, какие куда летали?

— Знаю, что в Чугуны первый улетел, — пожал плечами командир отряда. — В семь тридцать. Потом, кажется, в Новоярск в восемь с минутами... Вас ведь не удовлетворит приблизительный перечень. До полудня грузовых не меньше шестнадцати было. Как все упомнишь.

— Хорошо. Попросите, пожалуйста, сводку. Самую подробную. Но не за один день — с седьмого по четырнадцатое.

— Хорошо, — кивнул Сидельников. — Сделаю, как просите. Но вас интересует все-таки четырнадцатое или все дни?

— Четырнадцатое.

— Простите, я догадываюсь, ваш визит, наверно, связан с кражей в Черданске. Мне показалось, вы не хотите, чтобы (командир отряда кивнул на дверь) мои работники знали о вашем интересе... Можно откровенно, вы подозреваете кого-то?

— Можно. Боюсь, кто-то из ваших замешан в этом деле. Да-да. — Утвердительно кивнул в ответ на молчаливый недоверчивый взгляд.

— Вы подозреваете летчиков?

Шатохин промолчал.

— Я не выясываю, — продолжал Сидель-

ников.— Хочу просто уточнить. Начальник ваш отдает распоряжение тщательно проверять багаж и документы у всех вылетающих. Если при этом не доверять летчикам... где же логика? — Лицо Сидельникова порозовело.— Может, вы скажете, кто-то из летчиков и взломал склад?

— Нет. Хотя и этого исключить не имею права...

— Слава богу,— вздохнув, перебил Сидельников.

— Они могли перебросить преступников. Невольно, возможно, не догадываясь.

— Ни-ни-ни,— энергично потряс головой, оживился командир отряда.— Есть инструкции, запрещающие брать в грузовые самолеты пассажиров. Конечно, исключения допускаются, но с моего ведома. Вот,— он открыл папку,— три дня назад отправили одного геолога в Шаламовку. Фамилия указана, Прибытков.

— А сегодня?

— Ни вчера, ни сегодня никто из пассажиров на транспортном не улетал.

— Минут десять назад я сам видел, как один гражданин перемахнул через ограду и нырнул в самолет. В «аннушку». Не пассажирскую...

О технике Шатохин пока решил умолчать.

Командир отряда посмотрел недоверчиво, щелкнул кнопкой селектора, чуть повернув голову к микрофону, спросил:

— Кто у вас только что улетел на Ан-2?

— Селезнев полетел в Новоярск. За строительной бригадой, Георгий Всеволодович,— раздался в ответ в динамике женский грудной голос.

— Пусть ко мне зайдет, как вернется.

— Он не скоро вернется, Георгий Всеволодович. До конца дня не будет,— снова ответил приятный голос.

— Все равно, пусть зайдет.

— Хорошо, я передам, Ге...— Командир выключил связь, и голос, не забывающий в каждой фразе повторять имя-отчество Сидельникова, оборвался.

— Он надолго запомнит этот рейс,— Сидельников откинулся на спинку стула, выпрямился.— Простите, вы же просили сведения. Сам принесу сейчас.

Назвал наугад или точно помнил Сидельников количество рейсов, но действительно до обеда четырнадцатого июня из Нежмы вылетали шестнадцать транспортных самолетов.

Половину Шатохин отбросил сразу. Они летали в отдаленные точки. Выбраться оттуда трудно, как из глухого скита, летом исключительно по воздуху и, главное, только обратно в Нежму. Еще два рейса отпали в связи с тем, что самолеты садились на чужих аэродромах: опрыскивали прошлогодний очаг поражения тайги шелкопрядом.

Оставалось шесть рейсов. В колонку Шатохин выписал:

7.30 — Чугуны

8.20 — Новоярск

9.10 — Шаламовка

9.40 — Чугуны

10.50 — Плотниково

11.00 — Шаламовка

Протянул листок Сидельникову.

— На Новоярский рейс я сам подходил к самолету. Не было там посторонних,— сказал командир отряда.— А на Чугуны вторым рейсом монтажники полной загрузкой летели, и еще мест не хватило. После обеда довезли.

Итак, второй и четвертый рейсы отпали.

Первый, слишком ранний, и последний, пожалуй, поздний, Шатохин вычеркнул сам. Подумав, зачеркнул и предпоследний рейс. Тоже — поздно. Разница с последним в десятиминутку, и что еще важнее, дальше из Плотниково улететь трудно. Там перевалочный пункт, аэропорт круглый год, как муравейник. Пассажиры сами зорко следят, как бы кто блатом не воспользовался, не просочился вне очереди.

Оставалась Шаламовка. Да! Он уверенно поставил крупную галочку против третьего рейса, из диспетчерского журнала выписал номер машины.

— Колесников и Серегин,— назвал фамилии пилотов командир отряда, наблюдавший за каждым росчерком пера инспектора.— Молодые ребята, исполнительные. Комсомольцы. Второго год после училища.

— В полете? — спросил Шатохин.

— В общежитии должны быть. По скользящему графику работают,— ответил командир отряда, огорченный тем, что инспектор не обратил внимания на характеристики.

Шатохину было сейчас не до характеристик. Нетерпение подгоняло. Он встал.

— Можно с вами? — попросил командир отряда.

— Пожалуйста,— согласился Шатохин.

Барачного типа бревенчатое здание общежития летного состава находилось неподалеку от аэропорта. Они молча дошли до общежития. На спортивной площадке около здания группа парней в трусах и майках азартно играла в волейбол.

— Тут парни,— кивнул командир отряда.— С мячом Серегин вон, второй пилот.

Они обогнули штакетниковую ограду, вышли к спортплощадке.

— Колесников, Серегин,— позвал командир.

Запыхавшиеся, разгоряченные игрой парни подбежали тотчас. На Шатохина едва обратили внимание, вопросительно глядели на командира.

Шатохин решил дать первое слово ему. Разглядывал парней, одинаково рослых, умудрившихся за несколько погожих солнечных дней загореть до шоколадного отлива.

— Следователя привел к вам, говорит... — начал Сидельников.

— Я говорю, — перебил Шатохин, — про позавчерашний рейс в Шаламовку. В девять десять. Четырнадцатого. Вспомните-ка подробно. Особенно, как грузились.

По тому, как тревожные тени пробежали по лицам, как переглянулись парни, понял: попал в точку.

— Ну-ну-ну, — не давая опомниться, торопил, наступал Шатохин. — Дело не шуточное. Пока только перед своим командиром ответственность несете.

— Вас ведь не груз, какой везли, не теодолиты интересуют, — пробормотал Колесников.

— Нет, не теодолиты, — строго сказал Шатохин.

— Про ограбление пушного склада слышали? — сказал Сидельников.

— Георгий Всеволодович, она ведь просила... — не выдержал, заговорил первым Серегин. Бледность разлилась по его лицу.

— Кто — она?

— Диспетчерша наша, Смокотина Ольга Евгеньевна, — хмуро пояснил Колесников. — Попросила мужика одного посадить...

— И вы посадили?

— Посадили, — упавшим голосом сказал Серегин. Колесников мрачно кивнул.

— Давайте-ка подробнее, — велел Шатохин.

— Что подробнее. Четырнадцатого утром, минут за десять до вылета вышли из комнаты техников... — начал рассказывать Колесников.

— Вдвоем? — уточнил Шатохин.

— Да, вдвоем, без бортмеханика летали. Она подходит, говорит: «Ребята, хорошему человеку в Шаламовку попасть быстро нужно. Не в службу, а в дружбу, выручите. Он у самолета ждет». И пошла.

— Мы ей и не пообещали, — сказал Серегин.

— Да, ничего не обещали, — подтвердил Колесников. — В пилотской после минуты три побыли и к самолету пошли. Подходим, а он стоит около люка. «Уже летим, парни?» — спросил. Витька ему отвечает: «Да». Он в самолет и пошел...

— Сел сам, а вы только везли, — язвительно сказал Сидельников.

Шатохин жестом попросил пока не вмешиваться.

— Подождите, ребята, по порядку. Смокотина, когда просила увезти мужчину, никак его не называла, не говорила, почему за него хлопчет?

— Я дословно передал, — ответил Колесников. — Улыбнулась, руку к груди приложила, когда «выручите» сказала.

— А раньше обращалась к вам с такой просьбой?

Колесников украдкой посмотрел на командира отряда, коротко кивнул:

— В апреле, в конце, мы в Плотниково летали, тоже мужика одного...

— И так же он у самолета ждал?

— Не-ет, того она сама подвела, — вставил Серегин.

— А других летчиков просила?

— Откуда знать, — пожал плечами Колесников. — Не говорят же об этом.

— Верно... К пассажиру вернемся. Какой он из себя? Одет во что?

— В костюме. В плащ коричневый незастегнутый, прохладно с утра было. Лет сорок, с нас ростом. Волосы темные... Я знаете, удивляюсь, когда читаю, как это описывают лицо — продолговатое или полуовальное... Нормальный он, как все.

Шатохин вопросительно посмотрел на второго пилота: дескать, твоя очередь.

— Свежевыбритый, — неуверенно добавил Серегин.

— Может, усталым выглядел? Одежда слишком новая или помятая? Не бросилось в глаза?

Колесников перекинулся взглядом с другом, ответил за обоих:

— Нет, все в порядке у него.

— Нормальный так нормальный. У люка когда стоял он, из порта виден был?

— Нет, машина люком туда развернута была, — махнул рукой второй пилот в сторону хорошо видного со спортивной площадки леса.

— И люк открытый?

— Да, после загрузки всегда оставляют.

— А вещи какие у него были?

— В том и дело. Мы думали, он вообще без вещей летит. Сразу в голову не пришло как-то, что он мог заранее погрузить. Он же не знал, может, мы откажемся. И люк закрывал, не заметил. Да где заметишь, там грузу натолкано. А в Шаламовке уже, я спрыгнул на землю, он следом с двумя чемоданами... — Первый пилот споткнулся, поняв молчаливый вопрос инспектора, продолжил. — Темно-коричневые, мягкие таккие, на «молнии» и с двумя ремнями. Чешуя на коже, под крокодиловую, что ли.

— Прилетели когда в Шаламовку?

— Полтора часа лету.

— Денег не предлагал?

— Нет. Спасибо сказал и пошел.

— Пошел прямоком к аэровокзалу?

— А я даже не помню. Витька, ты не заметил?.. Не знаем. Мы что-то в кабину обратно по-

лезли. Да, к грузу бумаги, в багажную контору идти, и забыли о нем даже. Я чемоданы-то его запомнил, — нам бы с Витькой в отпуск лететь с такими...

— Когда про меховой склад услышали, не мелькнуло подозрение?

— Да что вы! Если бы... Там же утром четырнадцатого, говорят, ограбили. Как бы он из Черданска попал? Нет. Да и не похож.

— Не похож? — переспросил Шатохин. — Хорошо, на этом пока остановимся. Зайдете ко мне в восьмой кабинет... — Он задумался насчет времени. Предчувствовал, день будет загружен плотно. — Часов в восемь зайдете. А пока о нашем разговоре никому и ни в коем случае. Поиграйте еще немного.

Молодые пилоты не очень бодро отправились на волейбольный прямоугольник. Шатохин, а следом и командир отряда — к калитке.

— Молодежь зеленая. Вот так на удочку и попадаются, — Сидельников был подавлен.

По тротуару сзади послышался стук каблучков. Шатохин сбавил шаг, посторонился, дал возможность молодой женщине в яркой мохеровой кофте обогнать их, спросил:

— Кто это Смокотина? Давно у вас работает?

— Год, — ответил Сидельников.

— Приезжая?

— И приезжая, и местная. Родилась, выросла в этих краях. Потом лет пятнадцать на Украине жила. Родственники там или просто прибились. Семья нет, одна вернулась.

— Там кем работала?

— Вроде нынешней работы. Точно не помню, экспедитор или диспетчер. Может, приемщица.

— Что там не пожилось? Как объясняет?

— Отец у нее умер, что объяснять. Дом оставил добротный. Слышал, будто из-за дома и не уезжает, цену хорошую ждет. На Заозерной, возможно, обращали внимание — весь в рябинах дом, на высоком фундаменте, до окон не дотянуться. Так его и зовут, домом Евтихия.

— Это кто — Евтихий?

— Отец Смокотинной.

— Вроде другое отчество слышал.

— Да, Ольга Евгеньевна. Так она себя представляет. Это понятно. У нас многие молодые из староверческих семей. К вере отношения не имеют. А в документах имени родительского не заменишь. Хоть там Евтихий, хоть Евлампий. Зато в обиходе часто переименовывают.

— Смокотина, выходит, из старообрядческой семьи?

— Да. Из Агаповки. По Каргале староверческая деревня встык с Фроловкой стояла. Я двадцать лет здесь. Приехал, как раз обе распада-

лись. Агаповцы к нам подались, а у фроловцев вера покрепче, — на север. Единицы, понятно, молодежь уже...

— Значит, Фроловка и Агаповка рядом стояли?

— В принципе одно село и было.

— Случайно не знаете, у Евтихия лодка была?

— Если не три. Он хоть и старовер, техники никакой не чурался.

— Любопытная эта Смокотина. На работе она?

— При вас по селектору с ней разговаривал. Будете ее допрашивать?

— Допрашивать? Ни в коем случае! Она ни о чем не должна знать. Понимаете?

— А мне что с ней делать?

— То есть?

— Она с завтрашнего дня уходит в отпуск. Отпуск ей не давали, работать некому. Она у меня просилась. Два дня назад ей разрешил.

— Отпуск? — переспросил Шатохин. — Это что, она выпросила?

— Положен ей. С семнадцатого июня. У нее и путевка есть. В Трускавец вроде бы.

Они подошли к зданию порта. Разговор на людях пришлось прервать. Сидельникова окликнули. Минуты три пока он разговаривал, Шатохин переминался с ноги на ногу, разглядывая носки своих давно не чищенных сапог. Нужно бы выкроить минутку забежать домой, переодеться, привести себя в порядок, да некогда. Як-40, который он принял за самолет из крайцентра, так и стоял на летном поле, а ожидаемый Шатохиным самолет все еще не прилетал, надолго запаздывал.

Мысль о самолете мелькнула и была тотчас вытеснена более важной. Что Смокотина уходит в отпуск, было неожиданностью. Впрочем, почему бы ей и не отправиться теперь в отпуск. Самое, пожалуй, время. Он бы на ее месте чуточку помедлил, может. Хотя зачем?

Командир отряда закончил разговор, попрощался с собеседником, и они пошли в здание порта, снова оказались в кабинете.

— Смокотина уже взяла билет?

— Нет. Я бы подписывал. Ей льготный положен. Не знаю, чего медлит.

— Если разрешили, тогда не мешайте Смокотинной уехать. И очень прошу, принесите ее личное дело. Подумайте, как его взять.

Командир отряда кивнул, пошел к двери.

— Кстати, — спросил Шатохин, — почему нет самолета из крайцентра?

— Над краем с утра грозовой дождь, аэропорты закрыты.

— Удивительно. А у нас сушит.

6

Спустя полтора часа Шатохин был в кабинете майора Звонарева, докладывал о диспетчерше Смокотиной, о молодых пилотах, о неизвестном, который с двумя чемоданами в день совершения в Черданске преступления улетел в транспортном самолете на Шаламовку.

Перед майором на столе лежало личное дело диспетчерши. В левом верхнем уголке наклеена фотография. Смокотина была блондинкой. Снимок точно соответствовал ее возрасту. Больше ее тридцати пяти, как и меньше, по фотографии не дать. Взгляд темных глаз спокойный, чуть усмешливый. Рельефные подкрашенные губы, широковатый нос. Черты лица некрасивые, но приятные, притягательные. Майор глядел на фотографию и слушал инспектора.

— Все это прекрасно, — сказал, когда Шатохин умолк. — Но не окажется ли так, что Смокотина к делу не причастна? Что мы против нее имеем? Что уроженка Фроловки-Агаповки и хорошо должна знать тамошнюю тайгу — этого в вину не поставишь. Дальше. Даже если бы мы могли доказать, что за две недели до преступления она была во Фроловке, это само по себе мало дает. Скажет, зов предков, тянет в родные места. Допустим, в этом моменте мы могли бы поспорить с ней, да ведь доказательств, что именно она была — у тебя таких доказательств нет. А самолетом? Можем мы категорически утверждать, что посадила она в самолет человека не из корысти? Сам же говорил, и прежде навязывала пилотам попутчиков. Предложили, скажем, за посредничество ей десятку, а то и четвертной, заметь, честный человек предложил, она и соблазнилась. Плохо? Да. Но нам от этого не легче. Может оказаться, еще кто-нибудь в то утро прихватил на борт нелегальных пассажиров. Летчики по своей инициативе, авиатехники упростили. Покопаться, так, думаю, не исключено.

— Согласен, товарищ майор, насчет нелегальных. Но все-таки диспетчерша не десяткой соблазнилась. Те, за которых раньше летчиков просила, — случайные. Их для отвода глаз отправляла, чтобы этот после не выделился.

— Пока не доказано.

— Попробую: Я утром докладывал, помните, на берегу Каргалы сильно примята трава и кирпичи в воде валяются. С травой еще объяснимо: думал, сообщник ждал на берегу, прохаживался, лежал. А вот с кирпичами — голову сломал, одно получается: случайно выкинули. Но какие там случайности. В аэропорту гляжу, как вещи через ограду подают, и понял: никто не прохаживался по берегу, не ждал. Один там человек был. И кирпичи привез с собой специально, для весу понадобились. Понимаете?

— Не совсем.

— На складе преступник пушнину набивал, безусловно, в мешки или рюкзаки. На мопеде везти удобнее. Но удобно только в тайге. Четыреста с лишним штук, невыделанных, как ни приминая, тюк целый. Такой багаж приметен, на люди не выйдешь с ним. А в чемоданы упаковал, и порядок полный. Вот оттого, что меха перекаладывали на берегу реки, в чемоданы втискивали, один втискивал, трава и примята.

— И все же, при чем кирпичи?

— Для тяжести. Объемный чемодан в руку берешь, на тяжесть заранее настраиваешься. Легкий — он подозрительным покажется. А если заботились, чтобы подозрительным не показался, значит, заранее предполагалось чемоданы передавать в чужие руки. Кирпичей взято было с небольшим запасом. Вот эти не потребовались — все-таки столько шкурок спрессовать, тоже вес.

Звонарев слушал внимательно, не перебивал.

— Кстати, от реки до порта унести чемоданы и не заметить ни одного свидетеля проще простого, — продолжал Шатохин. — Я сейчас проходил около складов горюче-смазочных материалов. Там мимо глухого забора от реки на портовскую дорогу выйти — шагов сто сделать. А на дороге с вещами примелькались, каждое утро к порту чуть не толпами тянутся.

— Выходит, — сказал Звонарев, — если следовать твоей версии, преступник в Шаламовке не задержался.

— Конечно, нет. Я глядел в расписание. Из Шаламовки два рейса на крайцентр, в половине двенадцатого и в три местного. Улететь просто, риска почти никакого. Когда охотничий сезон закрыт, досмотра багажа нет. Сдаешь вещи, на металл попробуют, не открывая. И все, свободен. Если в срок самолет улетел, преступник приземлился в крайцентре, пока еще не забили тревогу.

— И где он сейчас по-твоему?

— Скорее всего, в Нежме.

— Вот как, — удивленно вскинул брови Звонарев.

— Да, я так думаю. Поставим себя на его место. Его видели две недели назад во Фроловке. Значит, у нас он минимум эти две недели проживал, плюс день, другой, третий. Райцентр маленький, каждый приезжий на виду. Не болтался же без дела, наверняка куда-нибудь на работу устроился. С документами, честь по чести. Сейчас, когда все удачно исполнено, зачем ему исчезать. Понимает, на кого милиция первым делом внимание обратит. Вернулся вторым или вторым рейсом.

— Значит, меха должны находиться в крайцентре?

— Пожалуй. Если его не встретили.

— Едва ли,— майор отрицательно покачал головой.— Провернули вдвоем самое трудное, напоследок зачем к помощникам прибегать.

— Тоже так думаю,— согласился Шатохин.— В камере хранения оставил чемоданы, не исключено, что у родственников. Не посвящая, разумеется.

— Никто у Смокотиной не останавливался, не узнавал?

— Нет. Отшельницей живет.

— Да, значит, забрать меха должна Смокотиная. Представляешь, как важно, чтобы она чувствовала себя уверенно, вне подозрений. С Сидельниковым я сам поговорю, а у пилотов обязательно возьми подписку о неразглашении. Хорошо бы выяснить, с кем переписывается эта Смокотиная, насчет лодки прощупать. Но ты в это дело, пожалуйста, не вмешивайся. Займись тем, кто был с чемоданами. Что думаешь делать?

— По отделам кадров пройтись нужно. Смокотиная на Львовщине, в Новом Роздоле жила, может, земляки ее обнаружатся.

— Правильно, но долго. Время не терпит. Сделаем-ка срочный запрос в Шаламовку и крайцентр. Списки пассажиров поглядим. Авось, где фамилии пересекутся.— Начальник милиции критически оглядел Шатохина, не приказал, попросил:

— Ты сходил бы домой, переоделся, поел бы, а?

Шатохин согласился охотно. Он жил в двадцати минутах ходьбы от райотдела, за мосточком, в доме у пожарной каланчи. Машины во дворе не оказалось и пришлось идти пешком. Он успел вскипятить чайник, переоделся и, отпивая крепко заваренный чай, просматривал скопившиеся за два дня газеты, когда раздался телефонный звонок.

Майор срочно вызывал к себе. Он уже успел связаться с Шаламовским и краевым портами. Судя по ноткам в голосе, получил хорошие вести.

— Есть! — сказал майор, когда Шатохин вошел в его кабинет.— В половине двенадцатого из Шаламовки отбыл Супрунюк Алексей Михайлович. Он же из крайцентра вылетел к нам в пятнадцать ноль-ноль. Тут еще фамилия Степанов повторяется, но у этих отчества разные. Поздравляю, ты прав.

— Так что, будем искать Супрунюка? — спросил Шатохин.

— Нет. Делай, как задумал. Земляки нужны. Полагаю, этот сукин сын летел под другой фамилией. Поторапливайся. Подключи Акаченка и Луневу, один не управится быстро.

— Григорий Александрович,— Шатохин колебался, стоит ли говорить сейчас, догадка была слишком свежа.

— Слушаю,— поторопил Звонарев.

— Да так, подумалось. У Смокотиной путевка в санаторий, через три дня должна туда прибыть, заявление на отпуск подписано, а билет еще не выписывала. Конечно, своих, портовских, всегда посадят. И все же странно. Отпускник старается заранее оформить, чтобы мороки не было. Свободна — ни хозяйства, ни огорода,— а медлит.

— Думаешь, договорились лететь вместе с этим Супрунюком, и выжидает?

— Почему бы и нет. Все гладко прошло. Что ему, собственно, торчать здесь. Да и душа у него не на месте будет. Ей он доверяет, но случайностей должен бояться. Вдруг в дороге она в какой-нибудь переплет попадет. Просто нервы сдадут, женщина все-таки.

— Если трудоустроен, повод веский нужен уехать.

— Найдет. Вызов ему придет, заболит срочно, травму получит, мало ли...

— Вызов — несерьезно. И какую особую болезнь изобретет? — Майор прикурил папиросу, затянулся.— Несчастный случай — да. Это не исключено. Правильно сообразил. Я свяжусь с медициной. А ты бери все же пока Луневу и Акаченка и действуй.

7

Сезонников в районе каждое лето скапливалось до полутора тысяч. Кого романтика, кого длинный рубль, кого откровенная тяга к бродяжничеству забрасывали в этот таежный, отдаленный край. Большая часть сезонников оседала в леспромхозах на сплаве и разделке леса; были они и в зверосовхозах, и в геологических партиях, и почти во всех мелких районных организациях. По правилам все прибывшие на заработки должны были проходить через паспортный стол, да где там. Хорошо хоть по документам принимали кадровики на работу, раньше и этого не было. Как ни спешили, за остаток дня и четверти организаций, где есть временные, не проверили.

Шатохин вернулся домой поздно. Затяжной в июне светлый северный вечер угас. Долго устало раздевался, пил чай, потом ворочался в постели, пока дремота не начала одолевать. Уснуть, однако, не удалось. Телефонный звонок помешал. Снова звонил майор, попросил собраться, он уже выслал машину.

Звонарев прохаживался по кабинету, курил папиросу. В пепельнице полно окурков. Табачный дым густо стлался по кабинету. Лампочки в сизом дыму, казалось, чадили.

— Долго ехал,— сказал Звонарев нетерпеливо.— Звонил главврач больницы. Два часа назад

они выслали «скорую» на третий сплавучасток. Несчастный случай в вечерней смене произошел. Там баржи под загрузкой стоят. Стропальщик подводил трос под бревна. И представь себе, бревешко выскользнуло из пакета, покатилося и сломало руку стропальщику. Догадываешься, кто пострадавший?

— Супрунюк?

— Почти угадал,— майор вскинул руку, щелкнул пальцами в воздухе.— Крутецкий. Петр Тарасович Крутецкий. Но не сомневаюсь теперь, что и Супрунюк он же. Един, как говорится, в двух лицах.

— Самый настоящий перелом?

— За это уж будь спокоен, подделки нет. Рентгенолог живет при больнице, просветил. Закрытый перелом левой руки.

— Основательный мужик,— усмехнулся Шатохин.

— Есть за что страдать. По бюллетеню за полтора-два месяца полагается, плюс страховка. Спрашивал у врачей, какую часть получит. Застрахован на две тысячи. И, главное, вольный казак. М-да.

— И где он сейчас?

— Гипс наложили да увезли в общежитие. Не пожелал оставаться в больнице. Важно не это. Родом он из Жидачова, и приехал оттуда. Не слышал про Жидачов?

— Нет.

— Рядом с Новым Роздолом городок. Смокотина там два года на овощной базе экспедитором работала. В личном деле у нее отметка. И еще. В этот самый Жидачов Смокотина в феврале посылала телеграмму. Пока не известно — кому, но выясним.

Шатохин смотрел на начальника. Майор мог бы не поднимать его с постели, сообщить все это утром. Однако радость, возбуждение начальника легко понять: дело слишком крупное, справиться с ним самостоятельно, силами небольшого районного розыска, удача вдвойне.

Шатохин же чувствовал неловкость. Он лично просматривал нынче в леспромхозовской конторе учетные карточки кадров. Фамилия Крутецкий не попала. Да и попала бы...

— Давно этот Крутецкий в леспромхозе? — спросил Шатохин.

— С февраля,— ответил Звонарев.

Вот как. А он почему-то решил искать украинских земляков Смокотиной только среди сезонников, среди временных. Оказывается, Крутецкий числился в кадровых. Ошибка не имела теперь никакого значения. И все-таки просчет был грубый. Отмахиваясь от неприятных мыслей, Шатохин спросил:

— Покажем его пилотам?

— Не стоит. По приметам похож на того, с

двумя чемоданами. Завтра узнаю, может, снимался на документы, а нет — и не надо. Пусть вольно дышит. Думаю, долго он у нас теперь не задержится. Диспетчерша оформила билет на послезавтра, на утренний рейс. Тебе нужно завтра,— майор посмотрел на часы, поправился,— теперь уж нынче вылететь в крайцентр.

Он сел за стол, из боковой столешницы достал личное дело Смокотиной и аккуратно, с помощью перочинного ножичка отклеил фотографию.

— Держи,— протянул Шатохину.

8

Як-40 коснулся колесами бетонки городского аэропорта «Южный» минута в минуту по расписанию. Шатохин из здания аэровокзала следил, как медленно гаснет вращательный бег пропеллеров.

В толпе отделившихся от самолета пассажиров он сразу узнал Смокотину. В кремовом плаще с закатанными по локоть рукавами, в бежевых туфлях она шла, огибая не просохшие на асфальте после ненастья мелкие лужицы. С кем-то разговаривала. Шатохин пригляделся: кажется, случайный попутчик помогает поднести вещи. Смокотина из тех женщин, которым мужчины всегда готовы помочь. У нее в руках одна сумочка под цвет плаща.

Да, точно. Попутчик передал чемодан, попрощался и направился в здание порта. Смокотина пошла вдоль правого крыла — там выход на городскую площадь, к стоянке такси и остановке троллейбуса.

Шатохин поспешил покинуть свой пост. Он сел в «Москвич», когда Смокотина неторопливо пересекла площадь. У стоянки такси была большая очередь, и она направилась к троллейбусу.

Сидевший за рулем лейтенант из крайуправления покосился на Шатохина и продолжал невозмутимо курить сигарету.

— Уловил? — спросил Шатохин.

Лейтенант кивнул.

Встав лицом к порту, Смокотина смотрела на вытянутое серое здание, словно запоминала. Может, и впрямь, запоминала. Подкатил троллейбус, и она подхватила чемодан, вошла. Без суеты, спокойно.

Лейтенант включил зажигание, последовал за троллейбусом.

Конечной остановкой троллейбуса был железнодорожный вокзал. Смокотина сошла у вокзала.

Пока неожиданностей не было. Лететь большим самолетом с награбленными шкурками —

великий риск. Так или иначе, багаж смотрят. Поездом ехать почти четверо суток, но безопасно.

Смокотина должна бы встать в очередь в билетную кассу. Нет. Она только избавилась от своего чемодана и покинула вокзал.

— В автомат поставила. Двести сорок третья ячейка,— сказал лейтенант, провожавший диспетчершу по вокзалу.

Опять Смокотина села в троллейбус. На сей раз путешествие было кратким: она вышла через остановку. Пройдя недолго пешком, зашла в магазин «Фарфор. Фаянс. Хрусталь». В магазине было немногочисленно, через витринные большие стекла хорошо видно, как подвигается от прилавка к прилавку Смокотина. Возле отдела мелкого хрусталя задержалась, попросила продавщицу показать стопки. Сама распаковала набор, расставила стопки в рядок на прилавке, брала в руки и стучала одну об другую. Потом сразу вышла из магазина.

На противоположной стороне проспекта был салон красоты, и Смокотина устремилась туда, села в кресло среди ожидающих очереди. Похоже, она просто убивала время.

Уже сутки Шатохин был в крайцентре. Еще вчера вечером Звонарев по телефону предупредил, что Крутецкий купил билет на восемнадцатое на дневной рейс. Вчера же пришел ответ с Украины на запрос о Крутецком. Ему сорок два года, постоянно прописан в Жидачове, имеет свой дом, не судим, приводов в милицию не имел, разведен, с дочерью-подростком и семьей не поддерживает отношений. Закончил три курса Львовского политехнического института, работал в разные годы шофером, слесарем, печником. Последние годы занимается временными, так называемыми калымными работами. О Супрунюке ничего не могли сказать, обещали со-

общить дополнительно, если появится информация. Самое существенное в ответе — Крутецкий работал шофером на овощной базе, когда Смокотина туда поступила. Отрезок совместной работы пересекался всего на месяц...

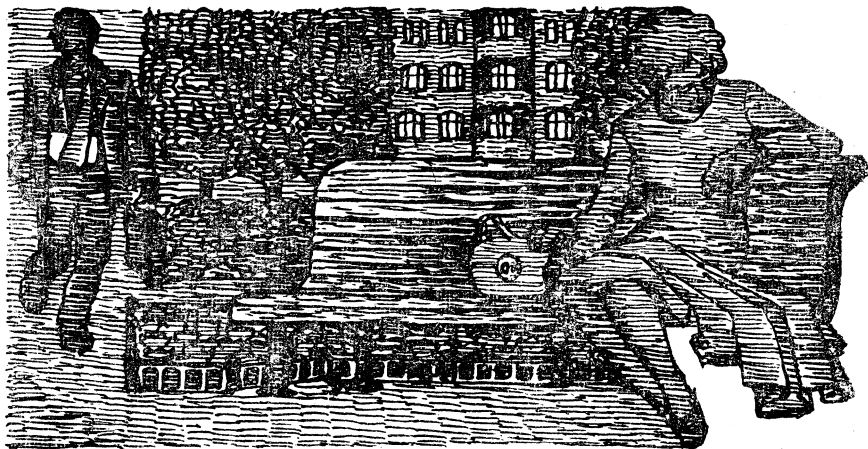
Салон красоты отнял полтора часа. Определенно, вкус у Смокотинной был. Прическа изменила ее в лучшую сторону. Даже невозмутимый лейтенант проявил интерес.

Выйдя из салона, Смокотина купила себе букет гвоздик. Шатохин угадал ее затаенную тревогу. Смокотина, как могла, окружала себя приятными пустяками, чтобы отвлечься, не помнить о главном. Шатохин подумал вдруг, что по своему пристрастию к мишуре диспетчерша, когда ее арестуют, будет страдать и от того, что следователь станет называть ее Олимпиадой Евтихивной, как в документах, а не Сльгой Евгеньевной.

Да. Одна Смокотина не собиралась ничего предпринимать. Но ей пора было отправляться в аэропорт, Крутецкий вот-вот прилетит. Или они договорились встретиться не в порту? Похоже. Смокотина сняла плащ, села на скамейку в центре сквера. Плащ положила около себя, цветы на плащ.

В рации раздалось потрескивание. Лейтенант снял трубку, подал Шатохину. Из аэропорта «Южный» сообщали, что Крутецкий подходит к стоянке такси.

Шатохин машинально кивнул, дескать, ясно. Слово его кивок могли видеть. Приближался самый ответственный момент. Он поглядел на часы. Два двадцать. Вспомнилось почему-то, что три дня назад в это самое время с Марией Ольджигиной они выехали на мотоцикле из Черданска во Фроловку. На секунду всплыло перед глазами морщинистое, озаренное доброй улыбкой лицо старой таежницы.

— Сел в такси. Ноль шесть тридцать два,— послышалось в трубке.

— На связи... Понял,— отозвался Шатохин.

— Выехали на проспект Мира,— сообщили через десять минут.

От начала проспекта до Центрального сквера три-пять минут езды. Шатохин поёрзал, покосился на молчаливого лейтенанта: не хотелось, чтобы тот заметил его волнение.

— Ноль шесть тридцать два остановилась у Центрального сквера... Крутецкий вышел из машины. Идет в сквер.

Шатохин видел припаркованную в тени старого тополя около кондитерского магазина «Волгу», с которой он держал связь. Крутецкий пока не появлялся в поле зрения. Разросшиеся кусты цветущей сирени закрывали обзор.

Смокотина теперь нервничала, поминутно взглядывала на часы, брала в руку букет, клала обратно на плащ.

Высокий черноволосый мужчина в коричневом костюме вынырнул из-за кустов сирени шагах в двадцати от скамейки, на которой сидела Смокотина. Левая рука на перевязи и пустой рукав заткнул в карман, в правой — «дипломат». Крутецкий! Из машины не разглядеть лицо подробно, но угадывается — красивое умное лицо.

Смокотина при виде Крутецкого схватила плащ со скамейки, быстро пошла навстречу. Гвоздики упали на землю.

— Уходят из сквера,— сказал Шатохин в трубку, глянув на «Волгу».

Лейтенант принялся крутить баранку влево, на разворот.

...Сорок минут спустя такси остановилось в загородном аэропорту. Сотрудники управления уже поджидали Крутецкого и его спутницу. Шатохин с лейтенантом подъехали, вошли в аэровокзал, когда Крутецкий протягивал в окошечко камеры хранения номерки.

Кладовщик выставил на обитую железом, отшлифованную до блеска подставку два чемодана. Коричневых. Перетянутых ремнями, с рифлением на коже. Под крокодиловую.

У Крутецкого здоровая рука была занята «дипломатом». Он отступил от окошечка, давая возможность Смокотине забрать чемоданы.

Дальше медлить не было смысла. Лейтенант шагнул к Смокотине.

— Вы получили чужие вещи, гражданка,— сказал спокойным утвердительным тоном.

Крутецкий хотел было вмешаться. Сотрудники управления потеснили его, повели под взглядами случайных пассажиров к двери, над которой светилась надпись «Милиция».

В милицмейской комнате при понятых Шатохин приказал положить чемоданы на стулья и

раскрыть. Смокотина повиновалась, вздрагивающими пальцами принялась расстегивать «молнии» и застешки. Шатохин сам откинул крышку. Под полиэтиленовой пленкой виднелись меха. Он запустил руку в меха, у задней боковой стенки наткнулся на ребристую поверхность кирпича. Все-таки клали их для веса. Те два показались лишними.

— Зачем же рядом с такими ценностями и... стройматериал? — усмехнулся Шатохин, вынимая кирпичи.

Крутецкий посмотрел на него угрюмо и промолчал.

— Это не наши вещи. Тут ошибка! — запоздало, срывающимся от волнения голосом заговорила Смокотина. — Скажи им, Петр... Это не наши вещи!

— Помолчи, Олимпия! — буркнул Крутецкий.

Потом здоровой рукой он пошарил во внутренних карманах пиджака, вытащил и положил на стол две пачки денег. Сказал:

— Остальные в «дипломате».

От того, что неловко шарил в карманах, боль в его сломанной руке усилилась. Он поморщился, пережидая приступ, опустился на стул и устоялся в одну точку на паркетном полу.

СТРАНИЧКИ СУРГУТСКОЙ ТЕТРАДИ

Николай
ШАМСУТИНОВ

Начало и продолжение

Два века назад начинал Сургут свою биографию как один из опорных пунктов продвижения русских военных отрядов на север. Удобное географическое положение города на берегу полноводной Оби, близость к кочевьям коренных племен ханты и манси стяжали ему славу одного из перспективных — в современной транскрипции — городов Западной Сибири.

Прихотливая, своенравная стезя истории круто повернула на восток, и город постепенно захирел, теряя свое былое значение, свернулся, выродился в затерянное в тайге, захудалое, стереотипнейшее сельцо, жители коего промышляли охотой и рыбалкой.

Но вот подала неисповедимая судьба свой голос со знаменитого Березовского газового месторождения, подержал его первый Шаймский нефтяной фонтан, и вскоре отгрянуло их эхо и в Сургуте. А неудержимое время уже вплело в этот мажорный хор гудки речных караванов, несущих в Сургут и дальше, на Север, оборудование, стройматериалы, людей... И так ладно прижмули к ним тяжелые авиабасы с небольшого временного первого аэродромчика, где разметался сегодня в снежных торосах поселок Взлетный.

Первый гудок первого тепловоза, по железнодорожному мосту перемахнувшего через Обь, уже предвосхищал как бы новые на сотнях труднейших, отвоеванных у тайги и тундры километрах железнодорожного полотна, достигшего Уренгоя. Так пророческий, данный Сургуту в далеком прошлом, статус «Ворота Сибири» именно в наши дни наполнился новым, глубоким смыслом, обрел новое значение.

Нынешнего сургутянина едва ли удивит обилием строительных площадок, переживающих свое младенчество строящихся объектов, хотя любой из этих объектов в недавнем прошлом составил бы честь городу средней руки... Газоперерабатывающий завод, завод железобетонных изделий. Список, впрочем, можно долго продолжать... Важно другое. Именно в Сургуте, на мой взгляд, наиболее полно представлены, как бы сфокусированы те качества, которые делают его универсальным городом, ведь нефть и газ, добываемые на его промыслах, и обусловили появление газоперерабатывающего завода, ГРЭС, работающей сугубо на попутном газе. Так, последовательно, постепенно и сводится на нет одна из неразрешимых, казалось бы, в недавнем прошлом проблем — проблема использования попутного газа, которая, в свою очередь, снимает с повестки дня вопрос о транспортировке этого сырья, что естественно влечет за собой экономию миллиардов государственных рублей.

Какие дерзкие идеи, проекты, овеществленные в бетоне, металле и стекле, получили постоянную прописку на пустырях и болотах, где, по словам коренного сургутянина, столь богато родилась картошка и обильно росла клюква... Что ж, порой и просквозит в его голосе

потка печали по утраченным угольям; недавно и зверя было больше, и кедрачи гуще, и рыба обильней. Но не сбалансирована ли эта потеря городской, вполне комфортабельной квартирой с прочно укоренившейся в быту холодной и горячей водой, ванной и теплыми удобствами, наконец?! А неизменный телеглаз, привычно пронизывающий пространство и время, сближающий материки и народы, интересы и чаяния людей? А просторные, светлые детсады и школы?! А регулярное авиасообщение с крупными городами страны?

Сургут переживает период интенсивного разрастания жилых массивов, промышленных зон. Своим обычным символом его становятся сильные заросли мощных порталных кранов речного порта, одного из крупнейших и жизнедеятельных в Сибири...

Город выходит на освоение новых, более высоких уровней в градостроительстве, но, к сожалению, робко пока, неуверенно — так редко, так одиноко вписываются в городскую панораму разбросанные там и сям параллелипипеды девятиэтажек...

У каждого города свои традиции в градостроительстве. И у Сургута они появляются. Складывались они долго и трудно, преодолевая, прежде всего, межотраслевую разобщенность хозяев города — нефтяников, геологов, энергетиков, строителей... Не случайно неоправданная раздробленность города на ряд ведомственных микрорайонов стала притчей во языцех на всем нефтяном Приобье, да и не только на нем... Что ж, зародилась она в ту пору, когда только начали складываться производственные коллективы, ныне широко известные всей стране, за ее пределами. Необходимость освоения как можно большего объема государственных капиталовложений, обильный приток рабочего люда, нужда в жилье, — все это отодвинуло на задний план вопрос упорядоченного, спланированного строительства.

Но вот наконец установился оптимальный рабочий режим, и настало время подумать над проблемой, приобретшей сегодня особую актуальность — придания лицу города «необщего выражения», как сказал поэт. Микрорайоны как бы исподволь, потихоньку нащупывают те связующие нити, которые позволят им слиться, соединиться, стать именно городом. Уже на глазах обрастают они, эти нити, бетонным «мясом» новых корпусов, соощающая городу радующую взор законченность.

Город растет. Этот рост — неперемное условие бурно растущего притока новоселов, которым, в свою очередь, небезынтересно будет узнать, равно как о настоящем и будущем, о прошлом Сургута.

Сумеют ли будущие жители города осознать себя сургутянами, ибо прежний Сургут, именуемый в просторечии «Старым Сургутом», постепенно растает в железобетонной громаде массива, ведущего на него фронтальную атаку? Среди гула и грома современной технички, в пыли, среди перекопанной, взорванной земли большого строительства стоит он оазисом тишины, покая, зелени... Это, по существу, единственный уголок города, где растут деревья, столетиями и десятилетиями исчисляющие свой век, где зеленеет трава не на при-

возном дерне, а на исконной, родной почве... И порой защемило сердце при взгляде на темные оконные провалы осиротевшего дома, на почерневшие от дождя горбыли, перечеркнутые изгибную судьбу.

Настоящего нет без прошлого, равно как и будущего нет без настоящего — это аксиома. Сохранить для потомков наиболее примечательные реалии быта, труда ереществующих поколений, поколения сегодняшнего — одна из наиболее важных задач сургутян. Город в одиночку едва ли справится с этой задачей, и, значит, необходимы горячая заинтересованность, опека, если хотите, ведущих предприятий Сургута.

Человек, стремящийся связать свою судьбу с одним из старейших, интереснейших городов Сибири, хочет понять, где истоки города, который становится для него кровным, своим. Он должен знать историю и культуру города, его традиции, его духовные устремления...

Бывшее стереотипнейшее село переживает сейчас период отрочества. Инженеры и хозяйственники «воспитывают» норовистое болотистое пространство, одевая его сталью и бетоном. Но есть еще задача — воспитывать в каждом, приезжающем в город, психологию сургутянина, человека, ощущающего кровную связь с землей, которую ему предстоит преобразовывать, на которой должен он дать продолжение роду своему. Это — задача творческой интеллигенции, которой, к сожалению, в городе явно недостаточно.

А город растет. Вместе с ним растут люди. И в этом двуединстве — особая примета края и времени.

Народ сибирского замеса

Такие дни стоят обычно в конце северного августа... Грузные в приземистом небе тучи, сонливая, свинцовая монотонность дождя. Я слушаю его ровный, вкрадчивый рокот, лбом прижав к запотевшему окну вахтового вагончика на одной из буровой...

Признаться, сначала я и не представлял, в какую форму выльются впечатления от знакомства с буровиками из Холмогорского управления буровых работ, вертолетчиками Сургутского авиационного предприятия, мостостроителями — словом, со всеми теми людьми, на знакомства с которыми так щедрывают поездки по району. Но как прямой и непосредственный отклик на увиденное, пережитое появлялись стихи о них, о крае, которому посвятили они свою жизнь, судьбы, оставляя на Большой земле — в преобладающем большинстве своем — обжитые места, родных, друзей, порой и любимых, чтобы приложить свои силы, умение, талант к освоению одного из крупнейших в стране топливно-энергетических центров. Постепенно при встречах, разговорах с сургутянами, среди которых были и коренные, чьи родословные, говоря образно, уходили корнями в толщу веков, туда, в гущу казачьих отрядов или тамбовских переселенцев, сорванных с отчих мест столыпинскими изысками, отрывочные мои впечатления начинали облекаться плотью, теми живыми подробностями, деталями, которые, сопряженные в одно целое, как бы ярче высвечивают лица людей, лица событий. Лицо города...

Оно открылось мне в тот момент, когда рейс Свердловск — Сургут заканчивался, и самолет делал заключительный разворот над городом перед заходом на посадку, открылось в какой-то живой непосредственности расположения жилых массивов, протянувшихся по берегу Оби, с редкими пока вкраплениями зеленых парков и детских площадок. Не укладывалась в каноническую форму, город рос на север и юг, запад и восток, щедро захватывая все новое пространство, на котором столь недавно запылали пламенели брусничные и клюквенные ковры, а под ногами выдыхала жидкая почва, обильно напитанная болотными водами.

Не это ли дало толчок к ритму, который, в свою очередь, вызвал стихи:

Тянулись под крылом дома,
Грузовики, опоры, трубы
И клубы дыма над рекой...
Густая вязь порталных кранов
Тепло процеживала солнце
На крупную речную зыбь.
Топорчились гудки рассветные...
Домишки, рубленные в лапу,
Купающие крыши в полуме
Матерой утренней рябины,
Воспоминанья навевали
О временах казачьей вольницы,
Влекущей к северу хоругви,
Нерукотворным Спасом меченые.
И синий взгляд, как зайчик, пущенный,
Перекликался с русокосяю
Российской песней, занесенною
Из золотых хлебов Тамбовщины
На землю, где работа ладится,
Где горизонт тайгой застится...

...А начиналось так: ранней осенью 1957 года на песчаном берегу Оби шла выгрузка с барж оборудования и материалов для строительства поселка геологов. Долгую суровую зиму трудились нефтеразведчики и многого добились — построили электростанцию, механические мастерские, магазин, красный уголок, контору, несколько складов и жилых домов. На базе небольшого отряда грязненских геологов, прибывших из Кемеровской области, Тюменским геологическим управлением была создана в Сургуте нефтеразведочная экспедиция. А через несколько месяцев геологи получили свою авиацию. Весь поселок взбудоражился, когда в хмуром северном небе появились над Сургутом невиданные доселе вертолеты Ми-4, а позднее Ми-6 и Ми-8, без которых невозможно в наши дни представить индустриальный пейзаж края. Теперь они всюду — на монтаже оборудования, установке опор электропередачи, на прокладке нефте- и газопроводов. И уже Сургут, в свою очередь, невозможно представить без микрорайонов строителей, нефтяников, энергетиков, где сияют витринами магазины «Сайма» и «Колос», горят на солнце чеканные буквы кафе «Витязь» и «Айсберг». Блестит свежей краской гордость горожан — Дворец культуры и техники «Нефтяник». А рядом гостеприимно распахнута дверь, лучась улыбками окон, его тезка — гостиница «Нефтяник»...

Не только «за туманом» и «запахом тайги...»

...Кайдалов — корешной, исконный,
Гнал самосвал десятитонный
По бывшим чащам, где когда-то
Он белковал на пару с братом...
«Сургут меняется, — сказал он,
Кивнув на даль за переездом,
И протянул светло, задумчиво: —
Какой народ у нас, вы знаете?
Народ

сибирского замеса!»

Непосредственный наблюдатель событий, мой собеседник, уроженец Сургута, представитель одной из многочисленных семей Кайдаловых — есть в городе улица, названная именем руководителя сургутской комсомолки

Ивана Кайдалова, убитого белогвардейцами, — Александр Кайдалов делится своими детскими впечатлениями. А было ему в ту пору 5—6 лет...

Новые школы, детсады, кафе, столовые, пяти- и девятиэтажные, свежей «выпечки», дома, парки, — вот далеко не полный перечень того, что выросло на глазах Александра в пору детства и отрочества, юности и мужания. Да и сам он из наблюдателя событий стал непосредственным участником их.

Закончив десятилетку, где, кстати, с аттестатом получил и права водителя 3-го класса, пошел Саша работать в одно из подразделений нефтегазодобывающего управления имени 50-летия СССР — УТТ-5, шофером... Лыжник, мастер спорта СССР, неоднократно защищавший честь родного края в сборной команде Тюменской области, он не убоился ни жесткого водительского графика работы, когда приходится выезжать в рейс и ночью, ни частых подмен товарищей по колонне, ни трудных дорог.

Разговорить его оказалось делом довольно трудным, ибо двадцатисемилетний начальник автоколонны № 3 того же самого УТТ-5 не любит распространяться о себе, своих заслугах, подтверждение которых — ежегодные почетные грамоты Главтюменьнефтегаза и городского комитета ВЛКСМ и звание ударника коммунистического труда. А недавно ему вручили диплом и значок лучшего по профессии. Активный общественник, он постоянно избирается членом профкома и комитета ВЛКСМ. Даже по этим внешним штрихам можно судить об одном из представителей той многомиллионной армии молодых строителей коммунизма, что не пасуют перед трудностями, твердо стоят на ногах, уверенно глядят вперед.

Строительство города требует приложения труда тысяч и тысяч рук. И в первую очередь — рук молодых, ибо Сургут, несмотря на свое почти четырехвековое существование, является по существу городом молодым и молодых. Средний возраст жителей не превышает 25 лет. Не случайно ЦК ВЛКСМ объявил строительство города в ряду прочих важнейшей ударной стройкой.

Нет в Сургуте пресловутого размежевания на старожилов и новоселов... Ежедневно самолетами и поездами прибывают в него десятки, сотни людей. Многие едут с заведомой целью — основательно обосноваться здесь, пустить корни, обжиться. Другие же — присмотреться, непосредственно на месте оценить и уточнить плюсы и минусы северного жителя-бытия. Эти — в разведку. Не сразу и различить в этой пестрой, многоликой людской массе старожилы.

Прошлое у Сургута славное. Но живет он своим будущим, которое творят сегодня эти парни и девчата, представляющие здесь практически весь географический диапазон нашей страны.

Если историю становления города, как и становления Тюменской области в качестве основного нефтегазодобывающего района Родины, условно разбить на несколько эпизодов или этапов, то один из таких этапов отмечен высадкой первых студенческих отрядов на тюменской таянкой и тундровой целине. Был в их числе и десант в Сургуте.

60-е годы... 70-е годы... Новые улицы сочались смолой домов из свежего бруса, столовые, бани, школы, детсады, сотни и тысячи лекций, прочитанных студентами, десятки тысяч книг, пополнивших школьные и поселковые библиотеки, организация сотен пионерских лагерей, в которых отдыхали дети буровиков, геологов, лесодобытчиков, рыбаков, — вот зримые, овеянные трудовые автографы студентов. Сопричастные к большому делу, студенты чувствуют себя хозяевами всего, что их окружает.

Это же чувство роднит с ними ударные комсомольские отряды, которые развернули по стране не одну сотню строек. И несколько — в Сургуте. Сургутская

ГРЭС — единственная, как сказано выше, в стране станция, работающая на попутном газе; железнодорожный мост через Обь; трест Запсибэлектросетейстрой, ведущий опоры электропередачи на Ямал, — вот далеко не полный перечень «горячих точек», где нашли достойное применение энтузиазм, жажда созидательного труда, творчество молодых людей, приехавших на Тюменщину в составе ударных комсомольских отрядов. Полные надежд, обладающие одной и несколькими специальностями, со своими представлениями о жизни, работе, вполне сложившимися характерами, они в корне отличались от героев популярных в недавнем прошлом песенок. Не за «туманом» или «запахом тайги» едут они сюда, а с надеждой пустить корни, прочно, основательно укорениться здесь. Общаясь с ними, сознаешь, что общение это с людьми, в большинстве своем трезво, твердо определившими свои жизненные позиции.

Юрий Аноприев. 27 лет. Бульдозерист:

— Жил в Загорске. Москва — рядом... Отслужил в армии. Вернулся домой. И тут в отпуск из Сургута приехал друг, вместе с детсад ходили. Месяц рассказывал о Сибири, кедрачах, о новых городах, о рыбалке. Я — рыбак завзятый, хотя в Подмосковье и не размахнешься. А в Сибири одна Обь чего стоит! Поехал я с ним, вижу: работы невпроворот, каждая пара рук, как говорится, на вес золота. Отсюда и отношение соответственное. В Сургуте женился. Сын растет. И ему работы достанет. И внукам... Край-то громадный!

И такой загляд в будущее едва ли не у каждого. Как следствие обилия новых впечатлений, яркой, пронизанной подробностями, деталями информации об ударных отрядах, родилась и песня, получившая конкретный повод, толчок:

Мы себя постигали. Проверяя всех нас,
 Вместе с нами мужали и Магнитка, и Братск.
 Мы до солнца достанем, если вместе сложить
 Наши пламенных, юных городов этажи.
 Какой размах, ударные отряды!
 Я присягнуть им в верности готов.
 Недаром нашу Родину, ребята,
 Зовут Отчизной юных городов!
 Комсомольский наказ — это сердца приказ!
 Рапортуют ему Уренгой и КамАЗ.
 За него на жары, перекрестках ветров —
 Рапортуют огни пятиалых костров.
 Ждут нас домы, ребята,
 Новостройки, поля.
 От распахнутых песен молодеет земля.
 Нашей Родине — силу, уменье, талант,
 И удачи тебе — комсомольский десант!

...Замечательный писатель-гуманист В. Г. Короленко писал: «Художник обязан выбирать такой момент из жизни (героя), где самая характерная черта его личности сыяла бы сквозь реальную оболочку». Мысль эта не утратила значения и в наши дни. Памятуя о ней, искал я своего героя на трассах, зимниках, в рыболовецких бригадах. И одна из таких поездок свела меня с Алексеем Баймуратовым, уроженцем Павлодара, поразившим каким-то солнечным жизнелюбием, оптимизмом...

Звездная бессонница. Разговор вполголоса. В котелке бормочет талая вода. Ворохнется птаха, голосок вполголоса. Вдургорядь ударит лешева дуда. Мы сидим и курим... Варено, как водится... В холодок уткнулись наши сапоги. Налывает сугемь. По урманам сходятся, резвые припевки ладят лешаки. За спиной — шорох. Наваждение... Леший?! На плечо ложится сильная рука. Молодой начальник Баймуратов Леша, рассмеявшись, щедро пьет из котелка. ...Сухостой подкладывая в пламя, смот-

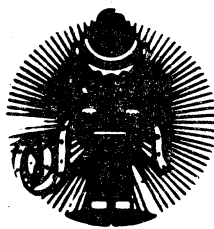
рит половецкими глазами: «Помню, дед, завьюжен седной (с мезовой мается с гуртами) поднимал меня к губам: «Не ной!» — было это, помнится, весной... Век не разлучался б со стенами. Я забыл, как пахнут кизяки. Ноздри ноют от жары и пота. Гром и пыль несут грузовики. Но грузовики — не косяки... Сны мои выкашивает топот. Я кошмой давился, как мошкой. Под мошкой сплю, как под кошмой. Привыкаю. Всякое бывает. Жизнь ударит — дедовским «не ной», лабуда и немощь выкипают. Выкипают, черт бы их побрал!» Улыбнулся. Пиалу достал. Синева дремала в ее глубин. И она, как маленький Арал, разбудила спекшиеся губы. Сытый скат лоснится, точно круп, и проводит с ласкою по скату, бело-зуб (а говорили крут) молодой начальник Баймуратов.

Нередко во время выступлений нашей писательской бригады в красных уголках предприятий, молодежных общежитий заходили разговоры о романтике, о подвиге, о том, как трактуются они и «романтиками», и «прагматиками», то есть теми, кто приехал на Север с целью получить ходоу специальную, более высокий разряд, заработать приличную сумму, да и отбыть восвоис: «романтики» горячо отстаивали право на существование романтики подвига, и в наши дни, оппоненты их с завидным спокойствием, хладнокровием напроць это отрицали. Но однажды в разгар такого спора в глубине зала выросла фигура парня в ладно сидящей на крупных плечах спецовке, с едва приметными следами ожогов на лице. История, которую он поведал нам, произошла в один из майских солнечных дней. Загорелась тайга. Их бригаду на вертолете спешно перебросили на место пожара. В течение полутора суток они вместе с другими отрядами добровольцев вели борьбу со стихией, копали траншеи, валили лес, преграждая дорогу огню. На исходе первых суток его товарищ попал под горящее дерево, получил тяжелые ожоги, в бессознательном состоянии его доставили в больницу...

Его друзья шли обгорелые, тощие, черные, воздух ладонями жадными черпали, из синевы, запрокинувшись, пили, точно из проруби — зубы заныли. Пили молитвенно, истово, жадно, толпами шли с вертолетных площадок, в копоты, хвое, черны от угара — так возвращались с лесного пожара... В белой больнице за тополями парень, спеленутый туго бинтами, черными пальцами перебирает жесткие простыни... Он умирает. Мы не слышим — он в бреду орет: «Нас бросала молодость на кронштадтский лед!» Кем ты был, братишка, я не знаю. Верю я — ты бредил, умирая, что одни и те ж стоят Стожары над кронштадтским льдом и над пожаром...

«В жизни всегда есть место для подвига!» Не простым зрителем всего происходящего я был, а непосредственным участником преобразований, которые народ зовет эпохальными. Каждый из встреченных мною оставлял как бы частичку себя во мне.

За краны цепляясь,
Над лесом
Рабочее солнце встает.
Недаром
Сибирским замесом
Богат наш таежный народ...
Бригады — в рабочей запарке!
Мерцание пристальных глаз.
Народом
Сибирской закалки
Зовут нас
Ухта и КамАЗ.

СЛЕДОПЫТСКИЙ
ТЕЛЕГРАФ

БЫЛО БЫ

- Школьники села Большая Цвиля Житомирской области под руководством учителя физического воспитания Н. Р. Жилюка создают музей хлеба. В основу его лягут материалы по истории возделывания хлебных полей, по технике хлебопечения, опыт работы лучших пекарен области, достижения родного колхоза.
- Более двух тысяч посетителей побывали в недавно созданном музее боевой и трудовой славы Новгородского производственного объединения «Азот». Такая популярность завидна для музея, которому еще нет двух лет.
- В вяземской средней школе № 20 открылась экспозиция «Работа Ильича в эмиграции», дополнившая материалы школьного ленинского музея. Ребята получили документы из Англии, Финляндии, Чехословакии, ГДР, Польши, Франции. Среди них есть очень интересные, например, фотокопия письма Якоба Рихтера, под чьей фамилией В. И. Ленин жил в Лондоне в 1902 году, директору британского музея с просьбой выдать билет для входа в читальный зал, ксерография квитанции о полученной из Швейцарии книге и другие.
- На призыв комсомольцев Закарпатья провести эстафету «Пепел сожженных стучится в наши сердца» откликнулись союзы молодежи Восточно-Словацкого края ЧССР и Саболч-Сатмарской области Венгерской Народной Республики. Эстафета пройдет по сожженным фашистами селам и деревням и финиширует 9 мая 1985 года на советско-чехословацкой границе.
- Одна из улиц Москвы носит имя генерала П. А. Белова, командовавшего во время Великой Отечественной войны 1-м гвардейским кавалерийским корпусом. О боевом пути корпуса рассказывают материалы музея 287-й столичной школы.
- Десять лет существует в школе № 456 Волгоградского района Москвы музей К. Г. Паустовского. Здесь много интересных экспонатов. Одна из последних следопытских находок — материалы об одесской газете «Морьяк», описанной в книге Паустовского «Повесть о жизни». Газета выходила в 1921 году, печаталась за отсутствием бумаги на обороте цветных чайных банделей: по вторникам — на сиреневых, по средам — на розовых... Несмотря на невзрачность, «Морьяк» дал авторское имя многим начинавшим тогда писателям.
- Четырехпалубный лайнер Волжского речного пароходства «Георгий Жуков» у причала Северного речного вокзала столицы встречали члены совета пионерской дружины имени Маршала Советского Союза Г. К. Жукова из средней школы № 907. Экипажу теплохода следопыты передали материалы для мемориальной судовой каюты.
- «Память сердца» — так назван музей Ермаковской школы в Вологодской области, посвященный К. Н. Батюшкову. Еще в двух школах — Вологды и Череповца — следопыты старшекласники подключились к архивным поискам и воссозданию неизвестных страниц жизни поэта-земляка.

начало — и дело пойдет

СЛЕДОПЫТСКИЙ
ТЕЛЕГРАФ

Герои живут рядом

Многие ребята из ленинградского профтехучилища № 51 знали, что вахтерша в их училище, баба Поля, работает очень давно, прямо с послевоенных лет. И все знали, что человек она добрый, что многих парней и девочек — а в училище вон сколько народу! — знает и зовет по именам...

Однажды проходил урок мужества. И глядят все: идет баба Поля, на ней пиджак довоенного покроя, а на нем тесно от орденов и медалей! Ребята из комитета комсомола и из поисковой группы рядом идут — это они «открыли» в бабе Поле героиню блокады. Пелагея Михайловна Федорова была регулировщицей на «Дороге жизни». Ей, совсем молодой тогда, вместе с другими девушками приходилось доставать раненых из польных после вражеских бомбежек, подтаскивать снаряды для зенитчиков, помогать шоферам преодолевать ледяную дорогу... Рассказала Пелагея Михайловна тогда ребятам многое, что помнилось о тех тяжелых военных годах. Например, о том, как их часть послали копать картошку для жителей блокадного Ленинграда; девчонки сами голодали, но ни одна даже картофелины единой с поля для себя не взяла...

Поисковая группа училища нашла еще двух блокадников — З. И. Шапкину и А. А. Смирнова. Их воспоминания о войне следопыты подробно записали.

Так было положено начало музею боевой и трудовой славы ПТУ-51, материалы которого расскажут о судьбах ветеранов войны — людей, что живут и работают рядом.

Шли мальчишки

мимо свалки...

Давно окончили школу те мальчишки, но именно им Можайская школа обязана и созданием своего музея и поиском, который развернулся на годы.

...Дорога из школы шла мимо поселковой свалки. И как-то ребята, гурьбой возвращавшиеся с уроков, увидели стоящую у края свалки женщину. Видно, что-то было в лице, в сосредоточенной ее неподвижности такое, что не могли мальчишки пройти мимо. И вот что они узнали. Осенью сорок первого здесь стояли пушки, снятые с крейсера «Аврора» для защиты Можайска — девять орудий. Стояли они, протянувшись на расстоянии чуть больше километра друг от друга, от Вороньей горы до Пулковских высот. А первая пушка находилась как раз тут, где ребята разговорились с женщиной, которая оказалась вдовой Алексея Васильевича Смагли, командира этого орудия.

Вот тогда и появился здесь фанерный обелиск. Школьники расчистили мусор, обнажили железные вцементированные кольца — на них крепилась пушка, на уроках труда сделали памятник, который был по силам, и торжественно, всем поселком его открыли. На табличке было написано: «Здесь стояло 1-ое орудие батареи «А», то есть «Авроры».

Одновременно начался поиск. Ребята написали по многим адресам бывшим фронтовикам-авроровцам; обратно в адрес Можайской школы шли воспоминания, документы. Научные сотрудники музея «Авроры», с которыми школьники тоже завязали переписку, подсказали, как сделать первые экспозиции. Новый поиск развернулся, когда во время строительства сельского стадиона были обнаружены останки моряков одиннадцатого орудия батареи «А»; их торжественно перезахоронили в поселке, а следопыты взялись узнать, что это были за люди, откуда они, какова их военная биография.

Подвигу авроровцев на Вороньей горе посвящены материалы существующего сегодня школьного музея боевой славы. А фанерный памятник, сооруженный руками первых мальчишек-следопытов, давно заменен на красивую гранитную стелу...

Рождение музея

Эта выставка была устроена в актовом зале 42-й средней школы Вильнюса. Ознакомившись с ней, можно многое узнать об истории электрификации Литвы.

Все началось со встречи школьников со строителями Игналинской атомной электростанции. Среди ребят сразу обнаружилось увлеченные электротехникой, многие вдруг заинтересовались проблемами энергетики. «Коллег» по интересу найти было нетрудно. Сейчас среди них — сотрудники Главного производственного объединения энергетики и электрификации республики, строители Кайшядорской ГАЭС, ученые Института математики и кибернетики Академии наук Литвы, рабочие производственного объединения «Эльфа» и завода электросварочного оборудования, учащиеся профтехучилищ базовых предприятий и электромеханического техникума.

Интерес ребят к энергетике нашел выход в желании создать свой школьный музей. А выставка, которую ребята развернули в школьном актовом зале, стала его основой.

В школе —

болгарская горница

Расписные рушники, тканые дорожки, прялка, причудливо сплетенные корзины — все это убранство болгарской горницы XVII—XVIII веков, которая оформлена в первой средней школе Старого Оскола.

В 1970 году в этих местах начали работать болгарские строители, их дети ходили в школу, тогда единственную на весь микрорайон. Тогда же по инициативе учительницы истории Марии Андреевны Лысенко был организован исторический кружок, вызванный интересом советских ребят к истории дружественной страны, и начат был сбор утвари для оформления горницы.

Ребята из первой средней школы Старого Оскола по праву гордятся своим этнографическим музеем, представляющим собой крохотный уголок Болгарии.

ЖИЗНЬ ПРОЖИТЬ

Михаил
ЛЕЗИНСКИЙ

Лидия Тихолаз — художник. Ею написаны сотни пейзажных и жанровых картин, сотни натюрмортов. Ее работы экспонировались в Москве, Киеве, Уфе, Симферополе, Свердловске, Рязани и в ее родном городе Севастополе. Двадцать персональных выставок за семь лет работы.

Удивительны работы Лидии Тихолаз, удивительны световые сочетания на полотнах, картоне, ватмане, — чистые краски гармонируют друг с другом, дополняют друг друга и вдруг «взрываются», нарушая все мыслимые сочетания.

Но, странное дело, от лирического хаоса, от этого ослепительного буйства возникает в душе светлое чувство, которое можно выразить только языком музыки. Пейзажные полотна молодой художницы напоминают нам Матисса — родоначальника династии фовистов — «диких» — и Ван Гога, а жанровые картины — Пирсманни. Но только напоминают: у Лидии Тихолаз все свое, первоначальное, свое особое видение мира.

Руки у Лиды никогда не действовали. Травма центральной нервной системы.

Но как она стала художником?

В три года девочка потянулась ножкой к коробке с карандашами. Выбрала самый яркий и провела первую в своей жизни волнистую линию. Обрадовалась. Через полгода волнистая линия стала спрямляться. А к пяти годам получилась и четкая прямая.

Лиде было семь лет; этот день ей запомнился — папа с мамой подарили своим детям — Тане, Валентину и Лиде — по альбому.

— Ну, — сказал папа, — кто из вас нарисует лучше всех и больше листов заполнит?

В том детском конкурсе победила Лидя.

Может быть, в Лиде Тихолаз родился художник в то время, когда бабушка Василиса — до сих пор Лидя называет ее Василисой Прекрасной! — возила внучку на свою родину — в суровые Брянские леса?

Впоследствии Лидя напишет

портрет бабушки: строгой, несколько мужиковатой старухи с изломанными морщинами лица, прожившей жизнь без мужа. Муж Василисы Федоровны — Лидин дед — умер на войне.

Мы как-то привыкли к мысли, что на войне убивают, а дед — умер. Строил мост у Волоколамского шоссе, застудил почки в ледяной воде и умер.

Лидя — в деда! Дед умел делать все: строить мосты и резать по дереву — в расписном дедовском сундучке хранит сейчас Лидя Тихолаз дорогие письма от друзей. Но больше всего на свете дед любил рисовать...

Вся сознательная жизнь Лиды Тихолаз — это разговор с Павлом Корчагиным — Николаем Островским. Мысленный диалог, который длится годы, то затихая, то возникая с новой силой. Она нуждается в поддержке того, кто мог бы стать ее старшим товарищем. Павел Корчагин нужен был ей вчера, нужен сегодня, нужен всегда...

В девятнадцать лет Лиду повезли в Киев. В институт нейрохирургии. Целый месяц готовили к операции. Рисовать она тогда не могла, но кто может помешать ей сочинять стихи? Да их и сочинять не надо было. Они сами рождались!

— Девушка, родная, да я гляжу, ты совсем не боишься операции? — удивленно смотрела на нее больничная сестра.

— Не боюсь, — отвечала Лидя, — я думаю о другом.

— О чем же, девочка?

Лидя улыбалась и молчала.

Никто в клинике не знал, что Лидя рисует, — это выяснилось случайно. Она тайком от всех нарисовала несколько картин. Их увидели:

— Точка, точка, огуречик, вот и вышел человечек! Да?

— Лучше не умею!

— Надо учиться. Надо поступать в институт, — посоветовали ей.

— Мне?! Такой? Поступать?

— Именно — тебе!

После операции облегчения не

наступило. В 1973 году Лидя Тихолаз успешно выдержала экзамены, поступила в Московский народный университет имени Н. К. Крупской и через два года получила свидетельство об окончании курса станковой живописи и графики.

У Лиды было много друзей. Пришла художница Оля Латышко. Сказала:

— Пора выставлять картины на выставку. Инкубационный период окончен.

Известный севастопольский художник Май Чухланцев отобрал картины для первой персональной выставки.

Гая Нурпина, ставшая лучшей подругой Лиды, училась в Московском государственном заочном пединституте и там рассказала будущим учителям о Лиде Тихолаз. Решили организовать выставку начинающей художницы в пединституте.

Учился в этом институте и сельский учитель Нагим Мухаметов, побывал на выставке картин Тихолаз и стал первым организатором выставок Лиды в своих краях — в Башкирии и Чувашии...

Но болезнь есть болезнь. Выпадают дни, когда приходится жить на одних таблетках. В такие минуты ей всегда приходит на помощь неистовый Корчагин.

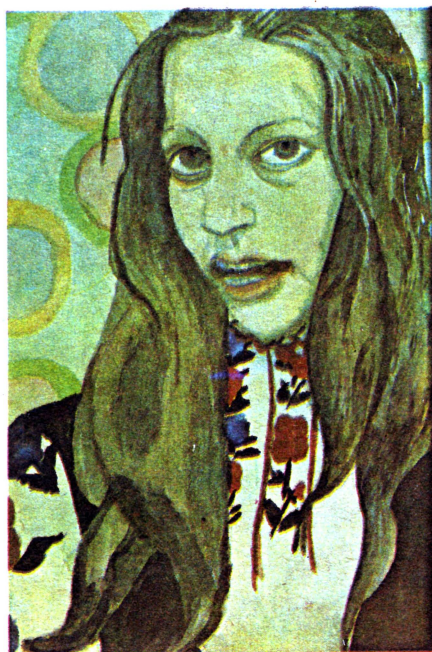
«ОСТРАЯ ФИЗИЧЕСКАЯ БОЛЬ ОБРУШИВАЕТСЯ НА МЕНЯ СТРЕМИТЕЛЬНОЙ АТАКОЙ... Я ИНСТИНКТИВНО ДЕЛАЮ ПЕРВЫЙ ЖЕСТ СОПРОТИВЛЕНИЯ — КРЕПКО СЖИМАЮ ЗУБЫ... ВХОДИТ МАТЬ. ОНА ПРИНОСИТ УТРЕННЮЮ ПОЧТУ — ГАЗЕТЫ, КНИГИ, СТОПКУ ПИСЕМ... ПРОЧЬ СТРАДАНИЯ! УТРЕННЯЯ КОРОТКАЯ СХВАТКА КОНЧАЕТСЯ, КАК ВСЕГДА, ПОБЕДОЙ ЖИЗНИ...»

— Я ЗНАЮ, ПАВЕЛ, ТЕБЕ БЫЛО ТРУДНЕЕ, ЧЕМ МНЕ. Я СЕЙЧАС ВСТАНУ. НУ ПОЛЕЖУ ЕЩЕ СЕКУНДОЧКУ И ВСТАНУ... МАМА! МАМОЧКА! БЫЛА СЕГОДНЯ ПОЧТА!..

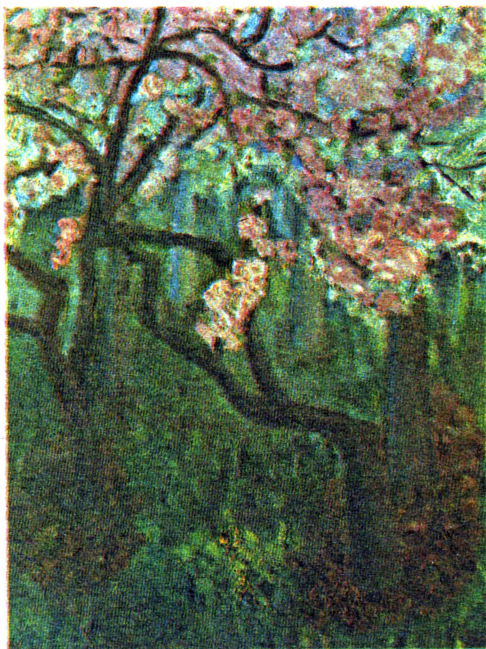
Входит мать. Она приносит утреннюю почту...

Гвоздики

Автопортрет

На окне

Цветет персик

Половецкие пляски

Хозяйка Медной горы

МАЛЬЧИК И ЯЩЕРКА

Владислав
КРАПИВИН

Повесть

Арсенал

1

Форт стоял на мысу, у впадения Большой реки в море. В старые времена он защищал левый берег, если к устью подходили вражеские корабли. Даже и сейчас в нескольких казематах сохранились изъеденные ржавчиной и покрытые окалиной чугунные орудия.

Мыс был плоский, полукруглый, и форт повторял его очертания. Его форма напоминала подкову. По выпуклой, обращенной к морю стороне тянулся тройной ряд амбразур (теперь большей частью застекленных). На концах «подковы» поднимались широкие квадратные башни — тоже с амбразурами. Верхние амбразуры были узкие и маленькие — рассчитанные на ручейную стрельбу.

Между башнями стояло трехэтажное здание. Оно называлось «горжа» (откуда такое слово, ребята не знали). Построили горжу не так давно, перед самой войной Берегов. Но стены здания были сложены из того же серовато-желтого крепкого камня, что и форт, поэтому оно казалось частью крепости...

На ступенчатое крыльцо горжи вышел мальчик лет девяти. Запрокинул лицо и сощурился от солнца. На лице светились редкие веснушки — золотистые, как шелуха спелого овса. Мальчик поморгал и посмотрел в середину неба. Там носились чайки и бежали маленькие светлые облака. Они быстро бежали, их гнал с моря ровный ветер.

Мальчик прислушался. Снаружи, за внешними обводами крепости ухали волны. Мальчик знал, что эти волны — синие и гривастые — разбиваются о камни и пена прилипает к стеклам в нижнем ряду амбразур.

Над сигнальной вышкой метался бело-синий клетчатый флаг. Он означал, что в Морском лицее начались занятия. Флаг громко хлопал на ветру. Но в полукруглом просторном дворе, защищенном каменной подковой крепости, стояла

солнечная тишина. Ни одна травинка, проросшая среди булыжников и плит, не шевелилась. Двор заполняло сухое тепло. Мальчик взмахнул тонкими, как коричневые ветки, руками и прыгнул в это тепло. Квадратный белый воротник с вышитыми якорями взлетел над его щетинистой рыжеватой макушкой и вновь упал на ярко-зеленую рубашку.

Мальчик пошел вдоль горжи к правой башне. Он был босиком и ступал неслышно. Никто не следил за мальчиком, но он сам с собой немощно играл в разведчика. Потому что у него была тайна.

У фундамента башни росли среди камней пыльные плоские подорожники. Валялся обрывок ржавой цепи, один конец которого был вмурован в стену в полуметре от земли. Пониже этого места из фундамента косо выступал отесанный каменный блок. На его краю грелась на солнце ящерка.

Мальчик тихо присел на корточки.

Ящерка была небольшая, длиной с указательный палец мальчика. Ее плоскую головку, спинку и хвост покрывали мельчайшие квадратные чешуйки. Они были серые, и по ним разбегался коричневатый спиральный узор.

Растопыренные лапки ящерики походили на ручки малюсенького человека. И смотрела она, как человек — разумно и живо. Ее крошечные выпуклые глазки обрадованно приглашали: «Давай поиграем».

Мальчик приподнял ладошку, словно хотел накрыть ящерку. Она скользнула с солнцепека, сбежала по вертикальной стенке камня и спряталась под листом подорожника. Оттуда выжидающе глянула на мальчика. Он опять притворился, что хочет поймать ее. Ящерка стрельнула своим тельцем из-под листа и притаилась в расщелине ракушечной плиты...

Мальчик и ящерка давно знали друг друга и часто играли вдвоем. Он изображал охотника пустыни, а она — хитрого песчаного дракона, которые водятся в горячих дюнах и развалинах брошенных городов. Иногда мальчик ловил ящерку и сажал в плоский нагрудный кармашек. Она притихала там — наверно, слушала, как под рубашкой бьется упругое и неумолимое сердце мальчика. Но она не пугалась и не обижалась, и потом они снова играли вместе...

Заключительная часть трилогии. Первая повесть, «Голубятня на желтой поляне», опубликована в № 3—5 за 1983 год, вторую — «Праздник лета в Старогорске» — см. в № 1, 2 прошлого года.

Ящерка выскочила из расщелины и побежала по теплой плите, быстро переставляя лапки-ладошки. Мальчик двинулся за ней на четвереньках. Ящерка хитро метнулась в сторону и скрылась под грудой камней от разломанной сторожевой пристройки.

— Эй, так нечестно,— сказал мальчик, пытаясь заглянуть под камни.

Но ящерка, видимо, считала, что поступает честно.

«Ладно,— решил мальчик.— Я тебя дождусь и сцапаю».

И в этот момент его окликнули.

На крыльце стояла мама.

— Я еду в поселок,— сказала мама.— Хочешь со мной? Зайдем на рынок, а потом можем сходить в кино.

Мальчик подумал секунду.

— Нет! — откликнулся он.— Я здесь поиграю!

— Как хочешь... Только не бегай на берег, там сильный прибой.

— Нет, я здесь!

Он опять присел у камней, но теперь не было прежней беззаботности, царапали его неприятные коготки. Он тут же понял, отчего: зря он отмахнулся от мамы. Наверно, ей хотелось поехать вдвоем. Может быть, она даже обиделась.

С полминуты мальчик сидел насупившись и не знал, как быть. Потом оглянулся на проход между башней и горжей, куда ушла мама. Догонять ее поздно. Но, пожалуй, можно взбежать на башню и сверху помахать маме.

На башенную площадку вела со двора коленчатая ржавая лестница. Мальчик запрыгал вверх по дребезжащим ступеням. Вообще-то подниматься на башни ребятам не разрешалось, но он не учился в Морском лицее, он просто жил здесь с родителями и считал, что для него запреты не очень обязательны. К тому же все равно никто не видел.

На верхних ступеньках его туго ударил в спину ветер. Вскинул широкий воротник, прижал к затылку и ушам. Когда мальчик поднялся на площадку, ветер совсем сошел с ума. Рванул на мальчишке рубашку, самого его чуть не сбил с ног. По цементу со скрежетом носились высохшие листья, принесенные сюда прошлой осенью.

Площадка окружена была метровыми квадратными зубцами. В промежутках тянулись трубчатые поручни. Ветер подтолкнул мальчика к поручню. Мальчик лег на него животом и внизу увидел маму. Она сидела в оранжевый автобус, который остановился на обочине. Мальчик окликнул маму и замахал рукой. Но мама не заметила его и скрылась в автобусе. Мальчик долго махал ему вслед, и коротенький рукав бился у плеча, как зеленый флажок.

Потом он еще с полминуты смотрел на пустую, белую от солнца дорогу. На холмы, поросшие орешником. За холмами вставали далекие синеватые башни Пустого Города, куда запрещалось ходить. В городе жили страхи и опасности, про это знали все. Мальчик о чем-то вспомнил и усмехнулся.

Наконец, преодолев хлесткий напор ветра, он вернулся к лестнице и спустился в теплую тишину двора.

Ему было немного не по себе...

Ящерка ждала мальчика, выглядывая из-за камня.

— Эх ты... — сказал ей мальчик.

Ящерка скользнула на серую плиту и побежала к фундаменту — туда, где к башне примыкало правое крыло форта.

В прошлом веке здесь взорвался чудовищный круглый снаряд, брошенный с вражеского монитора. На фундаменте до сих пор чернели кривые трещины и щели. Когда-то их пытались залатать цементом и замазать известью, но до конца дело не довели. Здесь же, косо-прислоненные к стене, стояли плоские каменные блоки. Ящерка хотела юркнуть между блоками и стеной, но мальчик накрыл ее ладошкой.

Он подержал ее — щекочущую, живую, стучащую крошечным сердечком — и посадил в нагрудный кармашек.

— Вот тебе. Теперь сиди... — пробормотал он. И хотел встать. Но из-под каменных блоков, что стояли у стены, донеслись смутные голоса. Неразборчивые слова, полупшепот.

Мальчик сунулся под камни. Здесь, в зябкой тени, он разглядел на фундаменте у самой земли щель. Большую. Длина около метра, а шириной такая, что может протиснуться кошка. Мальчик пролез подальше и замер у щели.

В ней ничего не было видно. Лишь на краях лежали неподвижные отблески желтоватого света. Зато стали различимы обрывки фраз:

— ...и на той площади, где колокола...

— ...кино про мушкетеров...

— ...А Илюшка ногой ка-ак двинет и обломил разрядник! А они...

— ...Зря они так. Все-таки на лодке лучше...

Мальчик слушал долго, хотя стоять на четвереньках было неудобно: ныла спина, острые камешки и сухая известковая крошка впивались в колени и ладони.

— ...Если они узнают, мы сами виноваты... — услышал мальчик, и тут его кто-то легонько пнул.

Он вздрогнул, ладошкой прижал кармашек с ящеркой и, пятясь, выбрался из-под камней.

Над ним стояли двое мальчишек лет по двенадцати. Один — широкоскулый, коротко стри-

женный, с сердитыми глазами и трещинками на пухлых губах. Второй — тонкоплечий, сильно загорелый, со светлыми волосами, косо лежащими на коричневом лбу, с коленом, замотанным грязной синей тряпицей.

Мальчик знал, что у сердитого прозвище Летчик. У загорелого прозвища не было, а звали его, кажется, Андрюшка. Оба они были в форме младших воспитанников: в сизых флотских блузах навыпуск и коротких полотняных штанах — пыльных и мятых. Андрюшка не то спросил, не то просто сказал:

— Подслушивал, птенчик...

— Нет! — поспешно отперся мальчик. — Я случайно...

— Подслушивал случайно, — усмехнулся Летчик. — Интересно, много ли слышал?

— Почти ничего, — сказал мальчик. — Бормотанье какое-то.

Мальчишки загораживали дорогу к дому, бегать было немислимо. Да, по правде, и не хотелось.

Мальчик опять сказал:

— Я не нарочно...

— Что будем делать? — сумрачно спросил Летчик у Андрюшки.

— Вот это прокольник, — проговорил Андрюшка печально. Так говорят о большой неприятности, когда не знают, как ее исправить. Он подпернул подол блузы, сунул руки в карманы на штанах и прошелся по мальчику взглядом. От босых ступней до медных волосков, торчащих на макушке. И с беспощадной ноткой сказал:

— Придется тащить в штаб.

Потом деловито предупредил мальчика:

— Попробуй только пикнуть.

— Не буду пищать, — тут же пообещал мальчик.

Он не испугался. Если бы ребята злились по правде, они могли бы накостылять ему прямо здесь. А сейчас была, видимо, игра. Мальчик давно мечтал, чтобы лицейские мальчишки взяли его в свои игры, но просить не решался.

Летчик недоуменно глянул на Андрюшку:

— А... как?

— Завяжем глаза. Не помрет.

— Не помру, — согласился мальчик.

Летчик поморщился и спросил:

— А чем?

Андрюшка стал разматывать на колене синюю тряпицу.

— Маленькая, — сказал Летчик.

— У меня есть платок, — торопливо сообщил мальчик. Платок ему в карман всегда клала мама, и там он лежал неделями чистый и нетронутый.

— Какой воспитанный ребенок, — сказал Андрюшка почти без насмешки.

— Можно быть воспитанным, когда мама и папа... — заметил Летчик. — Давай платок.

Они положили платок мальчику на глаза, а сверху плотно обмотали Андрюшкиным бинтом.

— Не вздумай подглядывать, — очень серьезно сказал Андрюшка. — Худо будет.

— Не вздумая. Честное слово.

— Честное слово ты маме давай. А с нами не ваяй дурака, — проговорил в наступившей для мальчика темноте Летчик.

— Я ни разу не нарушал честного слова, — обиженно отозвался мальчик.

— Ну и... пошли, — сказал Андрюшка.

Они взяли мальчика за локти твердыми горячими пальцами. Повели сквозь сухую траву, торчащую у стены...

Скоро под ногами оказались крутые ступени из холодного ноздреватого камня. Пахнула навстречу влажная землистая прохлада. С глаз убрали повязку.

2

Подземная комната была похожа на внутренность перевернутой ступенчатой пирамиды. Высокие брусчатые ступени уходили вниз и смыкались квадратом вокруг небольшой площадки. Там, на площадке, горел ярким светом круглый корабельный фонарь. Кажется, масляный. Он снизу вверх бросал желтые лучи на мальчишек и на камни.

Мальчишек было человек семь. Они сидели на средних ступенях. Сидели, как люди, которые у себя дома. И удивленно смотрели на мальчика.

— Вот... — произнес Андрюшка с виноватой ноткой.

— Шпиона привели, — разъяснил Летчик.

— Я не шпион, — сказал мальчик.

На него смотрели молча.

Среди сидевших только трое были в лицейской форме. Остальные кто в чем. Это и понятно. Если говорить по правде, Морской лицей уже не был морским лицеем. Старшие ребята — курсанты в штурманских куртках с якорями — еще изучали навигацию и морское дело, проходили практику на рыболовных и пассажирских судах, а потом получали капитанские свидетельства. А младшее отделение давно превратилось в обыкновенный приют. Сюда направляли мальчишек, оставшихся без родителей во время военных стычек между Берегами. Подбирали тех, кто бродили по дорогам беспризорные и голодные. Впрочем, были и такие ребята, которых привезли родители — некоторые отцы и матери думали еще, что здесь ребята получают профессию и «научатся порядку».

В казематах, переделанных под спальни для четырех человек, теперь жили по десятку и больше. И вместо полусотни младших воспитанников — подтянутых, знающих устав мальчиков, одетых в блузы с голубыми воротниками, — на крепостной двор каждый день после занятий вываливалась кипящая и пестрая мальчишечья толпа.

Отец мальчика говорил:

— Рынок, а не школа. Как можно их учить, если даже не помнишь всех по именам? Да многие и не отзываются на имена, привыкли к прозвищам...

Сюда попадали мальчишки с обоих Берегов. Они сколачивались в группы наподобие маленьких партизанских отрядов. Между отрядами шла скрытая, но постоянная война. Иногда она вспыхивала короткими кровавыми схватками, в которые боялись вмешаться учителя и надзиратели. Дрались обычно младшие. Между старшими вражда была сдержанной. Зато у старших случались дуэли — честные и жестокие. Потом курсантское отделение перевели из форта в казармы береговой охраны, и дуэльный обычай перешел к младшим. Однако здесь обошлось без крови, и скоро всякая стрельба прекратилась.

Рассказывали, что Музыкант отказался стрелять в противника и бросил на камни пистолет.

— Трус! — сказали ему и те, кто были за него, и те, кто были против.

— Мы тебе знаешь что сделаем в спальне... — сказали те, с кем он жил в одном каземате.

— Дурачье, — сказал Музыкант. — Был бы я трус — не отказался бы. Мне в него пулю всадить дело не хитрое... — Он кивнул на щуплого гордого мальчишку, который стоял на другом конце площадки, спрятанной в прибрежных скалах. — А умирать легко? Кто-нибудь пробовал? Хоть разок? А? Давайте постреляем друг друга, а они пусть радуются.

— Кто «они»? — спросили его.

— Вот и я хочу знать — кто? Из-за кого вы все здесь? Кто стравливал Берега? Кому это было надо? И зачем? Ведь никто даже не знает, за что воевали...

— Тебе не понять, ты сам не знаешь, с какого ты берега, — сказал старший из мальчишек.

— Я знаю, с какого берега. С хорошего, — сказал Музыкант. — Там у нас...

Но тут все услышали странные звуки, будто кто-то захлебывался и кашлял. Это на другом конце площадки щуплого мальчишку тошнило от запоздалого страха смерти.

— Сопляки, — сказал Музыкант, хотя многие были старше его. Поднял и бросил в море пистолет. На глубину.

— Пистолет-то не твой, чего кидаться, — хмуро сказал старший мальчишка.

— Вы же храбрые, достаньте, — презрительно ответил Музыкант. — Прыгните вон оттуда! — он показал на скалу, напоминавшую шахматного коня. Высота была метров десять. — Ну?..

Он посмотрел на каждого по очереди, сплюнул и полез по каменной «гриве коня». А сверху прыгнул. Прыгнул, не сняв свою странную форму с непонятными нашивками и потрепанным аксельбантом.

Пистолет он, правда, не нашел. Но он прыгнул...

Впрочем, кто знает? Может быть, это был просто рассказ. Про Музыканта много чего рассказывали. Он появился в лицее прошлой весной — сумрачный, молчаливый, ничего не знающий. Не знал даже, с какого он берега, и это было совсем невероятно. А может быть, он что-то скрывал... Был он нелюдимый, но не злой. Часто насвистывал что-то и за это получил свое прозвище. Про свою голубую форму — откуда она и почему такая — он коротко сказал однажды: «Вы же сами говорите, что музыкант. Значит, музыкантская...»

Его пробовали дразнить. Он отбивался коротко и умело. Нашлись такие, кто нападал на него на одного целым скопом. Тогда он завел друзей — среди тех, кого часто обижали. С ними он был тоже молчалив, но ласков. А их — недавно еще самых слабых и затюканных — теперь опасались трогать.

Того мальчишку, противника по незаконченной дуэли, он тоже, говорят, взял в свою компанию... Если, конечно, все это не выдумки, если дуэль и прыжок со скалы были.

Но выдумка это или нет, а с той поры вражда в лицее стала утихать, мальчишки будто устали от нее. Население спален скоро перемешалось, часто в одном каземате сходились теперь ребята с левого и с правого берега.

Это почему-то не нравилось новому директору по прозвищу Чуф. Но он ничего не мог поделать. Мальчишки не признавались, кто с какой стороны, ввали надзирателям. Чуф дергал кадыком и морщился: он был сторонником четкой дисциплины, а вранье, несомненно, растлевало воспитанников...

Обо всем этом быстро и сбивчиво вспомнил мальчик, когда увидел среди ребят Музыканта.

— Почему вы решили, что он шпион? — спросил Музыкант и глянул из-под темных волос.

— Я не шпион, — опять сказал мальчик.

— Помолчи, — одернул его Летчик и доложил: — Он подслушивал у щели.

— Да не подслушивал я! — громко сказал мальчик. Ему стало обидно. — Во все я не шпион! Это взрослые бывают шпионы, а мне зачем?

— Он сын учителя, — задумчиво проговорил курчавый мальчишка. — Небось, думал заложить нас папаше.

— Ничего подобного! Папа терпеть не может доносчиков!

— Вообще-то правда, — сказал еще один из мальчишек, остролицый, светленький, в оранжевой майке. — Его отец — ничего дядька... Ладно, ты не бойся.

— А я и не боюсь. Что вы мне сделаете? Отлупите? Если я шпион, это вам не поможет... Замуруете здесь навеки? — Он глянул с насмешкой.

А они смотрели на него серьезно, без самых маленьких улыбок. Будто что-то решали. Мальчик вздрогнул. Он вдруг ощутил, что сейчас не совсем игра. Вообще не игра. Он знал, что среди лицейских мальчишек есть всякие. Есть и такие, что прошли во время партизанских стычек огонь и воду. Видели, как убивают, и кто знает, может быть, и сами стреляли в живых людей. Такие могут, наверно, и замуровать...

Нет, эти не могут. Андрюшка не может, Музыкант не может. И вот этот, в оранжевой майке... И вот тот — в желтой рубашке и с желтыми соломенными волосами. У него хорошее имя — Денек.

Денек сказал:

— Говоришь, не подслушивал. Тогда скажи, пожалуйста, что делал у щели?

Ящерка беспокойно шевельнулась в кармане. Может, хотела выручить мальчика? И мальчик решил. Он высадил ящерку на ладошку.

— Вот... Я гонялся за ней. Мы играли...

Ребята повскакали со ступеней. Окружили мальчика. Навалились на плечи друг другу, кто-то поднял над головами фонарь.

— Ух какая... — ласковым шепотом сказал курчавый мальчишка.

— Это геккон, — определил Денек.

— Сам ты геккон. Это каменка, — возразил мальчишка в оранжевой майке. — У гекконов не такой узор...

— Эй, не мешайте! У нее хвост может отвалиться. У них легко хвосты отрываются.

— Другой вырастет...

— Когда еще вырастет!

— А это редкая порода?

— Ой уж редкая! У нас в Желтых Камнях таких тысячи!

— Зато она ручная, — сказал мальчик, слегка сгибая пальцы, чтобы прикрыть ящерку от желающих ее потрогать и погладить.

— Как это ручная? — спросил мальчишка в оранжевой майке. — Дрессированная?

— Нет. Но она меня знает, мы вместе играем...

— А у нас в Орехове... — начал кто-то. Но Музыкант перебил:

— Поглядели и хватит. Садитесь.

Все послушно расселись на ступенях, и Денек сказал мальчику:

— Садись и ты.

И опять все стали смотреть на него. Правда, уже не так подозрительно. Музыкант задумчиво проговорил:

— Ну и что же нам с тобой делать?..

Мальчик понял, что пришла решительная минута. Он зажмурился и отчаянно попросил:

— Возьмите меня к себе!

Они не ответили, только запереглядывались. Курчавый вполголоса сказал:

— Ага... А потом разболтает.

— Я ничего не разболтаю! — клятвенно пообещал мальчик. — Если бы я хотел, я давно бы мог про вас разболтать.

Все насторожились, а Музыкант строго спросил:

— Про нас? А что ты знаешь?

Мальчик понял, что назад пути нет.

— Много знаю. Знаю, где ваша лодка спрятана, чтобы через Реку плавать. Знаю, что вы в Пустой Город ходите. И что вы поклялись никогда не ссориться, если даже с разных Берегов... Только не знаю, кто такие ветерки...

Он замолчал, и тишина сделалась такой, что опять страшновато стало. В фонаре потрескивало нагретое железо.

Музыкант спросил — уже не строго, а печально:

— Как ты про это выведал?

— Я не нарочно, — слегка покривил душой мальчик. — Но щелей-то в камнях много. А я тут все закоулки знаю, мы ведь давным-давно здесь живем... — Он осмелел и улыбнулся. — И глаза вы мне зря завязывали, этот погреб я тоже знаю...

Денек вдруг засмеялся:

— А мы-то думали, что полный секрет...

Мальчик вздохнул:

— А у вас и так полный секрет. Кроме меня никто не знает, а я не выдам. Если не возьмете к себе, все равно не выдам, я не предатель.

— Возьмем, наверно, — серьезно сказал Музыкант. — Что ж теперь... Вы как думаете? Ты как, Денек?

— Я? Ну, пожалуйста, я не против. Даже наоборот.

— А другие?

— Да ладно, — усмехнулся Андрюшка. — Только не испугался бы...

— Пусть клятву даст, — сказал Летчик. — Где листок?

Рисунки Е. Стёрлиговой

Кто-то зашуршал бумагой. Летчик вытащил из воротника длинную иглу.

— У нас кровью расписываются. Не боишься?

Мальчику стало неуютно и зябко, но он протянул руку без задержки. И быстро спросил:

— А правда, что в Пустом Городе само собой кино крутится в пустых кинотеатрах? В нашей школе... ой... в нашей школе ребята говорили, что...

— Правда, правда,— усмехнулся Музыкант.— Пиши.

Мальчик мизинцем с красной каплей вывел на мятом листе свое имя.

— Кино не само крутится,— сказал Денек.— Его крутят ветерки.

— А кто они такие? — опять спросил мальчик. Он был теперь полноправным членом мальчишечьего братства, он мог спрашивать про все тайны.

— Слушай...— сказал Денек.

Оказалось, что ветерки — это маленькие ветры, которые живут в лесах, в скалах и в пустых переулках. Они живые. Некоторым очень много лет — целая тысяча. Но они все равно как мальчишки. И многие из них умеют превращаться в мальчишек, потому что раньше были настоящими, такими, как нынешние ребята.

Эти ветерки давние, вечные...

А есть и другие. Это обыкновенные мальчишки, которые умеют иногда делаться ветерками. Умеют превращаться в маленькие спиральные вихри и мчаться куда хочешь — стремительно и неуправляемо. Такому мальчишке не страшна любая высота и любые враги. Он и погибнуть по-настоящему не может, в крайнем случае превратится в ветерка навсегда...

— И вы все — ветерки? — с недоверием и восхищением прошептал мальчик.

— Не все пока,— объяснил загорелый Андрияшка.— Кое-кто еще готовится. Нас тут в лице много таких... Станем ветерками — никого не будем бояться. Даже тех, которые весят.

— А разве они есть? — удивился мальчик.

Музыкант усмехнулся.

— А как сделаться ветерком? — спросил мальчик.

— Сначала надо переплыть Реку,— объяснил Денек.— Хотя бы один раз. Это не просто река, а такая... ну, вроде волшебной границы. Потом надо побывать в Пустом Городе. Там на Башне Ветров написано заклинание ветерков. Его надо выучить...

— И все?

Это было так просто!

— Не все,— сказал Музыкант.— Потом са-

мое главное. Надо забраться на высоту и не испугаться — прыгнуть вниз...

— Как ты за пистолетом? — спросил мальчик.

— При чем тут это... — неохотно сказал Музыкант. — Я тогда и не слышал еще про ветерков... Надо не бояться и прыгнуть. Тогда станешь невидимкой и полетишь.

Мальчик подумал. Потом спросил нерешительно:

— А если будешь очень бояться, но все равно прыгнешь? Тогда получится?

— Получится, — сказал Денек. — Главное, чтобы перебороть страх...

В это время в щель донеслась хриплая игра сигнальных рожков.

3

Воспитанников построили на дворе широким квадратом. Директор Чуф, морщась, оглядывал пестрые и неровные шеренги. Рядом с ним стояли классные надзиратели. Только они, учителей не было.

Мальчик, разумеется, был не в строю. Он забрался на железную лестницу башни и оттуда все видел. И все слышал — каменная подкова крепости отражала и доносила до каждого любое слово.

Мальчишки стояли тихо и понуро. Директор Чуф, двигая кадыком, отчетливо говорил:

— Раньше мы были терпеливы. Мы только предупреждали. В крайнем случае, наказывали очень мягко. Трое суток в штрафном каземате — самое большее, что получали те, кто плавал через Реку или посещал Пустой Город. Опыт показал, что эти меры не принесли результата. Число нарушителей лицейской дисциплины неуклонно растет. И посему... — Чуф передохнул и молча подвигал кадыком. — Посему высшее начальство потребовало от меня — и я отчетливо понимаю необходимость этого требования — принять самые решительные меры... — Он кивнул надзирателю Кате — круглому человечку с гладким и белым, как тарелка, лицом.

Надзиратель Катя подскочил и женским голосом пропел:

— Воспитанники Андрей Корда-а... Виктор Липун... Феликс Юма-а... Александр Кулик! Ша-а-а-а-а... врёт!

Загорелый Андрюшка беспомощно оглянулся на ребят и, припадая на забинтованное колено, шагнул из строя. И еще трое шагнули, знакомые мальчику. Один — совсем малыш, даже непонятно, как такой оказался в лицее. Он испуганно вертел круглой стриженной головой с большими ушами.

Ко всем четверем подошли надзиратели, взяли ребят за плечи и вывели на середину двора.

— Эти четверо,— деревянно произнес Чуф,— будут наказаны первыми. Сейчас их запрут в штрафном каземате, а после необходимых формальностей и воспитательных бесед их направят в трудовую школу на острове Крабий Глаз. Так нам велено и так будет, а если этот печальный пример не...

— Они не виноваты! — звонко сказали из рядов.

— Ма-а-алчать! — запел Катя.

— А если этот печальный пример...

— Бандюги! Он же совсем малек,— сказали в строю. Видимо, про ушастенького.

— Ма-а-алчать! — Катя вытянулся на носках.— Имейте в виду! В крайнем случае нам разрешено применять электрощупы!

Строй замер. Но почти сразу опять прорезался голос:

— Какой храбрый с пацанами! Где ты был, когда воевали?

— В отряде умиротворения! — крикнули из задней шеренги.

— В интендантской конторе, ворюга!

— Молчать! — это крикнул уже директор.— Разойтись! По классам! Марш!

Строй стал медленно разваливаться. А четверых повели к приземистой железной дверце.

Страшная мысль ударила мальчика. Так, что он едва удержался на ступеньках. Вдруг ребята решат, что это он выдал мальчишек? Все вынюхал и донес!

Эта мысль была такая отчаянная, что мальчик бросился искать Музыканта или кого-нибудь еще из новых знакомых. Но двор быстро опустел.

Мальчик промучился до вечера — то во дворе, то дома.

— Ты заболел? — тревожилась мама.

— Нет. Просто скучно.

— Ничего. Скоро поедем к бабушке в Чайную Пристань.

— Папа, а что за школа на острове Крабий Глаз? — спросил мальчик, когда вернулся отец.

— Это не школа, а тюрьма.

— А этих ребят... Их правда отправят туда?

— Ох, да помолчи ты... — со стоном сказал отец.

Вечером, когда двор был уже в глубокой тени и остывали камни, мальчик увидел у старой пушки Музыканта, Летчика и Денька. Он подбежал, остановился и заплакал:

— Вы, наверное, думаете, что это я? Честное слово... Я же клятву давал...

— Что? — удивился Денек.— Ты о чем? Да перестань ты реветь, пожалуйста! Кто на тебя думает?

— Катя, сволочь, выследил,— сказал Летчик.— Морда фаянсовая...

Мальчик всхлипнул. И стыдно было за слезы, и радостно, что верят ему.

— Может, попросить папу, чтобы заступился за ребят? — неуверенно предложил он.

— А что твой папа сделает? — хмуро отозвался Музыкант.— Он кто? Учитель черчения. Он даже не в лицейском совете. Выгонят с работы — и крышка.

— Он говорит, что на Крабьем Глазе тюрьма,— пробормотал мальчик.

— Ребятам еще до этой тюрьмы достанется,— сказал Денек и пошевелил плечами.— Воспитательные беседы... Знаешь, что такое электрощуп?

Мальчик кивнул. Электрощупы были у пастухов, которые охраняли табуны в степи под Чайной Пристанью. Мальчик видел, когда был у дедушки. Электрощуп напоминает спиннинг с коротким удищем. Круглый разрядник похож на катушку. Конец у щупа гибкий и всегда дрожит... Мальчик помнил, как пастух задел этим концом непослушного жеребенка. Тот даже не заржал, а вскрикнул по-ребячьи. Опрокинулся на спину и забился...

Неужели так можно? Каменная каморка, некуда деться, те четверо сжались в углу, а эти гибкие жалающие концы все ближе, ближе...

— Нет... — прошептал мальчик.

— Что «нет»? — зло усмехнулся Летчик.— Год назад было бы «нет». Они тогда не смели... Я говорил тебе, Музыкант, не надо было выбрасывать оружие. Если этот шкет Фелька не выдержит и расскажет про всех, кто был в Городе, завтра что будет?

— А давайте завтра поднимемся все! — Денек стукнул кулаком по пушке.— Если все разом, мы справимся! И щупы пообломаем, и ребят освободим...

— И через полчаса явится отряд умиротворения,— сказал Летчик.— Я говорил, не надо выбрасывать пистолеты.

— Выбросили, чтобы не стрелять друг в друга,— ответил Музыкант.— И ничего другого тогда нельзя было сделать.

— «Тогда»... А что делать сейчас?

— Да,— согласился Музыкант.— Сейчас оружие пригодилось бы.

У мальчика сердце билось, как горошина в погремушке. Потому что он понял: пришла пора сказать о своей главной тайне. Это была не детская тайна. Дело пахло не игрой, он это понимал. Но он же поклялся, что будет вместе со всеми. И четверо сжались в каземате, ждут...

— У нас в квартире есть глухая кладовка,— сказал мальчик.

— Ну и что? — сумрачно спросил Летчик.

— Там в углу, над полками, такая квадратная дыра с решеткой. Вентиляция. Решетку я вынимал, в дыру залез. Там такой узкий проход. Вернее, пролаз... Я люблю везде лазить.

— Знаем,— буркнул Летчик.

— Дальше,— попросил Денек.

— Я ползал по нему. Он длинный такой, и трудно ползти, но я один добрался до конца. Там подвал, комната запертая... И в ней карабины.

— Что? — быстро спросил Музыкант.

— Карабины со штыками. И железные ящики с патронами. Раньше старших курсантов учили стрелять.

Музыкант, Летчик и Денек быстро оглянулись. Музыкант положил мальчику на плечи твердые ладони. Будто младшему братишке.

— Ты молодчина. Я сразу понял, что ты такой, ты похож...

— На кого?

Музыкант коротко улыбнулся:

— На хорошего человека... А много там карабинов?

— Штук тридцать... Только я боюсь...

— Не бойся,— успокоил Музыкант.— Мы все сами сделаем, про тебя никто не узнает.

— Да я не этого боюсь. Ход очень кривой. Я прямо замучился, пока полз.— Он улыбнулся: — Извивался, как моя ящерка. А карабины-то прямые, длинные, могут не пролезть.

Мальчишки переглянулись.

— Думайте,— сказал Музыкант.

— Что думать. Пополам не сломаешь,— огрызнулся Летчик.

Денек неуверенно спросил:

— А если снять штыки и отвинтить приклады? Может, протащим?

Мальчик подумал.

— Да,— сказал он.— Тогда можно.

Магистр

1

Елка была большая, украшали ее долго. За окнами давно стемнело. Директор наконец сказал дежурным пятиклассникам, что они могут идти домой. Их учительнице он тоже отпустил. Она в глубине души была довольна, однако суровато спросила:

— Как же так? Дети не кончили работу.

— Ничего. Я останусь, и мы кончим.

Она не удержалась:

— Простите, директор Яр. Вы и... кто еще?

— Мои ребята.

Учительница поджала губы. То есть она улыбалась, но мысленно поджала губы. Но даже мысленно она не позволила себе произнести слово «любимчики». Это была пожилая опытная учительница, строгая к другим и к себе. Она гордилась тем, что всегда была справедливой. Другой вопрос, что справедливость эта часто была причиной ребячьих слез. Зато никто не мог упрекнуть ее в необъективном отношении к людям. Вот и сейчас она одернула себя: «Во-все не любимчики. Просто давние знакомые директора. Он был дружен с этими детьми, когда еще не работал в школе. (Хотя странно, конечно: как это можно дружить с детьми?) Говорят, они много испытали во время нашествия, спасали друг друга. Естественно, он позволяет им немного больше, чем другим школьникам...»

Впрочем, подумала она, директор и другим позволяет бог знает что.

Он разрешил девочкам являться на занятия без лиловых форменных фартуков, заявив, что девочки должны быть похожи на девочек, а не на юных послушниц из монастыря кармелиток. (Кстати, необходимо узнать, кто такие кармелитки.)

Он смотрит сквозь пальцы на то, что дети приносят этих ужасных бормотунчиков и пользуются их подсказками на уроках математики.

Когда учитель естествознания не сдержался и закатил болтливому четверокласснику оплеуху, директор Яр самолично содрал с его форменного сюртука нашивку старшего преподавателя и предложил немедленно покинуть школу. И это на глазах учащихся! Конечно, оплеухи — не лучший и даже запрещенный метод. Но все-таки учитель был учитель...

В коридорах теперь на переменах вместо чинных прогулок — беготня, гвалт и хохот младших учеников. На школьном дворе до самого сногпада было то же самое. Эти любим... эти юные друзья директора научили третьеклассников и четвероклассников какой-то дикой игре с мячиками. Мячики надо катать через ямки, а потом куда-то швырять. Причем ямок должно быть пять! Один из директорских мальчиков, сумрачный очкастый подросток с непонятным прозвищем — не то Чила, не то Чира, — даже организовал в младших классах соревнования по бросанию мячика в цель. Соревнования были командные. Это вообще не одобряется нынешними правилами, а тут еще каждая команда состояла из пяти человек! Дети, конечно, веселились, а каково педагогам? Никто не спорит, надо бороться с предрассудками, но нельзя же нарушать приличия! Да и что за глупая игра — мячки? Чего с ее помощью добились? Порядка? Хороших оценок? Только того, что любой маль-

чишка теперь попадает мячом с тридцати шагов в открытую форточку...

Впрочем, эти мысли не очень тревожили наставницу пятиклассников. Они были неновыми и потому привычными. Гораздо больше ее беспокоили семейные дела. Дома больной муж и взрослая дочь, которая успела выйти замуж и развестись, а в короткий период супружеской жизни родила учительнице внучку. Это, конечно, радость, но хлопот от такой радости выше головы. Вот ирываешься между работой, домом и магазинами... Бакалейная лавка на Южной еще открыта, надо забежать, купить хоть чего-нибудь для новогоднего вечера. Если, конечно, удастся. После нашествия прошло полгода, а в магазинах все еще пусто. Может быть,

к празднику подбросят продуктов?.. Праздник! Одно название. Скорее бы уж он миновал. Так хочется думать, что следующий год окажется счастливее минувшего. Кстати, на собрании учителей директор говорил, что так и будет... Он все-таки ничего директор, хотя и с причудами. Не заставляет заниматься лишней писаниной, добился, чтобы все учителя получали дрова, пока в Орехове не восстановят центральное отопление. Говорят, что не боится никакого начальства. Говорят даже... но это уж не ее дело! Мало ли, что говорят в учительской женщины! Главное, что директор отпустил ее пораньше.

Учительница вышла на школьное крыльцо. В пяти шагах было уже темно. И вьюжно было, и холодно. Учительница поехала: до лавки

три квартала. «Не опоздать бы»,— подумала она. И ощутила крайнюю досаду, когда из темноты шагнул заснеженный бородатый человек и сказал:

— Прошу прощения. Не смогли бы вы проводить меня к директору?

Бестолковые пятиклассницы порвали елочные бусы. Теперь Данка сидела на ящике из-под игрушек и надевала блестящие шарики и вишюльки на новую капроновую нитку. Алька торчал на трехметровой стремянке. Он развешивал на ветках стеклянные сосульки и звезды из желтой фольги, похожие на подсолнухи. Повесив игрушку, он обязательно спрашивал с высоты:

— Яр, ну как?

— Нормально. Только не загреми,— с беспокойством отзывался Яр и поглядывал на дверцу у сцены. Там была комнатка, в которой ребята готовили гирлянду. Наконец появился Чита. Он сказал:

— Переключатель искрит, надо перепаять. Ничего, это быстро...

Открылась большая дверь, и недовольный голос учительницы произнес в коридоре:

— Директор Яр, к вам пришли.

В зал шагнул человек в барашковой шапке и заснеженном пальто. Бородатый. Борода была светлая, подстриженная аккуратным квадратом. Пахнуло холодом.

Пахнуло холодом не из открытых дверей, а словно отовсюду. Яру показалось, что кто-то

незаметно и быстро вынул из окон двойные стекла. У Данки посыпались с нитки бусины (к счастью, не на пол, а в подол). Сверху, от Альки, упал и глухо лопнул на полу серебристый шар.

— Растяпа. Уже четвертый,— быстро сказала Данка.

— Ничего подобного, третий,— отозвался Алька и стал сбивчиво насвистывать.

Яр посмотрел на Читу. Чита коротко зевнул и прислонился к стене у дверцы. Он стоял в небрежной позе и разглядывал елочную верхушку. Левую ладонь держал за спиной, правую — у брючного кармана. Карман кругло оттопыривался, будто в нем лежало яблоко.

— Прошу прощения, директор Яр,— хрипловато сказал в бороду незнакомец.— Я не решился бы на это бесцеремонное вторжение, если бы не крайняя нужда.

— Проходите,— сказал Яр, стараясь задавить в себе тоскливое ожидание беды.— Можете раздеться... Можете даже снять бороду, если она вам мешает. На роль Деда Мороза вы все равно не тянете.

— Не тяну,— согласился гость.— Но «борода натуральная... насколько это возможно.

Он снял шапку, стряхнул с нее капельки. Размотал шарф. Медленно, по-стариковски, стянул пальто. Вешалки в зале не было, он положил одежду на стулья у входа. Выпрямился. Теперь он был похож на пожилого профессора: аккуратная седоватая прическа, отутюженный пиджак, что-то вроде университетского значка на лацкане. Широкая борода наполовину закрывала темно-малиновый галстук.

Бледноватое лицо «профессора» было добродушным, голубоглазым и вполне живым. Однако и в лице, и в речи его была та излишняя правильность, которая резанула тревогой Яра и ребят. Даже Данку и Альку, хотя они знали тех только по рассказам.

— Где мы можем побеседовать, Ярослав Игоревич?— осведомился «профессор».

— Здесь,— сказал Яр.

— Но...— «Профессор» посмотрел на ребят.

— Ничего,— сказал Яр.— Они в курсе. Это те, кто был в крепости.

— А!— произнес «профессор» с чисто человеческой ноткой. С уважением и сдержанной грустью.— Это ваши бойцы...

— Да,— сказал Яр. Он шагнул к окну, снял с шахматного столика коробку с елочной мишурой, придвинул два стула.

— Садитесь.

— Благодарю...— Гость сел, аккуратно подпернув на коленях отглаженные серые брюки. Стало тихо. Чита смотрел на елочную верхушку. Алька с очень беззаботным видом укреплял

на ветке золотистого петуха. Данка вновь собирала бусы.

«Профессор» наконец сказал:

— Я понимаю, что мой визит слегка портит вам предпраздничное настроение...

— Не скрою, портит,— отозвался Яр.— Но еще больше удивляет. Не думал, что после того... инцидента на почтамте кто-то из вас решится на прямой контакт с нами.

Гость задумчиво похлопал по столику узкой ладонью.

— Пришлось, Ярослав Игоревич... А почему бы и нет? Мы же не враги. Нас столкнули роковые обстоятельства, но, если разобраться, нам совершенно нечего делить в этом мире. Мы можем жить, не мешая друг другу и даже помогая...

— Да?— ровным голосом сказал Яр.

— Я понимаю... Были горькие эпизоды, были потери... Но в итоге вы оказались победителями! Ярослав Игоревич! В последнем конфликте вы ликвидировали одного из наших... гм... представителей. Хотя со всех точек зрения он был неуязвим.

— Сам полез,— подал голос Чита.

— Разумеется!— воскликнул «профессор».— Кто же спорит, что ваши действия были логичны и справедливы!

— Мы звали его «Наблюдатель»,— без улыбки сказал Яр.— По-моему, он был большой дурак.

— Безусловно!— весело согласился «профессор».— Безнадежный болван. Это и понятно, всего единица... Не его жаль, а то, что он так бездарно провалил маневр. А главное, что не успел проинформировать нас, какое оружие вы применили. Казалось, что такого оружия не существует. Увы, оно есть, и нас это до сих пор озадачивает. Говорю вам это вполне откровенно.

Яр незаметно взглянул на Читу. Чита смотрел на верхушку елки. Но губы у него чуть шевельнулись.

Яр с усмешкой спросил:

— А что значит «единица»? Какая-то мера интеллекта?

— В известной степени... Если интересно, я могу пояснить.

Яр сел поудобнее, давая понять, что ему интересно.

— Видите ли, мы во многом отличаемся от гуманоидных цивилизаций, к которым принадлежите вы,— доброжелательно и чуть печально сказал гость.

— Это заметно,— с ехидцей отозвался Яр. Его тоскливое беспокойство приутихло, и теперь ему было по-настоящему любопытно.

— Я имею в виду не мораль и не цели нашей деятельности, а чисто физическую сущность,—

терпеливо разъяснил «профессор». — Наша осознанная общность состоит как бы из атомов разума. Из сгустков энергии мысли... Есть предстатели, которые, как простейшие молекулы, состоят из одного такого атома. А есть «молекулы», напоминающие колоссальные скопления... Я, конечно, упрощаю, чтобы объяснить доступнее...

— Вы объясняете вполне популярно, — сказал Яр. — А позвольте поинтересоваться: сколько этих самых сгустков разума заключено лично в вас?

«Профессор» улыбнулся, как улыбаются взрослые, когда слышат бестактный вопрос ребенка. Но ответил почти без задержки:

— Не вижу смысла скрывать: семьсот двадцать девять.

— Ого, — сказал Яр.

— Чего ж такое неровное число? — высказался наверху Алька. — Хотя бы до семисот тридцати дотянули...

— Число ровное, — вежливо объяснил «профессор». — Просто у нас другая система, не десятичная.

— Тогда еще вопрос, — жестковато произнес Яр. — Как прикажете вас именовать? Чин у вас, очевидно, не рядовой. Не хотелось бы использовать прозвища или местоимения.

Гость кивнул:

— Зовите меня Магистр. Это в какой-то степени будет отражать истину.

— Тогда к делу, Магистр, — сказал Яр.

2

Пока они говорили, Чита вынул из кармана мячик. Мячик был синий с белыми полосками. Чита рассеянно играл им: легонько бросал об пол у своих ботинок и ловил на уровне пояса. Удары мяча были негромкие: туп... туп... туп... Особенно слышны они были, когда в разговоре наступала пауза.

— Тогда к делу, Магистр...

Магистр молчал. Собираясь с мыслями, он морщил лоб. Кожа на лбу его была совершенно человеческая, не то что на глазированном лице Тота.

Вспомнив про Тота, Яр с усмешкой сказал:

— Надеюсь, вы не собираетесь уговаривать меня вернуться на крейсер...

— Упаси господи! С чего вы взяли?

— Тот уговаривал.

— Тогда были иные обстоятельства... К тому же Тот не отличался гибкостью ума, всего двадцать две единицы. Хотя был исполнителен и точен.

— Был? — сказал Яр.

— Да... Его кончину вы тоже можете отнести к числу ваших побед.

— Что же с ним случилось?

Магистр усмехнулся и шевельнул мохнатыми бровями.

— Бедняге Тоту запала в мозги ваша идея, что каждый человек — это целая галактика. Возможно, для вас это была просто фраза, но он на ней свихнулся. Он не смог опровергнуть эту идею логически, потерял смысл существования и распался... Видите, я от вас ничего не скрываю, Ярослав Игоревич. И от ваших друзей... И я надеюсь на ответную откровенность.

— Гм... — сказал Яр.

— Что «гм»? — спросил Магистр с чисто человеческой досадой.

— Смотря какая откровенность, — объяснил Яр. — Если вы захотите узнать об оружии, котрым грохнули Наблюдателя...

— Да упаси господи! Ярослав Игоревич, я же понимаю!.. Да и зачем нам это? Мы не собираемся воевать с вами, это во-первых...

— А во-вторых?

— Ну... не считите за дерзость, но вы же, наверно, догадываетесь: в случае крайней необходимости мы сможем перемешать с космической пылью всю Планету. Вместе со всеми, кто на ней находится, и с вашим оружием...

«Тихо, — сказал себе Яр. — Тихо. Только не горячись...»

Он помолчал и сдержанно улыбнулся.

— Вы в чем-то сильны, — сказал он. — А в чем-то очень опрометчивы и наивны. Почему вы решили, что мы дадим вам перемешивать Планету с пылью. Вы же не знаете наших сил и наших возможностей...

«Ну и нахал я, — ахнул он про себя. — Что я могу?»

— Но, Ярослав Игоревич... — снисходительно начал Магистр.

— Что «Ярослав Игоревич»? Ярослав Игоревич уже не тот лопоухий новичок на Планете, каким он был летом. Он больше не уповает на семизарядные пистолеты устаревшей системы «Викинг». Он уже кое-что посчитал. Ваши фокусы с нашествиями, извержениями и прочими грандиозными мероприятиями повторяются с периодичностью в двенадцать-тринадцать лет. Чтобы сделать очередную гадость, вам надо сперва подкормить энергию. А чтобы размолоть Планету — тем более. Да и размалывать ее — себе дороже. Что будет с вашими базами, с производством гипсовых манекенчиков? Один вокзал на побережье чего стоит! Не так ли, Магистр?

Магистр нерешительно мигал, и смотреть на это было приятно.

«Вот сейчас я его неплохо зацепил,— подумал Яр.— Но все же нельзя так. Пока нельзя...»

Магистр сказал без особой уверенности:

— Вы же не знаете... У нас есть другие способы.

Яр коротко зевнул. Кажется, это получилось нарочито, но Магистр не заметил. Яр заговорил опять:

— Не будем пугать друг друга. Способы есть и у вас и у нас. Но, может быть, перейдем к вашему делу?

— Я этого и хочу! — обрадовался Магистр. Потом замялся, оглянулся на Читу.— Простите... Не мог бы мальчик перестать стучать мячиком? Меня это отвлекает.

— Мальчик, не стучи мячиком,— попросил Яр.— Это нервирует гостя.

— Я больше не буду,— сказал Чита голосом, каким обычно говорил провинившийся Алька.

Алька на стремянке неприлично хихикнул. Данка коротко усмехнулась.

— Итак? — проговорил Яр.

Магистр сказал негромко и торжественно:

— У нас к вам, Ярослав Игоревич, очень большая и очень серьезная просьба. Просьба о помощи.

Сделалось совсем тихо. Даже Данка перестала позванивать бусами.

— Любопытно,— отозвался наконец Яр.

— Ярослав Игоревич, вы не единственный человек, пришедший на Планету из вашего мира. Много лет здесь живет ваш... одноземлянин. То есть земляк. Так это принято говорить?

— Так,— полупешотом сказал Яр. И удивился — как беспорядочно и глухо застучало сердце. «Ну и что? — сказал себе.— Что такого? Почему бы и нет?...» Но от волнения заболел затылок и перехватило горло.

Магистр постучал пальцами по столу и наконец сказал:

— Мы очень хотим, чтобы вы с ним встретились.

«Я тоже! — подумал Яр.— Я очень-очень хочу!.. Но, конечно, не затем, зачем это надо вам...»

— Какая цель? — не то сказал, не то прокашлялся он.

— Цель серьезная. У вашего земляка с давних пор хранится крошечная модель галактики. Она нам очень нужна.

— Ясно,— сказал Яр, хотя почти ничего не было ясно.— Она нужна вам, а ему тоже нужна. И он ее вам не дает. Так? А отобрать не можете...

— Не можем,— согласился Магистр.— По многим причинам... И договориться не можем. Этот человек ненавидит нас гораздо больше,

чем вы. Хотя причин у него гораздо меньше, чем у вас.

«Что вы знаете о моей ненависти»,— подумал Яр. И вспомнил, как шлепались о пальто невозмутимого Тота пули из «Викинга». И как сыпалась крепость. И как плакала на могиле матери Данка...

— Нужны подробности,— сказал Яр.

— Вот подробности. Глеб Сергеевич Вяткин. Появился на Планете около сорока лет назад. Чем занимался до этого и кем был у вас, мы не знаем. Здесь известен под именами Стрелок и Глеб Дикий. Бывший террорист, нынче малоизвестный писатель. Живет недалеко от Орехова, в поселке Холмы на улице Лучников в доме номер одиннадцать на втором этаже. Одинок и по характеру нелюдим...

— Почему? Тоскует по Земле? — спросил Яр.

— Не думаю. Насколько известно, он никогда не делал попыток вернуться...

— А что за модель?

— Он очень дорожит ею, хотя практически она ему ни к чему. Видимо, просто память. По некоторым данным, эту модель сделали дети в городе Старогорске. Еще там... у вас. Сделали для игры и потом подарили... Глебу Сергеевичу. Подробности не знаю.

— Дети сделали, а вы не можете,— сказал Яр.

— А мы не можем. Мы многого не можем из того, что могут ваши дети. В этом причина целого ряда наших несчастий. И ваших, к сожалению, тоже.

— Это верно,— глухо сказал Яр.

Магистр очень натурально по-стариковски вздохнул.

— Что за модель и зачем она вам? — спросил Яр.

— Ярослав Игоревич... Я могу быть уверен, что сведения, которые вам сообщу, не будут использованы против нас?

— Не знаю. Вам придется рискнуть.

— Мы рискнем... Ради прекращения вражды и, может быть, ради будущего союза.

— Судя по всему, вам очень нужна модель,— заметил Яр.

— Очень... Дело в том, что это не просто модель. Это... я не могу подобрать нужного термина. У нас есть понятие, которое можно перевести приблизительно как «зеркальный фактор». Но «зеркальный» — это не точно... Вы не знакомы с теорией близнецов?

— Увы... — произнес Яр.

— Тогда самый простой пример. Два близнеца всегда удивительно похожи. Не только внешне, но и мыслями и чувствами. Бывают случаи: один обожжет палец, а у другого тоже

вскакивает на пальце волдырь... Модель, о которой мы говорим, и настоящая наша Галактика — такие вот близнецы. Носители зеркального фактора... Я, кажется, крайне бестолково объясняю.

— Ничего, я улавливаю,— вежливо сказал Яр.

— Собственно, это даже не близнецы, а как бы одно целое, хотя Галактика по нашим понятиям колоссальна, а модель — это просто искорка. Ее в просторечии так и зовут — «искорка». Но дело не в линейных величинах, здесь вступают в силу иные понятия...

— И, воздействуя на «искорку», вы надеетесь изменить что-то в нашей грешной Галактике?

— Вы уловили суть...

— Уловил... Но не уловил, почему я должен становиться вашим сообщником? Помогать тем, кто принес Планете столько горя! И уверен, что не только этой планете! Не так ли, Магистр?

Магистр опять побарабанил пальцами по шахматному столику.

— Я понимаю вас... Но никакое развитие, никакая история не обходятся без жертв. Их нельзя было избежать. Люди часто гибнут во имя высшей цели...

— Во имя вашей цели наши люди...— Яр кивнул на Данку.— Объясните этой девочке, ради чего во время нашествия погибла ее мать.

— Я приношу свои соболезнования,— тихо сказал Магистр.

Чита стукнул об пол мячиком и спросил:

— От имени всех семисот двадцати девяти единиц интеллекта?

— Да, мальчик,— сказал Магистр.

— Не думаю, что мы договоримся,— сумрачно произнес Яр.

— Но почему? Ярослав Игоревич! Если у нас будет модель, мы как раз сможем избавить Планету от нашествий, эпидемий и других нежелательных явлений, которые вызывает эксперимент! Мы будем работать не с Галактикой, а только с ее моделью!

— Да! И однажды воткнете в искорку булаву. Ради эксперимента. И в центре Галактики из чертовой бабушке разлетится ядро с тысячами обитаемых миров...

— Ярослав Игоревич... Извините, но нельзя же мыслить так примитивно.

Яр устало вздохнул:

— Что поделаешь. У меня всего одна единица интеллекта. Она не может понять, почему ради вашей бредовой цели...

— Цель не бредовая,— сухо перебил Магистр.— Вы просто не в состоянии осознать. Мыслящая галактика — это пик развития. Высшее достижение... Это дает нам ощущение вечной

жизни и полного удовлетворения. В этом мы видим смысл нашего существования.

— Вы — это вы! — бросил Яр.— А другие видят смысл по-своему.

— Вот именно! Каждый из вас по-своему,— с явной насмешкой отозвался Магистр.— Мы, по крайней мере, знаем, зачем живем. А вы, люди?

— Люди живут для счастья,— сказал Яр.— Вы, Магистр, этого не поймете. Несмотря на семьсот двадцать девять...

— Действительно, не пойму. У вас у каждого свое счастье. Один счастлив, когда женится на любимой девушке, другой — когда на вдовушке с хорошим счетом в банке. Третьему достаточно купить мотоцикл, четвертый счастлив благодаря красивой даче и вкусным обедам...

— Есть кое-что и помасштабнее...

— Не спорю. Один считает целью жизни выиграть как можно больше сражений, другой посвятил себя тому, чтобы сражений никогда не было. Третий мечтает открыть неизвестную планету...

«Не в планетах дело,— подумал Яр.— Когда-то мне казалось так же, а теперь знаю — не в них дело. Счастье — когда счастливы те, кого любишь. И когда они есть — те, кого ты любишь... Вот этого ты, глиняная дубина, не поймешь никогда».

Но Магистр что-то понял. А может быть, просто уловил мысли Яра.

— Ну, что же,— примирительно сказал он,— каждому свое. Смысл человеческих привязанностей для нас действительно неясен... Но раз они так сильны, может быть, именно это заставит вас согласиться?

— То есть? — жестко сказал Яр и взглянул на Читу. Чита оттолкнулся лопатками от стены и стоял к Яру в пол-оборота, руку с мячиком держал, слегка отведя от бедра.

Магистр сказал негромко и отдельно:

— Ярослав Игоревич, давайте так: вы достанете нам искорку, а мы возвратим вам мальчика.

Стало опять очень тихо. Сверху снова сорвался шарик, но никто не обратил на это внимания.

Яр встал и медленно спросил:

— Какого мальчика?

— Ну, того... Вашего приемного сына. Которого звали Игнатик Яр.

Яр молчал.

— Я понимаю,— осторожно сказал Магистр.— Вы видели его могилу. Но он... он не мертв. По крайней мере, в наших силах вернуть его вам целым и невредимым.

Яр молчал.

— Так что же? — тихо, но нетерпеливо спросил Магистр.

Тогда Яр громко сказал:

— Тик!

Дверца у сцены открылась. Игнатик шагнул через порог, на шее у него висели провода с цветными фонариками.

— Яр! Я все перепаял, только надо сменить лампочку...

— Тик,— сказал Яр,— посиди с нами, мы тут беседуем... Итак, я вас слушаю дальше, Магистр...

3

С утра была оттепель, но сейчас холод покрыл подтаявшую дорогу крепкой ледяной коркой. Эту корку заметала сухая мелкая метель. Слой снега был еще тонким и непрочным, он срывался под колесами, и стертые шины скользили на ледяных буграх. А во вмятинах, где намело уже порядочно, колеса увязали, и мотор тогда выл с отчаянием угодившего в яму волка.

Старый школьный «козлик» с фанерными дверцами двигался по окраинной дороге к поселку Холмы. Яр вертел баранку, стараясь удерживать машину в колеях. Ее кидало. Горела только одна фара, и желтый конус луча потерянно метался над заледенелыми рытвинами. В луче летела справа налево колючая вьюга.

На заднем сиденье мотались, подпрыгивали и валялись друг на друга Игнатик и Алька.

Алька вдруг засмеялся:

— Как у него отвисла челюсть! Будто у настоящего, у живого! От удивленья...

— У кого? — не понял Яр.

— У Магистра! Когда Тик появился...

Яр усмехнулся, вспоминать об этом было приятно. Яр крутнул влево и сказал:

— Хорошо отвисла... Совсем как у меня тогда, в сентябре, когда Тик шагнул из соседней комнаты. Хотя, конечно, чувства у меня и у Магистра были разные...

— А вид похожий, я помню,— хихикнул Алька.— Тик, а как это у тебя получилось?

— Отстань. Я тыщу раз рассказывал.

— Ты рассказывал, когда меня прогоняли спать домой, я подробностей не знаю... Они тебя заперли держали?

— Конечно... А главное — в полусне. Я просто ничего не хотел: ни есть, ни пить, ни думать. Открою глаза, погляжу на потолок и опять сплю. Комната какая-то белая, как под потолком... Я даже не знал, что три месяца прошло. Они сказали, что Яр улетел, что вас тоже нет, и мне было все равно... А потом ветерки прилетели, принесли снежинки. И тут голос по радио... Ну, ты же сам знаешь!

— Я не совсем знаю... Ты сразу ушел?

— Сперва сделал чучело под одеялом, буд-

то сплю. Не помню уже, из чего сделал. Потом дернул дверь — она заперта. Я тогда говорю: «Сейчас я ее открою. И там Яр и ребята. Обязательно так и будет, потому что...» Ну, я знал, что мы все этого хотим. Дернул дверь и шагнул. Как тогда, в скадер...

Яр сказал:

— Одно непонятно: как они тебя не хватились до сегодняшнего дня?

— По-моему, понятно,— отозвался Игнатик.— Посмотрят в щелку, видят — спит человек. Ну и пускай спит, забот меньше.

— С сентября спит...

— Ну и что? Они же меня под гипнозом держали... Ой-ей!

— Ничего себе «ой-ей»! — возмутился Алька.— Сам коленом по затылку меня трахнул, да еще ойкает!

— Надо было дома сидеть,— сказал Яр.— Сами напросились, липучки. Захотелось новогодней сказки и приключений.

— Сказка-то еще не новогодняя,— падая на Тика, заспорил Алька.— Новый год еще послезавтра. А ты, Яр, не обзывайся липучками, ты же рад, что мы с тобой поехали.

— Ага,— подтвердил Игнатик.

— Нахалы,— сказал Яр, который в самом деле был рад.

— Конечно, с Читой тебе было бы лучше,— самокритично заметил Игнатик.— Он мячики бросает без промаха.

— Нет уж... — пробормотал Яр, пытаюсь укротить вздыбившегося «козлика». — Чита остался с Данкой и правильно сделал. Так спокойнее.

— Кому? — подал голос Алька.

— Данке... И мне...

— Ты боишься, что Магистр сделает какую-нибудь гадость? — спросил Игнатик.

— Не думаю. Это я так...

Яр обманывал. Он боялся. Правда, не столько за оставшихся у него дома Данку и Читку, сколько за незнакомого Глеба Сергеевича Вяткина. Вдруг Магистр что-то срочно предпримет против обладателя таинственной искорки? Поэтому и решил Яр махнуть в Холмы немедленно... Легко сказать «махнуть». На такой-то колымаге...

Впрочем, колымага все же двигалась, мотор был приличный. Яр сам перебрал его две недели назад. Другие школы люто завидовали директору Яру — у них никаких автомобилей не было...

— По-моему, Магистр ничего не сделает, он слишком обалдел,— сказал Алька.

— Может быть,— согласился Яр.— Не болтай, не отвлекай меня.

Но Алька заговорил опять:

— А зря ты все-таки не пустил за Магистром Читку.

Яр вспомнил, как растерявшийся, даже об-

мякший Магистр встал на шатких ногах и пробормотал: «Я... с вашего позволения, навещу вас еще раз. Пока я не готов... к дальнейшему разговору...» Он неловко кивнул, напялил пальто и шапку и шагнул за порог. Бесшумный и гибкий Чита сжал в кармане мячик и двинулся за Магистром. Яр в ласковом голосе, как в тройном слое ваты, спрятал сталь приказа: «Чита, пожалуйста, останься...» Чита остановился. Обтянутая черным свитером спина его закаменела. «Не надо, Чита»,— сказал Яр. Чита шагнул назад. «Зря»,— тихо проговорил он. «Не зря, Чита. Мы пока про него многое не знаем». Чита пожал плечами, стукнул мячиком об пол и молча сел...

Яр опять крутнул руль и вслух повторил:

— Мы пока про него многое не знаем...

— Ага,— сказал Алька.— Интересно, из чего у него борода? Врет, что настоящая...

Ветеран

1

Яр укрыл мотор старым полушубком, и все вошло в темный подъезд. Поднялись по шаткой дощатой лестнице, которая сделала два поворота среди тесных кирпичных стен. От кирпичей несло холодной сыростью. Ступеньки прогибались. Где-то очень высоко светила пыльная лампочка. Ребята и Яр остановились у двери, обитой порванным дерматином. На двери они разглядели темную, видимо, медную табличку. Она была туго привинчена по углам и сильно вдавилась в дерматин. Яр пригляделся и различил слова:

**Глеб Дикий
литератор**

— Ну что же, все сходится,— бодро сказал он. И ощутил какое-то сосущее, беспомощное беспокойство. Поискал глазами кнопку или рычажок звонка. Не нашел. Сильно постучал кулаком по косяку. Было тихо. Он снова поднял кулак...

Четкий, неожиданно близкий голос спросил:

— Кто вам нужен?

Наверно, за дерматином был динамик.

Чувствуя себя ужасно глупо, Яр сказал двери:

— Мне нужен... Глеб Сергеевич...

Прошла еще очень долгая минута. Игнатик и Алька переминались рядом с Яром. Наконец голос неприветливо отозвался:

— Входите.

Дверь еле заметно шевельнулась. Яр потянул ее, она отошла. За ней оказалась еще одна

дверь, дощатая. Она открылась сама. Яр качнулся вперед, но Тик и Алька опередили его.

В глаза ударил встречный свет. Яр зажмурился и не сразу разглядел, где он. Комната была длинная и узкая. В дальнем конце, за столом с зеленой лампой (она тоже горела) сидел, пригнувшись, человек. Яр увидел блестящие очки и бородку. Руки сидевшего были спрятаны за стопкой книг.

Все довольно долго молчали. Наконец Яр спохватился:

— Здравствуйте...

— Черт возьми... Здравствуйте,— сказал хозяин комнаты высоким, но хрипловатым голосом.— Подойдите сюда... пожалуйста.

Верхний свет плавно угас. Яр, моргая, пошел к столу. Тик и Алька — по бокам. «Как посольство какое-то. Ужасно глупо»,— подумал Яр. Они остановились у стола.

— Меня вы, судя по всему, знаете,— все тем же высоким, но с хрипотцой голосом произнес литератор Дикий.— Может быть, представитесь сами?

— Представимся,— ответил Яр и как-то сразу успокоился.— Я директор Ореховской средней школы номер семь. А это мои... мои дети.

Глеб Дикий снял очки, протер их, абсолютно чистые, уголком белого широкого ворота, надел и со вздохом сказал:

— Ну и манеры у вас, директор... Черт возьми...— Лево́й рукой он выдвинул ящик, а правой убрал из-за книг очень длинный блестящий револьвер.

Тик и Алька вытянули головы.

— Это «Мортон»,— сказал Алька.

— Ничего подобного, «Форт-капитан»,— сказал Тик.

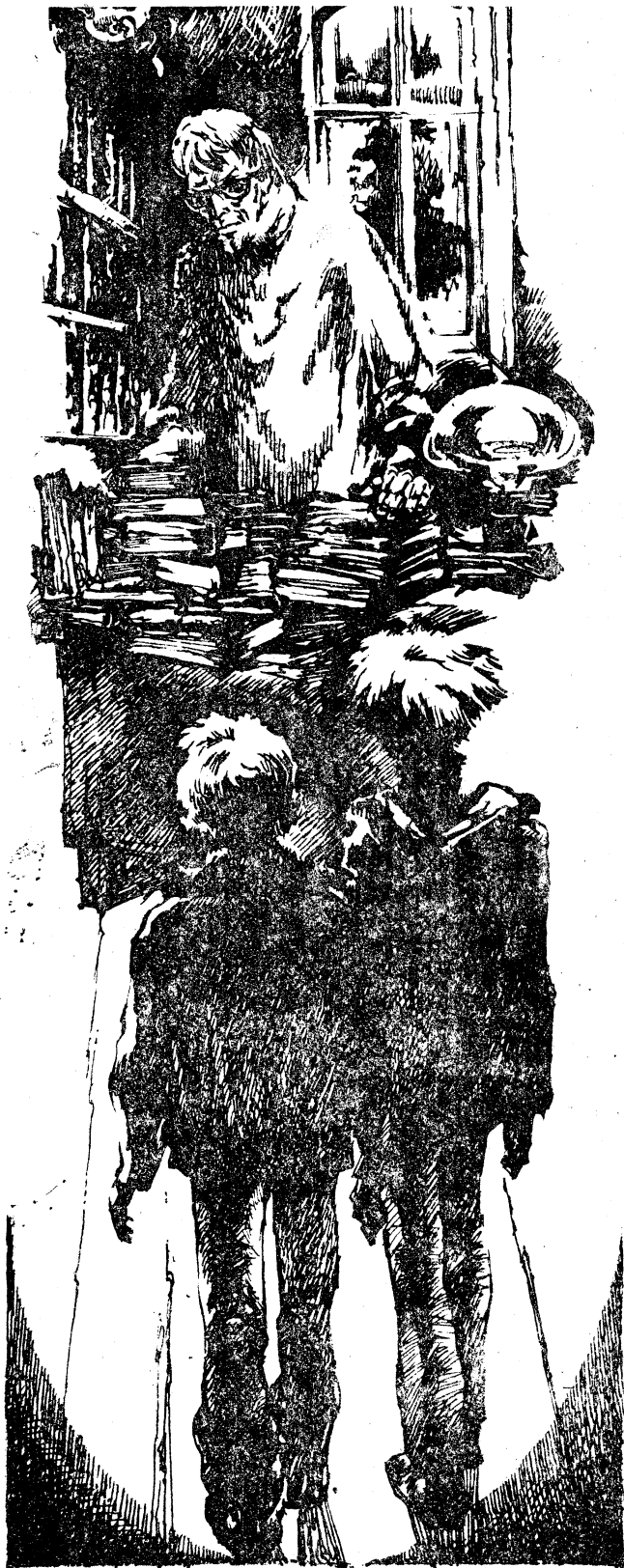
Хозяин комнаты коротко засмеялся и растер ладонями лицо. Это было лицо очень пожилого, но крепкого человека — худое, с темной кожей и четкими красивыми морщинами. В бородке блестела проседь.

— Садитесь,— пригласил Глеб Дикий.— Вы поближе, директор, а вы, добры молодцы, вон туда. Кресло большое, влезете вдвоем... Господи, какие вы молодцы, ребята, что вошли первые. Иначе ситуация сейчас могла быть са-авсем иной... Кой леший дернул вас, директор, называть меня столь старинным способом? Вы, наверно, знаете, кто любит так обращаться.

— А как мне было вас называть? — усмехнулся Яр.— Писатель Дикий? Слишком церемонно... Или...— Он усмехнулся снова.— Может быть, Стрелок?

Хозяин крепким ногтем поцарапал сукно на середине стола.

— Просто Глеб,— сказал он.— Как здесь во-

дится между людьми... А теперь все-таки признайтесь, директор. Это о ни послали вас ко мне?

— Ну, естественно,— охотно отозвался Яр и поудобнее устроился на плетеном скрипучем стуле.— Один тип весьма интеллигентной наружности, именующий себя Магистром. Не знакомы?

Глеб покачал головой. Сказал тихо и без всякой рисовки:

— Знакомых среди этой падали у меня нет. Живых...

— Но ведь пули их не берут,— заинтересованно откликнулся Яр.

— Разные бывают пули, директор,— объяснил Глеб.— Разные... Спросите это у вашего друга Магистра, он подтвердит.

Яр засмеялся:

— Глеб! Ну что за чепуху вы несете! «Друг!» Магистр явился непрощеный, уговаривал заключить союз, мы его послали подальше... Но все-таки я ему благодарен: он дал мне ваш адрес.

— Но почему он пришел именно к вам?

— Да потому что мы земляки.

— Вы и... Магистр?

— О, елки-палки...— сказал Яр.— Вы и я.

Глеб снова помянул черта и опять протер очки. Потом очками этими вопросительно уставился на Яра.

— Я всего два месяца директор школы,— сказал Яр.— А до этого был преподавателем физкультуры и математики. А еще раньше — диспетчером рыбацкого порта, бродягой, робинзоном. Потому что занесло меня сюда с планеты Земля. И земляки мы с вами весьма близкие. Вы как-то связаны со Старогорском, а я уроженец Нейска, это недалеко друг от друга... И зовут меня Ярослав Игоревич Родин. Скадермен-разведчик... Ныне — директор Яр.

Глеб крепко сжал и распрямил пальцы.

— С ума сойти...— проговорил он тихо.— Что-то я... Сейчас... Чаю, что ли, согреть, а?

— Ага, согретьте,— довольно нахально сказал из полутемного угла Алька.— А то у Игната от холода уши звонкие... Уй-я...— В кресле слышалась возня, оно скрипуче запело.

Глеб откинулся на спинку стула и засмеялся.

2

Стены комнаты были дощатые, некрашенные. Вдоль одной — книжные стеллажи. На другой — не то рисунки, не то гравюры в рамках, а среди них — узкая сумрачная маска из темного металла. Очень длинная кровать с резными деревянными спинками, у изголовья — трехствольное курковое ружье с тонким прикладом.

Стол был только один — письменный. За ним и пили чай — Глеб убрал на пол груды книг.

— ...А почему он сказал, что ты был террористом?

— А я и был им,— спокойно разъяснил Глеб.— По крайней мере, с точки зрения тех, которые велят... Я появился здесь, когда война между Берегами формально была окончена, но в окрестностях городов и в лесах было еще неспокойно. Я был тогда почти мальчишка и, естественно, вязался в эту кутерьму... Я научился хорошо стрелять, несмотря на очки. Отсюда и прозвище.

— И... в кого же ты стрелял?

— Естественно, в тех... Они возглавляли «отряды умиротворения». Война им была уже не нужна, и они решили срочно навести порядок на Полуострове. Они сначала сражались между собой боевые группы с разных берегов, а потом ослабевших после стычки стремительно разоружали. Оружие сжигали, а людей... ну, с людьми было по-всякому. Кого-то отпускали, а тех, кто начинал что-то понимать... в общем, по-всякому. Я насмотрелся. И стал стрелять метко.

— А пули...

— У нас был человек, который умел отливать нужные пули. И заговаривал их... Как в средневековье против нечистой силы, да?.. Но, Яр... Мы стреляли не только в них. В тех, кто им помогал — тоже. Никуда не денешься...

— А потом?

— Потом... Если есть время, а человек не совсем дурак, он приходит к какой-нибудь здравой мысли. Вот и я понял: воевать с ними бесполезно.

— Почему? — спросил Тик и со стуком поставил чашку. Алька тоже поставил, но бесшумно.

— Сейчас объясню, хлопцы,— ласково сказал Глеб.— Сейчас... Вот представьте, что у вас на кухне завелись тараканы. Их можно давить, морить разными порошками. Можно их на какое-то время вывести. А потом они опять... Надо не тараканов морить, а чтобы на кухне была чистота. А если там грязь и плесень, они разведутся снова... Разве не простая мысль?

— Простая... — сказал Яр.— Но...

— Разве они — тараканы? — перебил Алька. Глеб жестко сказал:

— Я не знаю, откуда они взялись и какие они в своей природной сущности, хотя бился над этим много лет. Может, пришельцы из других пространств, а может, наша собственная плесень. Только точно знаю: это цивилизация паразитов... Если их можно назвать цивилизацией... Они — тараканы и клопы. Посудите сами. Сколько сил надо положить, чтобы развести пчел или, скажем, шелкопряда. А клопы лезут из щелей сами — стоит хозяевам только зазеваться или стать ленивыми... Вот и в человеческой жизни: когда

люди становятся равнодушными, ленивыми или слишком сытыми, когда им наплевать на свою Планету, появляются те, которые велят. И кое-кто из людей — не против: так спокойнее и проще... Яр! В истории вашей Земли разве не случалось такого?

— Да... Почему «вашей»? Нашей, Глеб...

— Конечно, Яр... Земля есть Земля...

— Глеб... И ты перестал стрелять и стал бороться за чистоту «кухни»?

— Как мог...

Яр осторожно спросил:

— А как? Для меня это очень важно...

— По-всякому, Яр... Честно говоря, я делал это неумело и без большого успеха. Одни люди были запуганы, другие закормлены. Те, кто умел бороться, или погибли, или устали... Яр, не было союзников на этой замороженной Планете. То есть очень мало их было. Это страшнее всего.

— И все же?..

— Я мотался по Планете, кричал, убеждал, получил кличку «Дикий». Писал книги... Кстати, выражение «люди, которые велят», это мое. Так называлась одна моя книга, ее очень быстро сожгли...

— Кто? Они сожгли?

— Нет. Те, кто считали, что их нет. Вернее, делали вид, что их нет. Многим так спокойнее и безопаснее жить... Иногда я опять начинал стрелять. Потому что, когда чистишь кухню, тараканов тоже надо выметать. Не ждать же, когда они вымрут... Тем более, что кусачие тараканчики-то: сколько раз пытались меня прихлопнуть или упрятать за проволоку. Не сами они, конечно... Здесь на всех материках ужасно безалаберная система управления, никаких строгих юридических норм, но все же меня дважды приговаривали к виселице «общественные штабы по борьбе с эпидемиями»...

— За книги? — спросил Тик.

— Да. И за стихи. Особенно за одну песню... «Пять пальцев в кулаке годятся для удара. Годятся, чтоб держать и молоток и меч...»

Алька вскинул ресницы — они золотились от лампы. Он звонко спросил:

— Из-за этой песни они и боятся цифры пять? Глеб засмеялся:

— Спасибо, Алька... за такое допущение. Знаешь, я считал бы себя ужасно счастливым, если бы это было так... Нет, они боятся пятикратности не потому.

— Почему же? — спросил Яр.— Никто не мог мне до сих пор объяснить.

— Я, наверное, тоже не объясню толком... Но мне кажется, дело здесь в свойствах пятиугольника. В том, что он чем-то похож на круг...

— Пятиугольник? — воскликнул Алька.

— Да. Некоторыми свойствами. Я имею в ви-

ду пятиугольник с равными углами и сторонами... Вот такой...— Глеб концом чайной ложки нацарапал на сукне фигуру. На ворсе остался заметный след. Пятиугольник был четко вписан в округлость.

— Ну и...— с любопытством сказал Яр.

— В конце концов, что такое круг?— увлекаясь, проговорил Глеб.— Тоже равносторонний многоугольник, только с бесконечным числом сторон. Кое в чем они с пятиугольником схожи.

— Движением?— спросил Игнатик.

Глеб вскинул на него очки:

— Ты читаешь мысли?

— Он может...— хмыкнул Алька.

— Я догадался,— сказал Игнатик.

— Да...— Глеб скатал из хлебного мякиша горошину.— Если мы пустим по периметру пятиугольника шарик... Ну, скажем, по желобку с такими вот поворотами, он будет катиться; пока есть инерция... В треугольнике шарик застрянет в остром углу. В квадрате— отскочит на повороте и пойдет назад. А здесь— неохотно, со скрипом, но будет продолжать путь. По рикшету...

— Ну и ладно... Ну и что?— озадаченно спросил Яр.— Пусть продолжает. Им-то что, этим манекенам? Жалко, что ли?

— Наверно...— Глеб развел руками.— Видимо, они боятся всяких построений, которые приближаются к кругу. Боятся, что будут раскрыты или нарушены какие-то законы их развития.

— Но есть многоугольники, которые гораздо больше похожи на круг.

— Да, но у них много вершин, они склонны к дроблению. А пять— это прочный и опасный для манекенов минимум. Пятиугольник вписывается в круг, а потом рвет его колючими углами... Яр, а как прекрасно в пятигранник вписывается звезда с пятью лучами! Она всегда была эмблемой тех, кто дрался за свободу...

— Ну... это красивое объяснение,— сказал Яр.— Может быть, не хуже других... И главное— наглядно. Как теорема в учебнике для шестого класса. Но при чем здесь все-таки манекены, при чем их развитие? При чем круг?

— Но развитие всякой цивилизации, развитие вселенной идет не по прямой, это и дети знают...

— Да, но не по кругу же! По спирали!

— Ага!— торжествующе сказал Глеб и кинул в чашку зазвеневшую ложечку.— Вот именно! А наши милые глиняные друзья не прочь замкнуть спираль в круг. Хотя бы какой-то виток! Чуть все вертелось бесконечно!

— Зачем?

— Я считаю, что им надо выиграть время.

Цель-то у них, прямо скажем, крупномасштабная. А Галактика наша не будет ждать, когда они напичатют ее своим разумом, возьмет да и разовьется по-своему...

— Она может,— усмехнулся Яр.— Послушай, Глеб... А эта их бредовая идея о разумной галактике... Они в самом деле ее как-то осуществляют? Или это просто религия какая-то? Философия?

— В том-то и дело, что осуществляют! Отсюда и все заварухи. Нашествия эти и прочее...

— Но, может быть, это что-то вроде ритуала? Просто какой-то символ? Жертвоприношения?

— Нет, они уверены, что работают научно...

— Но как?

— Очень примитивно... Ты же сам заметил, что могущество и примитивность у них рядом. К тому же, они паразиты. Недаром у них нет даже своей оболочки, они лезут в статуи и манекены. И в работе своей... Тьфу ты, даже неловко говорить про это «работа»... тут они тоже действуют чужими руками...

— Нашими? Как?

— Теория у них крайне наивная. Мне пришлось беседовать с одним глиняным философом, прежде чем его...— Глеб неловко глянул на ребят.— В общем, такая теория: галактика— это громадный мозг, только пока пустой. Не заполненный информацией. И они эту информацию посылают в пространство самым простым способом— с помощью взрывов.

— То есть?

— Ну, просто взрывы. Начиная от гранат и мин и кончая теми термоядерными взрывами, которые в свое время корежили Землю...

— Ты считаешь, что эти взрывы— их рук дело?— с сомнением спросил Яр.

— Конечно, нет... Увы, это дело рук человеческих. Но те очень умело их использовали... Как мы используем, например, энергию рек или ветра... Они, как могли, способствовали войнам. Потом— ядерным испытаниям. А когда люди малость поумнели, отыскали себе этот забытый богом угол вселенной. И здесь развернулись всею. Сами начали организовывать войны, стравливать города и Берега.

— Но пока без атомных взрывов,— сказал Яр.

— Зато с нашествиями,— неожиданно сказал Игнатик.— И с эпидемиями. Это ведь тоже взрывы. Когда горе у людей взрывается... Это им тоже подходит...

Глеб с полминуты молча смотрел на Игнатика. Тот засмутился и сунул нос в чашку.

— А ведь прав малыш,— сказал Глеб.

— Еще бы,— с дерзкой ноткой подал голос

Алька.— Тик зря не говорит... Можно, я возьму еще конфетку?

— Куда в тебя лезет? — сказал Яр.

— У меня кишечник спиральный и бесконечный. Как галактика, — объяснил Алька.

— Еще один теоретик, — усмехнулся Яр. — Вот замкнем тебе кишечник в кольцо, тогда хватит одной конфеты на всю жизнь.

Тик фыркнул в чашку.

Алька сказал:

— Смотрите лучше, чтобы манекенчики не замкнули спираль Галактики. Они могут. Вот тогда повертимся...

— В самом деле... — полусерьезно сказал Яр. Глеб опять зацарапал ложкой сукно.

— Меня всегда занимала природа спиральных явлений, — заметил он. — Их закономерности. От громадной галактики и до улитки. Или до маленького вихря на дороге.

— Это ты про ветерки? — спросил Яр.

— Про ветерков, — тихо поправил Игнатик. — Они живые.

— Мне сначала казалось, что это легенда, — сказал Яр.

— Может быть, и легенда, — отозвался Глеб.

— Да нет же! — сказал Игнатик. — Яр, ты же сам знаешь. Вспомни Город!

— Да, — согласился Яр. — Глеб, а ты слышал про восстание в Морском лицее?

— Да, — насупленно сказал Глеб. — Я знаю... Это было вскоре, как я здесь оказался. Мы даже были потом с отрядом в сгоревшей крепости. Ну... не хочется про это, ребята. Я после этого и начал стрелять без колебаний. И много лет потом не мог разговаривать с мальчишками — будто в чем-то виноват был перед ними.

— В чем? — шепотом спросил Тик.

— Не знаю. Может быть, в том, что меня там не оказалось, когда они поднялись... У них то пули были обычные...

— А в Пустом Городе ты бывал? — спросил Яр.

— Нет... Я бывал во многих местах на Планете. Смотрел, как люди живут... По-всякому живут. Есть громадные города, где жизнь кипит и никто, кажется, не боится никаких людей, которые велят... Но это на первый взгляд...

— А в Пустом Городе и вправду не боялся, — вмешался Тик.

— Но он же пустой...

— Нет, Глеб, не совсем, — сказал Яр. — Туда ушли те, кто уцелел в крепости.

— Разве кто-то уцелел? — быстро спросил Глеб.

— Говорят, да...

— «Говорят»... — Глеб грустно посмотрел на мальчишек. — Сказки я слышал и сам. Песню

одну написал тогда. Было время, ее пели. Даже пластинка была...

— Стоп... — сказал Яр. — Это что? «Когда мы спрячем за пазухи ветрами избитые флаги?»

— Ты слышал? Она же запрещена.

— Ну и что же? Кое-где играют.

Глеб на глазах помолодел. Улыбнулся по-мальчишески. Потом серьезно спросил:

— Яр, тебе не приходило в голову вернуться на Землю и привести сюда десантные отряды? Чтобы вытравить здесь всю нечисть.

— Сначала нет... — медленно сказал Яр. — Потом да... Потом опять нет... Глеб, я понял, что нужно самому становиться человеком этой Планеты. Пришельцы не смогли бы изменить мир. Взорвать, наверно, смогли бы, а спасти нет... Такая попытка ведь была.

— Ты имеешь в виду сказки про народ, который ушел на истинный полдень?

— Это не совсем сказки. Племя, которое строило крепости, но никогда не воевало... Крепости-то стоят до сих пор.

— Стоят, — согласился Глеб. — Но кто докажет, что их строили пришельцы? Я за сорок лет не смог выяснить, что это было за племя...

— Глеб... — осторожно сказал Яр. — А ты сам пробовал вернуться домой?

— Нет, — быстро ответил Глеб. — Я не пробовал и не хотел. Мне казалось, что я нужен здесь, и этого мне хватило на всю жизнь. Здесь у меня все... В конце концов, здесь та же самая Земля.

Яр задумчиво поскреб подбородок.

— Да... В чем-то та же самая. Но до сих пор не могу себе сказать: одна это планета или нет?

— Одна, Яр... Просто разные измерения. Ты слышал, наверно, о теории параллельных пространств.

— Ну, Глеб... это же наивная теория. Старый сюжетный крючок для детских фантастических рассказов. И потом — это именно теория, не больше...

— А собственно, почему наивная? Посуди сам: если могут быть параллельные линии и параллельные плоскости, почему не может быть параллельных трехмерных пространств?

Яр покачал головой:

— Черт его знает... Я себе это объяснял как-то по-другому.

— Я тоже пытался объяснить по-всякому. Но все равно в голозе застревает детская картинка: понимаешь, пространства вроде прозрачных кубиков, плотно прижатых друг к другу... И вот наши друзья-манекены своими взрывами и экспериментами что-то сдвинули, нарушили в этой кристаллической решетке. Кубики сдвинулись, проломили друг друга, по ним пошли трещины... В одну такую трещину и занесло сюда по рель-

совой колее начинающего журналиста Глеба Вяткина...

Яр кивнул на Альку:

— Вот от этого теоретика я слышал что-то подобное. Во время летнего плавания на плоту...

— Можно, мы посмотрим ружье? — кротко спросил Алька и показал на стену.

— Еще чего! — сказал Яр.

— Мы осторожненько, — пообещал Тик.

— Пусть, — сказал Глеб.

— Но, Глеб! Ты же знаешь: если ружье висит на стене, оно когда-нибудь выстрелит. А эти пираты...

— Оно вообще не стреляет, — успокоил Глеб. — Оно без пружины. Это так, музейный экспонат...

Тик и Алька двинулись к стене.

— Кр-ромешная некр-ритичность! Не ходите по кр-ромке до пяти р-раз! — прозвучал механический и очень знакомый Яру голос.

Яр вскочил. Снял с лампы зеленый абажур. В углу, у потолка, вцепилось в натянутую веревку маленькое смешное существо: тугой мешочек с проволочными ручками и ножками. Ножки весело дергались. На мешочке улыбалась нарисованная белилами рожица.

— Бормотунчик! — весело удивился Яр.

— Яр-р! Привет! — сказал бормотунчик. — Как дела, скадермен? Все еще карабкаешься по песчаному обрыву?

У Яра коротко и сильно, как чужой холодной пятерней, сжало сердце.

— Ты... — переглотнув, сказал он. И оглянулся на Глеба. — Глеб, можно его спросить? Он не разрядится?

— Я не р-разряжусь!! — радостно завопил бормотунчик. — Задавай хоть тр-риллион вопросов! Во мне вечная энергия!

— Заткнись, болтун! — виновато сказал Глеб. — Яр, не обращай на него внимания. Он то и дело несет всякую чепуху. Он живет у меня уже девять лет и до сих пор не поумнел.

— Это ты не поумнел! — ответил бормотунчик. — У тебя в жизни только одно умное дело: запихал в меня искорку!

— Это правда? — спросил Яр у Глеба.

Глеб засмеялся и кивнул:

— Да, она там. Самое надежное место... И, кстати, Магистр зря домогался, чтобы я отдал искорку. Теперь она принадлежит этому субъекту, а он с ней никогда не расстанется.

— Никогда! — подтвердил бормотунчик. — И пока она во мне, меня ни р-распороть, ни р-рассыпать!

— И не заставить замолчать, — грустно сказал Глеб. — Такое трепло... Правда, иногда он подает дельные советы.

— Я помню, как однажды... — начал Яр. И в комнате грохнуло!

Грохнуло так, что лампа подпрыгнула на полметра, бормотунчик сорвался на пол, а чашки полетели со стола. По глазам ударил тугой синий дым. Из этого дыма, из гулкой звенящей тишины донесся виноватый голос Игнатика:

— А говорили, не стреляет...

— Кар-раул! — завопил из-под стола бормотунчик. — Грандиозный скандал! Пр-представление!

Глеб рванулся к мальчишкам, выхватил у них ружье. Кашляя, он закричал:

— Это же черт знает что! В нем же ни патронов, ни замка! Как это?!

— Это Тик, — самодовольно сказал Алька. — Он еще и не такое может.

— Глеб, у тебя найдется, чем их выпороть? — печально спросил Яр.

— Пр-рекратить безобразии! — заверещал бормотунчик и, цепляясь за трещинки в досках, полез в свой угол у потолка. — Сами дали детям игр-рушку, а тепер-рь...

— Из той же компании, — сказал Яр.

— Мы исправимся, — невинным голосом пообещал Алька.

Глеб упал в кресло, вскинув худые колени, и начал хохотать...

3

Открыли форточку, но дымный запах не выветривался.

— Душегубы, — сказал Яр Альке и Тику. Они виновато сопели. Почти всерьез.

— Черт, черт и черт, — проворчал Глеб. — Я хотел оставить вас ночевать у себя. Надо еще про столько разного поговорить... Мне-то к пороховому дыму не привыкать, а вы, наверно, задохнетесь...

— Нам нельзя оставаться, — объяснил Яр. — Данка и Чита будут беспокоиться.

— И мама, — торопливо сказал Алька.

— А знаешь что, Глеб? Поехали к нам! — предложил Яр. — Младенцев уложим, а сами...

— Мы не хотим спать, — подал голос Алька. — Я только маме позвоню и тоже...

— Молчи, террорист... Поехали, Глеб!

— Ну... если это можно... — Глеб снял очки и почесал ими затылок. — Как-то все неожиданно... И не хочется так сразу расставаться.

— Ура... — шепотом сказали Алька и Тик.

— А я? — завопил бормотунчик. — Бросаете одного, да?!

Машина опять рыскала и ныряла, а снег летел в желтом луче. Глеб сидел рядом с Яром.

Тик и Алька мотались сзади. Бормотунчик устроился между ними. Он ворчал, когда на ухабах мальчишки валились друг на друга и прижимали его.

— У меня теперь квартира при школе,— рассказывал Яр.— Вполне приличная... Правда, ее оккупировали вот эти пираты. Но мы запрем их в комнате, а сами засядем на кухне. У меня есть бутылочка «Вероны», очень подходящая для встречи земляков.

— «Верона» — это вещь,— серьезно согласился Глеб.— Только вот что, Яр... Хочу уточнить сразу. Мы с тобой все-таки не земляки. Не совсем земляки.

— То есть...— озадаченно сказал Яр.— Ты же рассказывал про Старогорск.

— Я жил там, правда. Не очень долго... Я не больше месяца был на вашей Земле. Моя Земля — другая. Она в чем-то беспокойнее, неустроеннее и, наверно, моложе... Впрочем, теперь это не имеет значения. Потом я расскажу все подробно...

— А все-таки... Что же случилось?

— Поезд. Странный поезд, идущий до станции Мост...

— Опять эта станция Мост...

— Слышал?

— Да... Значит, этот поезд бежит через все пространство? Интересно, зачем...

— О господи,— сказал Глеб.— Если бы это было единственное «зачем»... Кстати, мы тридцать пять лет назад пытались найти этот Мост и взорвать его.

— Для чего?

— Трудно объяснить. Мы знали, что он для чего-то очень нужен и м, значит, вреден людям... Найти не смогли. А во время стычки на рельсовых путях погибла моя жена.

— У тебя была жена?.. Ох, прости за глупый вопрос.

— Была... Недолго.

— А... дети? — осторожно спросил Яр.

— Нет... Знаешь, Яр, я до сих пор жалею, что не отговорил своего попутчика, когда он решил вернуться.

— Какого попутчика?

— Юрку... Это был мальчик двенадцати лет. Мы вместе ушли из Старогорска... искать неведомое. Но через час он вернулся. У него в городе остались друзья. Он сперва шел со мной, а потом вдруг говорит: «Нет, не могу оставить Гельку...» Это когда нас догнал бумажный голубок с искоркой...

Яр сказал немного виновато:

— Знаешь, я ничего не понимаю.

— Конечно. Я потом расскажу все детали.

— Я не про детали... Я про главное: что за мальчик? Тоже с твоей Земли?

— Нет. Он-то как раз был твой настоящий земляк.

— А почему он пошел с тобой?

— Долгая история. И странная... Он рос без отца и ничего про него не знал. А потом вдруг решил, что отец у него был звездолетчиком. И говорит: «Где же его искать, как не в этой путанице пространства и времени». Я не точно его слова передаю, но мысль такая... В чем-то он был прав. По крайней мере, здесь, на Планете, есть один скадермен... Яр! А у тебя были дети?

Яр крутнул баранку, объезжая снежный бархан. И вдруг почувствовал, как прилипли к пластмассе вспотевшие ладони.

— Нет...— медленно сказал он.— Нет. Там не было.— Он спиной почувствовал взгляды Игнатика и Альки.

Глеб задумчиво проговорил:

— Хороший был Юрка. Только немного сумрачный...

— А откуда он узнал, что его отец — скадермен?

— Да ничего он не узнал. Это была его фантазия. Мать как-то сказала сгоряча: «Никто на Земле не знает, где этот барабанщик...»

— Яр-р, осторожнее! — сказал сзади бормотунчик.— Не дергай руль.

Яр с трудом вывернул машину с обочины в заснеженную колею.

— Почему барабанщик? — тихо спросил он.

— Юрка увидел у матери фотографию. Там были ребята. В одном Юрка угадал отца. Уловил сходство с собой...

— Глеб... Ты видел фотографию?

— Нет. Но Юрка рассказывал... Старый двор, девочка, а по бокам от нее мальчишки с деревянными саблями. И еще один, чуть в стороне...

Яр усилием воли растолкал почти остановившееся сердце. Тогда оно взорвалось отчаянным ритмом.

— С барабаном? — сипло спросил Яр.

— Да... Яр, значит, мы встретились не зря?

— А барабан... он из старой кастрюли?

— Да.

Снежная поляна

1

После вьюжной ночи утро было тихое, только воздух позванивал от колючего морозца. Да еще шуршали и поскрипывали лыжи. Ярко горело солнце.

На старые, покрытые льдистой корочкой пласты лег свежий снег. Он был сухой и мелкий. На солнце он казался ярко-желтым, а в нетро-

нутых лучами ложбинках лежала густая синева. От разбросанных по склонам сосенок и пней тянулись лиловые тени. Яр часто мигал от блеска—снежинки, будто крошечные зеркальца, били по глазам голубыми, малиновыми и белыми вспышками.

Путь лежал среди пологих, покрытых редколесьем холмов. По неглубокому свежему слою лыжи скользили отлично. Данка, Чита и Алька убежали вперед и мелькали разноцветными пятнышками на краю широкой вырубки. Яр, Глеб и Тик неторопливо шли по их следам. Яр и Глеб — рядом, Игнатик чуть позади. После бессонной ночи у Яра чуть кружилась голова. Но дышал он легко, и усталости не было. Только и радости он не чувствовал. Вчерашняя резкая печаль слегка улеглась, но осталось ощущение потери и тревожной неизвестности. И желание скорее эту неизвестность разорвать, и понимание, что сделать это едва ли удастся...

У Глеба ярко блестя седина, он шел без шапки. В школьной кладовой ему подобрали лыжи и ботинки, Яр дал свой свитер. Глеб был похож на бодрого и сильного пенсионера, у которого в прошлом немало спортивных побед. Яр подумал, что у него красивое лицо: обветренное, узкое, с четким узором глубоких морщин. Решительное лицо. Только глаза, смотревшие сквозь толстые стекла, казались немного неуверенными. Но, скорее всего, это лишь сегодня.

Глеб улыбнулся и сказал:

— Целый век не вставал на лыжи, а вот помню еще кое-что.

— Ты отлично держишься,— сказал Яр.— Глеб...

— Что?

— Глеб... А какой он был?

— Юрик?

— Да... Хотя ты, наверно, не очень помнишь. Сорок лет...

— Нет, я помню, Яр... Тощенький такой парнишка, темноволосый. Немножко сумрачный. Иногда казалось, что обижает своего друга Гельку... но вот вернулся же к нему... Яр, было в нем какое-то одиночество, я про это уже говорил. Правда, в последнее время он стал веселее. Был в Старогорске детский праздник, Юрика взяли в барабанщики, он ходил в голубой форме с галунами и аксельбантами. Ладненький такой стал, гибкий и какой-то... ну, будто решил для себя важное.

— Решил...— медленно сказал Яр.— Сперва решил идти с тобой, потом вдруг вернулся...

— Ну что же... Это ведь тоже надо было решить. Если трезво подумать, не было у него никакой надежды отыскать тебя. А там оставались друзья... Яр, я хорошо помню, как он ухо-

дил от меня. Ему закат светил в спину, а он шел по рельсу, как по воздуху и только один раз посмотрел назад...

— Все-таки посмотрел...

— Посмотрел и помахал рукой... Когда я эту песню писал... ну, о барабанщике... я почему-то все время думал о Юрке. Хотя он никакого отношения не имел к восстанию...

— Спасибо, Глеб,— сказал Яр.

— За что?

— Так...— вздохнул Яр и услышал сзади:

— Яр, подожди...

Он тут же оглянулся. Игнатик стоял, упираясь подбородком в палки, и лицо у него было... Яр знал, когда у Тика такое лицо. Он очень хорошо знал. Когда рядом беда. И не просто беда, а такая, которая грозит расставанием. «Этого еще не хватало»,— тоскливо подумал Яр. И все другие тревоги тут же затерялись в страхе за Игнатика. Яр глазами сказал Глебу: «Иди вперед», и тот понял, сразу понял, умница Глеб. Яр круто развернулся, и они с Игнатиком съехались вплотную— так, что лыжи одного прошли между лыжами другого.

Яр увидел у Игнатика слезинки и сел перед ним на корточки.

— Ну? Тик, что случилось?— Он крепко взял его за маленькие красные варежки.— Тик...

Игнатик посмотрел в сторону, часто замигал и сказал полупешепотом:

— Яр, я тебя вчера обманул.

Вчера, на дороге, Яр на минутку остановил машину. Руки ослабели, даже стыдно было. Он торопливо проговорил:

— Сейчас, ребята, сейчас...

— Давай, сяду за руль,— сказал Глеб.

— Да нет, что ты... Я только спросить хотел...— Он быстро обернулся:— Тик, можно пробить пространство? Чтобы побывать там! Тик, ты же умеешь! А?

«Я веду себя, как слезливый растерявшийся ребенок»,— подумал он. Однако это было неважно. Важно было, что скажет Игнатик.

Игнатик сказал:

— Яр, я не знаю... я не могу. Я мог прийти на крейсер, мог от манекенов уйти... Ну, потому что я знал, куда. Потому что к тебе... А как теперь...

Яр стиснул руль, глубоко вздохнул, посидел секунд пять и включил скорость.

— Ладно...— пробормотал он.— Ничего...

Это случилось, от этого не уйдешь. Яр не думал, что когда-нибудь его потянет в родные места, потому что родным местом стала Планета, здесь было все, и он верил, что так будет до конца жизни, но вот теперь...

— Яр, ему сейчас уже за пятьдесят,— осторожно напомнил Глеб.

— Не все ли равно...

— Мы попробуем что-нибудь придумать...— неуверенно сказал Глеб.

— Что?— горько усмехнулся Яр.— Распотрошить бормотунчика, отдать манекенам искорку и взамен попросить помощи?

— К счастью, это невозможно,— серьезно сказал Глеб.

— К счастью для миров и цивилизаций,— опять усмехнулся Яр.— Черт бы побрал все эти миры и пространства... Юрка... Как я и мечтал... Если бы хоть что-нибудь узнать про него...

— Ве-тер-ки!— вдруг механическим голосом сказал сзади бормотунчик.

— Что?— разом спросили Яр и Глеб.

— Ве-тер-ки. Они летают везде. Они знают все. Это совет.

— Где их найдешь, ветерков?— недовольно спросил Глеб.— Тоже мне совет.

— Что знал, то сказал. Это совет,— повторил бормотунчик и глухо выключился.

— Я знаю где,— хмуро и решительно сказал Яр.— В Пустом Городе. Будут каникулы, мы туда съездим, верно, Тик?

— А я?!— подскочил Алька.

Игнатик долго молчал. Машину сильно кидало, и желтый луч метался среди летучего снега.

Игнатик наконец проговорил:

— Не надо в Город. Ветерки есть ближе. Я провожу.

...Уже дома, когда грелись у трескучей уютной печки, Игнатик как-то виновато рассказал, что ветерки под Новый год собираются на лесных полянах и на короткое время превращаются в обыкновенных мальчишек. Они для этого и слетаются— чтобы снова почувствовать себя ребятами, поиграть, подурачиться, повидаться с друзьями. Они же, хоть и ветерки, но остались мальчишками в душе. Причем навсегда...

— И ты знаешь эти поляны?— недоверчиво спросил Глеб.

Игнатик кивнул:

— Одна совсем недалеко. У Черного озера. Это километров восемь...

— А откуда ты все это знаешь?— снова спросил Глеб.— Нет, я верю, конечно, только... Я вот сорок лет здесь, а...

— Глеб, не спрашивайте,— мягко сказала Данка.— Тик про многое знает и много всего умеет. А объяснять про это не умеет...

— Например, как выстрелило ружье...— подал голосок Алька.

— Кое-кто у меня дотанцует,— сказал в пространство Яр.

— Душе-раздир-рающе выстрелило!— ото-

звался бормотунчик. Он висел наверху у печки, вцепившись в кольцо выдвинутой выюшки.

Чита поднял глаза от книги и посмотрел на бормотунчика. Тот, кажется, смутился, засучил ножками, замурлыкал, как приглушенное радио. Тик молчал, он сидел на охапке поленьев и стягивал шерстяные носки. Глеб присел с ним рядом.

— Люди,— сказал Глеб.— Мне с вами хорошо... Так хорошо мне не было целую космическую вечность. Ей-богу... Но я же еще мало про вас знаю. Люди, если я что-нибудь не так скажу или не то спрошу, вы не сердитесь. И не прогоняйте меня, ладно?

— Куда же на ночь-то...— снисходительно откликнулся Алька.— Ой! Простите, это меня нечаянно в язык ужалило.

Глеб засмеялся. Яр пообещал:

— Кое-кто за свой язык сейчас отправится ночевать домой.

— Я больше не буду.

Игнатик вдруг сказал:

— А что такого? Я могу рассказать про ветерков. Они ко мне прилетали, когда я у манекенов сидел. Это ведь они мне рассказали, что Яр вернулся. И снежинки принесли пятиконечные. Они хорошие ребята, завтра сами увидите...

И вот теперь он признался:

— Яр... Я тебя вчера обманул.

— Что? Как обманул?— потерянно пробормотал Яр.— Значит, нет поляны с ветерками?

— Да нет, поляна есть... Я про другое обманул. Что не могу пройти через пространство...

— Значит... можешь?

Тик помотал головой, и блестящие слезинки слетели с ресниц.

— Не могу... Но я тогда еще не знал, что не могу, еще сам не понял, а сказал сразу.

— Тик... почему?

Он молчал и опять смотрел вбок. В сторону синей ложбины.

— Тик, ну ты чего...— очень-очень бережно, будто вывинчивая взрыватель, сказал Яр.— Тик, ну разве у человека не могут быть два сына?

— Да я понимаю...— прошептал Тик.— Я ведь поэтому и повел к ветеркам.

— Тик, ты, наверно, не совсем понимаешь... Ты повел, но... ты все равно что-то думал, я знаю. Да?

Он прошептал еще тише:

— Я думал, может, мне остаться с ними?

— С кем?

— С ветерками... У меня получится.

Яр в душе задохнулся от страха. «А ну-ка, тихо,— сказал он себе.— Ну-ка, спокойно!»

— Игнатик,— все с той же осторожностью начал он.— Ты где-то доверчивый, а где-то... просто досада берет. Ты один раз уже не поверил мне и ушел... И что получилось? Кому было хорошо?

Игнатик стоял с опущенной головой. Смотрел уже не в сторону, а вниз.

— Если бы ты знал...— с отчаянием сказал Яр и встал.— Если бы можно было передать, что человек чувствует. Не словами, а так вот, из мозга в мозг. Чтобы ты понял, как мне было тогда ночью... Когда я увидел на столбике «Игнатик Яр»...

Тик поднял мокрые глаза.

— Ну ладно, Яр. Я же не уйду...

— Ага, это сейчас «не уйду!» А потом опять что-нибудь тебя взбрыкнет...

— Нет, Яр. Теперь никогда.

Яр тяжело сопел и смотрел вверх деревьев.

— Ну, я глупый был,— пробормотал Игнатик.

— Свинья ты все-таки,— сказал Яр. Взрыватель был вывинчен, и можно было отвести душу.— Нет, в самом деле, свинство какое...

Игнатик облапил красными варежками брезентовую штормовку Яра.

— Просто слов нет, какая морочка с тобой,— сердито и беспомощно проговорил Яр. И дернул Игнатика за шерстяной шарик на синей вязаной шапке.— Придумал! «Уйду!».. А я? А Данка, Алька, Чита? Подумал?

— Ага... Я про это и подумал. Яр, если отыщется твой сын, тогда ведь уже будет шестеро. А так ведь нельзя...

— Ох, как мне надоела эта идиотская математика! Почему, леший все раздери, нельзя?

Тик виновато объяснил:

— Ну, будет же это... неустойчивый многоугольник.

Яр часто задышал.

— Ты что? — испугался Тик.

— Я считаю до ста. Чтобы сдержаться... Многоугольники, пятиугольники... Да главное, чтобы держаться крепко друг за друга! Ясно?.. И, кстати, нас уже и так шестеро. Куда от нас теперь денется Глеб?

Они оба посмотрели на Глеба. Он стоял в полусотне шагов. Стоял спиной, но часто оглядывался на Игнатика и Яра. Тик слабо улыбнулся и помахал ему варежкой. Глеб радостно замахал палками.

— Он хороший, — сказал Игнатик. Яр придвинул его к себе вплотную.

— А мой Юрка... — сказал Яр. — Он ведь сейчас, наверно, такой же, как Глеб. Ну, разве что чуть помоложе... Тик, вы же с ним очень разные...

«И вам, таким разным, не пришлось бы ссориться и ревновать друг друга, если бы встретились. Нечего и бояться», — добавил он про себя.

Игнатик его понял. И недовольно ответил:

— Что хорошего, если разные? Наоборот... Был бы он мальчишка, другое дело. Одинаковым братьям легче договориться...

С ближнего склона мчались Алька, Чита и Данка.

— Ну что за копуши! — кричала Данка. — А еще мужнины!..

2

Дальше они двигались вшестером.

Впереди встала густая рощица — смесь елок, березок и осин. Яр хотел обойти ее, но Игнатик обогнал всех и въехал под заснеженные ветви. Минуты две лыжники пробирались среди трескучих сучьев и мохнатых зеленых лап. Затем вышли на просеку.

— Ой... — негромко сказала Данка. — Это что?

Просеку наискось пересекали следы. Человеческие следы. Кто-то маленький, легкий, почти не проваливаясь, пробежал здесь по свежему снегу. Босиком.

Просека полого уходила вниз по склону, солнце светило вдоль нее, и лучи накрывали снег неярким скользящим светом. Зато в следах солнце как бы застревало. Они ярко золо-

тились на мерцающем снегу. Это было очень красиво. Но Данка передернула плечами и сказала:

— Они же поморозятся...

— Они холода не чувствуют, — насупленно ответил Игнатик. И попросил: — Пошли. Только без шума.

Лыжники пересекли просеку рядом со следами и опять оказались в чаще. Но почти сразу чаще поредела. И слышны стали голоса. Веселые тонкие голоса, крики и смех. Как на школьном дворе во время перемены.

Елки расступились, и открылась овальная поляна.

На поляне бегали, догоняли друг друга, кувыркались и боролись десятка два одетых полетнему мальчишек.

Яр передернул плечами. Было что-то резко тревожное, ненастоящее и даже пугающее в этом полете растрепанных ребячьих волос, в мелькании смуглых ног и рук, взметающих гейзеры снега. Но мальчишки играли по-настоящему. И сами они были настоящие. Снег мелкими капельками таял на их загорелой коже. И когда Яр издали разглядел эти капельки, ему стало легче.

Младшим было лет восемь-девять, старшим где-то около тринадцати. Они оказались давно не стриженные и все очень загорелые — будто после смены в летнем лагере у моря. Многие бегали босиком. Приглядевшись, Яр заметил, что их майки, рубашки, матроски — выцветшие и залатанные. Но если не приглядываться, мальчишечья компания казалась очень пестрой и даже нарядной. Будто швырнули на снег охапку разноцветных елочных флажков, и теперь их носит ветер.

Посреди поляны, провалившись тонкими ногами в снег почти по колено, стоял и швырялся снежками мальчишка ростом с Игнатика. А другие ребята кидали в него. Мальчишка смеялся, откидывая голову. Рубашка у него была желтая, и волосы — желтые, солнечные. Они горели на ярком свету. Снежки — совсем не липкие, сухие, не долетали до ребят, рассыпались в воздухе в мелкую сверкающую пыль. В клубах этой пыли и на желтом снегу металась тонкорукие синие тени...

И вдруг пыль осела, тени замерли, смех и голоса стихли. Оказалось, что мальчишки стоят неподвижно. И смотрят на незваных лыжников.

— Стойте здесь, — быстро сказал спутникам Игнатик. Сильно толкнулся палками, оставил их в снегу, выехал вперед и замахал над головой красными варежками.

Мальчик с желтыми волосами улыбнулся.

— Это Тик, — сказал он негромко, но было

хорошо слышно в холодной тишине.— Все в порядке, ребята.

Он выдернул ноги из снега и, почти не касаясь его, побежал к Игнатику. И другие побежали. Обступили со смехом, снова поднялся шум. Яру показалось, что сейчас мальчишки подбросят Игнатика в воздух и станут качать, как победителя лыжной гонки. Но нет, они только смеялись и шумели. Потом чуть поутихли, и звонкий голос отчетливо сказал:

— А чего же! Конечно!

Из толпы высунулся щуплый темноволосый пацаненок в синей майке — один из самых маленьких. Сложил рупором ладошки и крикнул тоненько:

— Вы чего там стоите? Идите к нам!

— Пошли,— решительно сказал Чита.

Мальчишки обступили гостей. Их любопытные глаза напомнили Яру осеннее утро, когда он впервые пришел учителем в Ореховскую школу номер семь. Ребята так же обступили, так же смотрели. Впрочем, не совсем так. У тех, у школьников, кроме любопытства, мелькала порой и озабоченность: какой ты? Не злой ли? Не будешь ли обижать? А здесь все смотрели без недоверия. Кто весело, кто задумчиво, а кто чуточку хитровато.

Яр все-таки сказал с неловкой улыбкой:

— Вы нас не бойтесь...

Те, кто стоял поближе, засмеялись. Не обидно, и все же с ощущением превосходства. Так ребята смеются над взрослыми, когда те пытаются играть с ними в детскую игру и не умеют. Курчавый мальчик в клетчатой рубашке — пухлогубый и с очень синими глазами — снисходительно разъяснил:

— Чего же нам бояться? Если что, мы взлетим — и нет нас.

— Вы — ветерки? — в упор спросил Алька.

Они опять засмеялись. Мальчик с желтыми волосами сказал:

— А кто же еще.

Худощавый, похожий на Читу паренек (только без очков) обратился к Яру:

— Тик сказал, что вы его друзья. Значит, все в порядке... Хорошо, что пришли. Ребята иногда скучают по людям.

— Это наш командир,— весело сунулся к Яру темноволосый малыш в синей майке.— На этой поляне командир.

Данка сняла варежку и взяла малыша за подарпанное плечо.

— Тебя как зовут?

Он улыбнулся большим щербатым ртом:

— Вовчик зовут... А иногда — Стручок. А тебя как?

Данка нагнулась к нему.

Чита спросил у Командира:

— Вы не станете возражать, если мы разожжем костер?

— Нет, конечно. Мы и сами...— Он оглянулся на ветерков.— Эй, ребята! Давайте костер!

Пока собирали сучья, пока вытапывали площадку, пока Глеб устраивал вокруг нее сиденья из валежин, Яр думал об одном: «Это же просто мальчишки. Неужели они что-то могут? Неужели сумеют помочь?»

Потом он возразил себе:

«Игнатик — тоже мальчишка. А сколько он сумел в свое время!»

Он оглянулся на Игнатика. Тот не собирал дрова. И еще несколько ветерков не собирали — желтоволосый мальчик, Командир, курчавый пацаненок... Всего человек семь. Тесной кучкой они стояли на краю поляны. Не слухом, а скорее натянутыми нервами, Яр услышал обрывки их разговора.

— Это же не каждый сможет...

— Надо, чтобы смог и чтобы хотел...

— Я...— сказал желтоволосый.

— Ты, Денёк?

Желтоволосый Денек опустил голову. И, видимо, опять сказал: «Да».

— Сперва-то хорошо,— проговорил Командир.— А когда пройдут двенадцать лет... Я знаю, я пробовал.

— Я понимаю,— сказал Денек.— Но ведь все равно кому-то надо...

Игнатик недоверчиво спросил:

— А разве так может быть?

— Если очень постараться... Только не у каждого получается,— вздохнул курчавый.— Я вот никак не могу. А Денек может...

Тик незнакомым голосом сказал:

— Это было бы такое... Нет, даже не верится.

— А сам-то...— улыбнулся Денек.

— Но я же не сквозь время...

— Это не самое трудное. Самое трудное — расставаться,— сказал Командир.

— Но ведь надо,— отозвался Денек.

Кажется, Игнатик сказал:

— Очень надо...

Денек пожал плечами:

— Тогда что говорить? Я могу. Пожалуйста...

Шумящая толпа заслонила Игнатика и тех, с кем он говорил. Мальчишки тащили охапки хвороста. Яр поймал себя на том, что ветерки в своих легких рубашонках и майках уже не кажутся странными, не вызывают беспокойства. Будто все так и надо, будто здесь летняя лужайка. Странно и неуклюже выглядели Данка,

Алька и Чита в своих теплых куртках и вязаных шапках. Впрочем, Алькина зеленая шапка уже мелькала на ком-то из ветерков, а куртка на Альке была распахнута...

Яр увидел, как Вовчик-Стручок подбежал к Данке. Он протянул ей стебелек с красными бусинками брусники.

— На! Это я под снегом раскопал!

— Ой, спасибо, Вовчик...

— Ага... Я тебе еще найду!

3

Все сидели у костра. На солнце огонь казался густо-оранжевым и неярким. Он с хрустом пережевывал сучья. И ветерки притихли, как притихают все на свете мальчишки у всех на свете костров. Стручок сидел на коленях у Данки и что-то шептал ей в ухо, под шапку. Она быстро кивала.

Игнатик сзади подошел к Яру. Положил ему на плечи варежки, тихо проговорил:

— Ты ни о чем не тревожься, я им все рассказал. Они обещали сделать все, что можно.

— Да. Я уже понял, Тик.

— Все-все, что можно,— повторил Игнатик.

— Спасибо, Тик.— Яр взял его руки и сложил их у себя на груди, как концы воротника. Игнатик постоял так, потом тепло сказал Яру в ухо:

— Они надежные, они меня уже не раз выручали... Яр, я пойду посижу с ними, а то недолго осталось.

Тревога Яра утихла. Мысли о Юрке стали спокойными, он верил теперь, что ветерки помогут. А может быть, просто пришла усталость...

Глеб сидел между Читой и Командиром, они о чем-то тихо говорили. Огонь стал спокойнее, негромко потрескивал, и с этими звуками смешивался еще один треск: крепкие ребячьи зубы хрустели кусками колотого сахара. Это Алька распотрошил рюкзак с продуктами и всем раздал угощение. Алька знал, конечно, что не нужна ветеркам никакая еда, но догадался: сладкое ветерки все равно любят. Что они, не мальчишки, что ли?

Рядом с Яром присел на жерди тонколицей светлорусый мальчишка в оранжевой майке и вытертых джинсовых шортиках, разлохмаченных по нижней кромке. Поднял серые знакомые глаза, сказал неловко:

— А я вас помню...

И Яр мгновенно вспомнил. И обрадовался:

— В поезде! Да?

Мальчик быстро кивнул:

— Ага. Вот...— он положил Яру на колени

коричневую руку. На ней пониже острого локтя был темный рубец.

— Помните, вы порохом присыпали, чтобы скорее зажило? И правда, быстро зажило, только порох вьелся под кожу.

Яр коротко вздохнул от горячего толчка ласковости к этому одинокому и беззащитному на вид пацаненку. Распахнул куртку, придвинул мальчика к себе, накрыл его плечи косматой полкой. И тот сразу доверчиво прижался к Яру.

Помолчал немного, глянул на Яра, подняв острый подбородок, спросил полупшепотом:

— Значит, нашли того мальчика, за которым ехали?

— Нашел...

— Я посижу тут немножко с вами, ладно?

Яр прижал его еще плотнее. Он ощутил сквозь рубашку его тепло, гибкую твердость мальчишечьих ребер, а за ними частое и упругое биение сердца.

«Они же настоящие! — ахнул про себя Яр.— Они живые, как мы! В точности! Как они могут исчезнуть, улететь?»

Мальчик пошевелился и опять посмотрел на Яра. Может быть, ему хотелось поговорить, но он не знал о чем? Яр сказал осторожно и ласково:

— Значит, вы собираетесь вместе не только под Новый год? Тогда, летом, ты тоже спешил с кем-то встретиться...

— Конечно! — охотно откликнулся мальчик.— Тогда был большой летний сбор ветерков. Мы хотели договориться, как остановить тучу, если снова будет нашествие...

— Договорились? — быстро спросил Яр.

— У нас не хватает сил. Даже если мы все-все соберемся, мы не можем остановить никакое облако... А большие ветры нас не слушают, им все равно. Они ведь никогда не были людьми...

«Значит, все это сказки, что ветерки могут соединяться в ураган»,— печально подумал Яр. И, чтобы грустью не задеть мальчика, заговорил о другом:

— А весной и осенью у вас бывают сборы?

— Да. Тоже большие. И маленькие сборы бывают, когда мы тоже... превращаемся в людей. Но это ненадолго...

— А когда вы... когда ветерки, то как живете?

Он улыбнулся — и озорно, и с грустинкой:

— Ну, как... Летаем. Листьями шелестим, форточками хлопаем, балуемся... Иногда змеи воздушные помогаем ребятам запускать или кораблики гоняем по лужам, это ведь тоже работа... А я могу хоть каждый день в человека превращаться, только не на много времени, минутки на две... Многие могут.

— И* превращаются? — нерешительно спросил Яр.

— Не часто. Потому что какой толк? Побегаешь две минуты, поиграешь, а потом опять лети...

— А много вас, ветерков, на свете?

— Наверно... Нас же никто не считал, — засмеялся мальчик. — По лесам, по морским берегам, в полях...

— И в Пустом Городе. Да? — сказал Яр.

— Да. Там больше всего тех, кто стал ветерками после восстания...

— А ты? Я думал, ты тоже... после...

— И я, — кивнул мальчик. — И Денек. И Косматик... ну, тот, курчавый. Только нам в лесу больше нравится, чем в городе. Но мы туда часто летаем. Кино смотрим, и просто так...

«Кем же ты был, малыш, до восстания? Как жил? Кто твои отец и мать, помнишь ли их? — думал Яр. — Спросить бы про это... И про само восстание. Что же там было?» Но он не посмел. Только сказал, будто был в чем-то виноват:

— Жаль, что мы не можем встречаться почаще... Но мы еще, наверно, встретимся, да?

Мальчик опять зашевелился под курткой. Прощептал:

— Наверно. А вы хотите?

— Еще бы...

— Я тоже... А сейчас уже недолго осталось. Часы подходят.

— Какие часы?

— Солнечные... Хотите посмотреть? — Он вдруг вскочил (и куртка разлетелась). Взял Яра за руку маленькими горячими пальцами. — Пойдемте.

Он повел Яра от костра на дальний край поляны. Здесь сохранился незатоптанный участок снега — размером с большой ковер. В центре его была воткнута сосновая жердь (к ней не вело ни единого следа). Вокруг жерди кто-то начертил широкое кольцо и разделил его двенадцатью короткими линиями.

К самой большой черте (она смотрела прямо на север) подбиралась тонкая фиолетовая тень.

«Еще минут десять», — подумал Яр.

— Как коснется — все. Полетим, — тихо сказал мальчик. — Ничего не поделаешь...

В этом «ничего не поделаешь» была привычно сжатая печаль и в то же время как бы желание утешить — и себя, и Яра. Яр даже зажмурился от резкого ощущения вины перед этим мальчишкой. А в чем он был виноват? И что он мог сделать для ветерков? Он опять ощутил себя заброшенным новичком на Планете, где были чужие законы и непонятные силы.

Надо было что-то сказать мальчику, и Яр проговорил скомканно и неуверенно:

— Но, когда вы летаете ветерками, вы же, наверно, по-прежнему вместе?

— Когда вместе, а когда поодиночке. Это все равно не так, как здесь на поляне, — отозвался мальчик неохотно. — Здесь-то мы совсем живые, а там...

Он замолчал, и они пошли по краю поляны. Мальчик еле касался снега стоптанными полуботинками. Все-таки и сейчас он был в чем-то ветерок.

У разлапистой елочки стояли Глеб и Командир. Яр остановился: не знал, подойти или свернуть. И пока думал, невольно услышал разговор.

— Извините меня, — очень серьезно говорил Глеб. — Извините заранее. Сейчас я задам вам вопрос, который, может быть, вас опечалит или обидит. Но у меня такая профессия, приходится задавать людям вопросы и всегда — о главном...

— Я вас слушаю, — сказал босой Командир и наклонил набок голову.

— Скажите, вам никогда не хотелось вернуться? Стать сбыкновенными? Как все ребята...

Мальчик-командир с полминуты молчал. Вскинул лицо, посмотрел мимо Глеба.

— Какой смысл в таком вопросе? Все равно это невозможно.

— Я понимаю. И все-таки?

Командир проговорил коротко и сухо:

— Не знаю. Кто как. Я бы не хотел.

— А почему?

Он свел брови, потом усмехнулся:

— А зачем? Мы живем вечно, нет для нас ни расстояний, ни времени. Ничего не надо бояться. И свобода...

— Да, конечно... — пробормотал Глеб. И еще раз сказал: — Извините.

— Ничего, Стрелок. Вы спросили — я ответил.

Глеб кивнул ему, зашагал к костру и увидел Яра. Подошел. Неловко проговорил:

— Кажется, я все-таки обидел его...

— Нет, — сказал мальчик в оранжевой майке. — Он не обиделся. Но он соврал.

— Соврал? — быстро спросил Глеб.

— Конечно. Всем хочется быть настоящими. Иногда так хочется, что просто слезы...

— Значит, и ветерки плачут, — вздохнул Яр.

— Бывает, — сказал мальчик.

— И Командир? — спросил Яр.

— Бывает, — сказал мальчик. — Хотя он очень смелый.

Яр подавил нерешительность и задал еще вопрос:

— А он тоже был с вами, когда восстание?

— Нет. Он был юнгой на «Атлете». «Атлет» взорвался у Стекланьих скал... А знаете, он, ведь правильно сказал...

— Что правильно? — не понял Глеб.

— Если бы мы вернулись... Ну вдруг такое чудо! А что дальше? У нас ни дома, ни родных. Кому мы нужны?

Яр хотел возразить живо и горячо, но тут же испугался: «Надо ли?» А в следующую секунду подошел Командир. Теперь он улыбался. Сказал Глебу и Яру:

— Вы извините, но вам пора. Пять минут осталось, а нам еще надо костер погасить. А то, если полетим, погасить уже не сможем, только раздуем до пожара... Вы идите.

— Мы вам поможем, — сказал Яр.

Командир засмеялся:

— Вы уж идите. С вами Данка. Вы же знаете, как мальчишки гасят костры...

Тогда засмеялись все. Чтобы показать, что не так уж грустно.

Денек на прощанье что-то быстро сказал Игнатику. Стручок повис у Данки на щеке, потом отскочил и отвернулся. Все ветерки быстро замахали уходящим лыжникам. Только мальчик в оранжевой майке сказал Яру:

— Я вас провожу.

Впереди всех он пробрался через окружавшие поляну заросли. Потом — поцарапанный, с мелкими веточками в волосах — пошел рядом с Яром. Ничуть не проваливаясь в снег. Тихонько попросил:

— Вы не обижайтесь на меня, ладно?

— Господи, за что? — выдохнул Яр.

— Я же понимаю. Вам надо было узнать про восстание. А я молчал.

— Ну и правильно молчал, раз не хотел про это...

— Я не потому, что не хотел. Просто я почти ничего не помню... Только огонь помню и как мы стреляли. Карабин так здорово отдавал в плечо, а пули не летели. Падали в пыль, будто орехи. Так обидно...

— Это я знаю, — сказал Яр.

— Хорошо, что ударил барабан. Барабан их остановил. Но огонь-то не остановишь...

Он замолчал, и все молчали. Только лыжи скрипели...

— Но никто не боялся, — вдруг проговорил мальчик. Негромко, но звонко: — Никто. Даже те, кто не успели...

— Что не успели? — встревоженно спросил Яр.

Но мальчик вдруг отскочил, коротко улыбнулся, вскинул руки и пропал. Сразу. Как в кино, когда на экране тот же кадр, а человека в нем уже нет. Лишь по лыжному следу назад к зарослям убежал чуть заметный снежный вихорек...

Они долго смотрели вслед вихорьку.

— С ума сойти, какой же я был идиот, — со стоном проговорил Глеб.

Никто не стал утешать его, хотя никто и не понял: за что он так себя?

Яр виновато сказал:

— Даже имя спросить не успел...

Чита быстро подъехал к Данке:

— Ты что?

— Ничего... — Она отвернулась. — А я успела одно имя спросить. Помните, маленький такой?

— Еще бы. Он на тебе висел, — ревниво заметил Алька. — Ну, ты чего, Игнат? Я же так просто...

Игнатик подъехал к Яру.

— Денек сказал, что пробьется. Теперь надо ждать.

— Будем ждать, Тик... — Яр сильно уперся палками и вскинул голову: — Пора домой, братцы-путешественники! В четыре часа елка... Глеб, а что, если мы поручим тебе роль Деда Мороза?

ОКОНЧАНИЕ СЛЕДУЕТ

Фантастика под микроскопом

Викторина-85

В нашей викторине на этот раз — два основных тура, причем во втором частично использованы вопросы последних наших «разминок для КЛФ», результаты которых не публиковались, поскольку участвовало в них, к сожалению, не более 8—9 клубов.

Положительный ответ на каждое конкретное задание оценивается в 1 очко. По 0,1 очка начисляется за каждое к месту упомянутое произведение — но не свыше 2 очков за любое множество примеров к одному вопросу. До 0,5 очка может быть начислено дополнительно за нешаблонность, обстоятельность, остроумность ответа на какой-либо из вопросов.

По результатам двух туров мы определим 10 победителей викторины в целом. Из числа тех, кто не войдет в эту десятку и не был призерам предыдущей викторины, будут названы 5 победителей первого тура.

Третий тур — для коллективов в два-три человека: он оценен нами в 3 очка, недобранные в нем баллы вычитаются у тех, кого он касается.

Дополнительный четвертый тур введен для желающих увеличить запас очков: он дает 1—2 балла.

Для упрощения обработки желательнее в ответах (и вопросах для новых викторин) указывать источники: издание, нужные страницы. Желательно также ответы на каждый тур писать на отдельных листах.

Срок отправки ответов — до 1 июня 1985 года. К школьникам просьба — указывайте, в каком классе учитесь.

Победителям викторины будут высланы книги с автографами советских писателей-фантастов.

Авторы вопросов нашей викторины — Р. Арбитман и В. Казаков (Саратов), В. Бриллиантов (Волоколамск Московской области), М. Быших (Москва), В. Вельчинский и Л. Филагов (Москва), А. Галушко и В. Калинин (Краснодар), А. Загудавин (Куйбышев), Г. Карпов (Баку), Т. и О. Колесовы (Саратов), Ю. Ковалев (Баку), М. Миркес (Новосибирск), И. Павловский, С. Битюцкий и В. Рыбкин (Ростов-на-Дону), Г. Проконик (Вязники Владимирской области), К. Рыбалко (Камышлов Свердловской области), А. Фисенко (Липецк).

I

1. «Тринитродизтилдибензолтетрапорофиро... и что-то еще. И комплексный атом ртути в самой середине». Что это за вещество и где оно применяется? Известны ли вам его аналоги?

2. «Девочка из будущего» Алиса Селезнева, по-видимому, общеизвестна. Знакомы ли вы с ее однофамилицей Катей Селезневой?

3. Леонардо да Винчи оставил заметный след в истории человеческой культуры. А в фантастике?

4. «— Вы когда-нибудь видели, как танцуют эльфы?

— Эльфы?.. Какие эльфы?

— С крылышками. Знаете, такие...»

Откуда взят этот диалог? И водятся ли эльфы в современной НФ?

5. М. Емцев, Е. Парнов, А. Мирер, А. Громова... Можете ли вы продолжить данный ряд имен и пояснить, кто их объединяет? Нет ли у вас в запасе других подобных перечней?

6. «...В тот же день резиновые кружки были привинчены еще к шести каблукам. И теперь мы ходим по полу каюты почти так же свободно, как на Земле... Это чертовски остроумно и решает проблему хождения в условиях невесомости». В каком произведении дается это решение? Как решают эту проблему другие писатели-фантасты?

7. а) «Это было совершенно нелепо! Но тем не менее там внизу висел Аризль, напрасно пытаюсь дотянуться до последней ступени эскалатора»; б) «На верхушке ивы сидел динозавр и смотрел на человека кровожадными глазами»; в) «По двору, направляясь к воротам, бежал аквариум». Из каких произведений взяты эти цитаты?

II

1. «Забавы ради швырнули в кратер Этны какой-то астероид...» Не встречалось ли вам такое? А другие НФ произведения, в которых фигурировали бы Этна и Везувий?

2. «Теперь я знаю, сэр, о какой планете этот человек толкует. Она имеется на карте и называется Бордавка...» О какой планете идет речь? Известны ли вам инопланетные синонимы к ее названию?

3. «Никто не видел, как это слу-

чилось, но, очевидно, в какой-то определенный миг мамонт глубоко вздохнул, расправил свои члены, которые тридцать тысяч лет были скованы морозом, потянулся, с большим усилием встал на ноги, пошевелил ушами, взмахнул хоботом и окончательно пришел в себя». Откуда эта цитата? Припомните другие произведения о встречах землян XX века с мамонтами.

4. «— Кто же вы?

— Странник! Не правда ли, красивое, емкое слово? Им можно наслаждаться, как красивой стихотворной строфой! Странник!» Из какого произведения эти строки? Какие другие Странники встречались вам в НФ?

5. «Нет,— сказал Каренин; устремив взгляд на горы,— по-моему, вы недооцениваете, каких высот уже достиг человеческий интеллект в те первые декады двадцатого столетия...» Каренин, живущий во второй половине нашего столетия? Он вам известен?

6. «Я хотела бы стать астральной пылью... Превратиться в астральную субстанцию...» Откуда взяты эти строки?

7. В каких НФ произведениях упоминается 1985 год?

III

Кто является автором: а) романа «Пятна на Марсе», б) диссертации на тему «Кот в мировой литературе», в) дипломной работы «История костюма веков Восхода»?

IV

Напишите краткий аргументированный отзыв об одной из книжно-журнальных новинок советской фантастики 1983—1984 гг.

V

Предложите ваши вопросы для новой викторины. Назовите самый интересный и самый неинтересный вопросы викторины-85: их авторам, если они окажутся среди участников викторины, мы набавим (либо вычтем у них) 1 балл.

На перекрестке времени: год 1985-й

С помощью клубов любителей фантастики и отдельных читателей мы составили краткий список памятных дат НФ на нынешний год. Для удобства все даты в нем даны по новому стилю

Январь, 2. 65 лет со дня рождения (1920) американского писателя Айзека Азимова, автора переводившихся у нас книг «Я, робот», «Путь марсиан», «Конец вечности», «Сами боги» и др.

Январь, 9. 95 лет со дня рождения чешского писателя Карела Чапека (1890—1938), общепризнанного классика мировой НФ.

Январь, 12. 70 лет со дня рождения (1915) ленинградского писателя Вадима Сергеевича Шефнера, автора НФ романа «Лачуга должника», повестей «Девушка у обрыва», «Дворец на троих» и др.

Февраль, 24. 90 лет со дня рождения известного советского писателя Всеволода Вячеславовича Иванова (1895—1963), неоднократно обращавшегося к фантастике («Опаловая лента», «Медная лампа», «Сизиф, сын Эола» и др.).

Март, 20. 80 лет со дня рождения известной советской писательницы Веры Федоровны Пановой (1905—1973), автора романа-сказки «Который час?», опубликованного посмертно в 1981 году.

Апрель, 14. 55 лет со дня смерти выдающегося советского поэта Владимира Владимировича Маяковского (1893—1930), автора фантастических пьес «Клоп», «Баня», поэмы «Летающий пролетарий».

Июнь, 1. 85 лет со дня рождения советского писателя Михаила Ефимовича Зуева-Ордынца (1900—1967); автора НФ романа «Сказание о граде Ново-Китеже» и др. произведений.

Июль, 6. 450 лет со дня смерти английского государственного деятеля и писателя Томаса Мора (1478—1535), автора знаменитой «Утопии» (1516).

Июль, 8. 85 лет со дня рождения украинского писателя Юрия Корнеевича Смолича (1900—1976), автора трилогии «Прекрасные катастрофы» (1928—1933) и др. НФ произведений.

Июль, 30. 185 лет со дня рождения русского писателя и ученого Александра Фомича Вельтмана (1800—1870), автора фантастических романов «3448 год», «Александр Филиппович Македонский».

Август, 5. 75 лет со дня рождения (1910) калининградского писателя Сергея Александровича Снегова, лауреата премии «Аэлита-84», автора романа-трилогии «Люди как боги» и др. НФ книг.

Август, 22. 65 лет со дня рождения (1920) американского писателя Рэя Дугласа Брэдбери, автора известных книг «451° по Фаренгейту», «Марсианские хроники», «Вино из одуванчиков» и др.

Август, 23. 105 лет со дня рождения известного советского писателя Александра Степановича Грина (1880—1932), автора фантастических романов «Блестящий мир», «Золотая цепь» и др. произведений.

Август, 28. 60 лет со дня рождения (1925) популярного советского писателя-фантаста Аркадия Натановича Стругацкого, лауреата премии «Аэлита-81».

Сентябрь, 7. 115 лет со дня рождения известного русского писателя Александра Ивановича Куприна (1870—1938), неоднократно обращавшегося к фантастике (повести «Жидкое солнце», «Каждое желание» и др. произведения).

Сентябрь, 17. 50 лет со дня смерти основоположника отечественной космонавтики Константина Эдуардовича Циолковского (1857—1935), автора ряда НФ произведений.

Ноябрь, 30. 150 лет со дня рождения известного американского писателя Марка Твена (1835—1910), автора романа «Янки при дворе короля Артура» и др. фантастических произведений.

Декабрь, 1. 85 лет со дня рождения (1900) советского писателя Александра Ивановича Абрамова, автора НФ повести «Гибель шахмат» (1926) и ряда книг, написанных совместно с С. А. Абрамовым («Тень императора», «Всадники ниоткуда», «Рай без памяти» и др.).

Кроме того, в наступившем году исполняется:

50 лет со дня рождения красноярского писателя Вячеслава Алексеевича Назарова (1935—1977), автора НФ книг «Вечные паруса», «Зеленые двери Земли» и др.;

80 лет Ашоту Гаспаровичу Шайбону, основоположнику НФ в армянской литературе (на русский язык переводился его роман «Победители тьмы»);

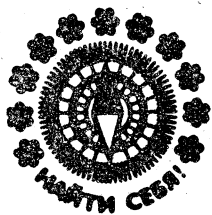
60 лет Зиновию Юрьевичу Юрьеву, лауреату премии «Аэлита-82», автору книг «Финансист на

четвереньках», «Рука Кассандры», «Белое снадобье», «Дарю вам память» и др.; волгоградскому писателю Юрию Гавриловичу Тупицыну, автору книг «Синий мир», «В дебрях Даль-Гея», «Перед дальней дорогой» и др.; Владимиру Николаевичу Фирсову, автору романа «Срубить Крест» и др. произведений;

50 лет Владимиру Васильевичу Григорьеву, автору сборников «Аксиомы волшебной палочки» и «Рог изобилия»; Ольге Николаевне Ларионовой, автору книг «Остров мужества», «Сказка королей», «Знаки зодиака»; Сергею Ивановичу Павлову, автору книг «Океанавты», «Чердак вселенной», «Лунная радуга» и др.; Еремею Иудовичу Парнову, автору романов «Ларец Марии Медичи», «Третий глаз Шливы» и многих книг, написанных в соавторстве с М. Г. Емцевым («Ярмарка теней», «Зеленая креветка» и др.).

Не забудем и об отдельных книгах. В нынешнем году исполняется: **145 лет** роману В. Ф. Одоевского «4338-й год» (1840); **120 лет** роману Ж. Верна «С Земли на Луну» (1865) и **110 лет** его же роману «Таинственный остров» (1875); **90 лет** книге очерков К. Э. Циолковского «Грезы о Земле и небе» и роману Г. Уэллса «Машина времени» (1895); **65 лет** пьесе К. Чапека «Р.У.Р.» (1920), давшей миру слово «робот»; **60 лет** известным романам А. Р. Беляева «Голова профессора Доуэля», А. С. Грина «Золотая цепь», А. Н. Толстого «Гиперболоид инженера Гарина» (1925); **50 лет** роману С. Льюиса «У нас это невозможно» (1935), в котором, вопреки названию, предсказана возможность прихода фашистов к власти в США; **45 лет** популярным книгам А. П. Казанцева «Пылающий остров» и Л. И. Лагина «Старик Хоттабыч» (1940).

Наконец, юбилейным является наступивший год и для ряда известных советских изданий: **30 лет** сборникам «Мир приключений», с 1955 года выпускаемым издательством «Детская литература»; **25 лет** ежегоднику «На суше и на море», выходящему в издательстве «Мысль» с 1960-го; **20 лет** с начала выхода 25-томной «Библиотеки современной фантастики» (1965—1973) издательства «Молодая гвардия» и популярной серии «Зарубежная фантастика» издательства «Мир».

ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ ПАРЕНЬ

Владимир
ТУРУНТАЕВ

В семнадцать лет нелегко выбирать профессию с расчетом на целую жизнь. Для этого надо столько всего знать и, помимо прочего, обладать еще и даром предвидения. В семнадцать-то лет... Оттого, может, иные подростки и делают этот шаг — самый, пожалуй, ответственный в жизни — с поразительным легкомыслием и едва ли не зазвучавшим.

Однако есть счастливички, которым не приходится много раздумывать над проблемой «кем быть?». Судьба их как бы сама выбирает. Слово делает на них свою отметку — чтобы все видели: тому на роду написано быть художником, этому — музыкантом...

У Андрея Ивотина, казалось, была такая отметка. Не на лбу, разумеется, — на всем облике, на душевном складе, на интересах и способностях.

Симпатичный, стройный парень. Интересная походка. Ямочки на щеках — веселый, общительный. Непременный участник художественной самодеятельности — читал с клубной сцены стихи, играл заглавные роли в спектаклях, а уж плясал как...

Еще в девятом учился, а ни у кого из односельчан и у него самого не было сомнения, куда ему поступать после школы. Конечно же, в культпросветучилище! На хореографическое отделение.

Но с ним случилось то, от чего не застрахованы и избранные судьбы: не прошел на конкурс. Специальный экзамен по хореографии сдал на «троечку». И все же члены приемной комиссии почувствовали: парень талантливый. И предложили перейти на другое отделение. Скажем, на режиссерское. Андрей переписал заявление. И все экзамены сдал на «пятерки», на «ура» прошел. А затем забрал документы и вернулся домой.

Заведующая клубом чуть не в слезы:

— Я же па тебя виды имела!..

Андрей мотнул головой:

— Не приняли на хореографию — все, поставим точку!

— И куда теперь?

— Хоть на ферму.

— Скотником?

— Нет, коров доить буду.

Даже мать удивилась:

— Чё ж это, все приятели твои комбайнерами да трактористами, а ты вон чё надумал...

Андрей спокойно улыбнулся:

— А мне охота с коровами!

То, что он с детства был равнодушен ко всякой животине, мать не могла не знать. Однако не думала она, никак не думала, что сын ее пойдет по «коровьей части». Хотя что ж... Вот их у нее восьмь, детей, — четыре парня и четыре девки, как раз поровну. А почему-то первым ее помощником по дому всегда был он, Андриушка, а не девки. С двенадцати лет корову доить стал, овец стриг, летом ягод наберет — сам и варенье сварит. Надо постирать — постирает сам, мать просить не станет. Или захотел блинов — молочком тесто заведет, испечет. Как-то — уже в девятом или десятом учился — к Володе Ляпунову собрался на день рождения — пирожков настряпал, да таких румяных и аппетитных, что сами в рот просились.

А к железу не так тянуло. Другие парни сломя голову все свободное время гоняют на мотоциклах, этот — только по делу куда съездить. Вместе со всеми ребятами получил в школе права механизатора, читал дома учебники по комбайнам и тракторам, серьезно вроде бы занимался. А не прилипло. К коровам тянуло.

Собственно говоря, смущало мать только одно: как будет там один среди доярок — почти тысяча коров на Ежовской ферме, и ни одного дояра. Все доярки. Бабье царство.

А ничего! Девчата, ясно, посмеивались в глаза и за глаза: Андриуха-доярка да Андриуха-доярка, по-другому сперва и не называли. А он это спокойно принимал, с шуточками да прибауточками, словно не про него.

Огорчали Андрея только коровы. Как другим ребятам-новичкам давали самые старые комбайны, так и ему дали самую худую группу. Хозяйка группы перед этим месяца два болела, и ее подменяли кто когда. Да еще в это время ферма переходила на цеховую систему, а всякая перестройка — пусть и к лучшему — непременно бывает

Рисунок Ю. Филоненко

связана с суетой и нервозностью, от которых и «своих»-то коров трудно уберечь, а «чужих» и подавно.

Может, и неправильно это — новичку давать что похуже. С другой стороны, и заведующего фермой Владимира Даниловича Волкова можно понять: приходит этаким красавчик и с улыбочкой предлагает свои услуги — мод, у вас туго с кадрами, так вот... Владимир Данилович хоть и принял Андрея — все-таки свой, деревенский, на глазах вырос, — однако, по правде говоря, не верил, что он долго задержится на ферме. И раз уж одна группа коров оказалась без хозяйки, кому ж как не Андрею ее дать. Тем более что при цеховой системе состав группы постоянно меняется: коровы переходят из цеха в цех и происходит этаким кругооборот. Есть цех раздоя, в котором содержатся только что растелившиеся коровы. Они дают больше всего молока. Месяца через три этих коров переводят в цех производства. Надой там идет на убыль, пока не прекращаются совсем. Потом коров переводят в цех сухостоя и там готовят к отелу. А после отела — снова в цех раздоя. И так далее.

Андрей Ивотин попал в цех производства. Из пятидесяти коров двенадцать у него в группе совсем не доились. Это сильно сказывалось на общем показателе: первое время Андрей в среднем от каждой коровы надаивал меньше четырех литров. Почти вдвое меньше, чем в лучших группах этого же цеха. А в цехе раздоя показателем был еще выше — двенадцать и тринадцать литров. У Татьяны Хорошавиной некоторые коровы и по двадцать, и по двадцать два литра давали.

Первое время Андрей все туда, в цех раздоя бегал. К Вале Филистеевой, от которой к нему в группу переходили коровы, все спрашивал то про одну, то про другую:

— Теть Валь, что за Капусты такая: уж подоил ее, подцепил аппарат к Гире, гляжу — у Капусты опять вымя набухло!

— Капризничает, она такая, — посмеиваясь, объясняла доярка. — К ней два раза подходить надо, а то присохнет молоко.

В другой раз:

— Теть Валь, у Гире задние соски второй раз молоко спустили! Что за Гиря такая!

— Так они у нее длиннее, задние-то! Потому передние быстрее и отдаиваются. Ты не торопись отцеплять аппарат!

А дома жаловался матери:

— Олять корма не вовремя подвезли! Хоть ругайся.

— Ну и поругался бы, — советовала мать. — Доярки, поди, шумят?

Улыбнется:

— Они-то шумят!

— А ты что?

— А я не могу.

Коровы, быстро привыкают к своим хозяевам. Только Андрей заходит в цех — его группа уже подымается как по команде.

Первым делом он насыпает им концентратов — по ведру на две коровы. Пока едят — отгребает навоз. Потом моет руки, надевает белый халат и приносит из молочного отделения аппараты. Проверяет, хорошо ли чавкают присоски. Потом берет ведро горячей — только-только рука терпит — воды и начинает подмывать коровам вымя.

Все эти операции продельваются с таким расчетом, чтобы приступить к дойке из минуты в минуту в положенное время. Коровы это время хорошо знают, и если хоть немного приоздниться, — хоть на десять минут, — уже начинают первичать и скупо отдают молоко. У каждой свой характер. Во время дойки они и лягаются, и тянут куда-то в сторону, могут и на аппарат наступить. В цехе обычно крик слышен. Ругаются доярки на своих

буренок, почему зря, а иная и стукнет в сердцах какую-нибудь Люцерну или Волну.

А Андрей все с улыбочкой, все с улыбочкой. Ходит себе, напевает. Какой-нибудь капризнице скажет что-то на ухо, та и успокоится, будто поняла. Бывало, что и у него нервы не выдерживали — тоже прикрикнет. Но редко. А чтобы ударить корову — этого не водилось за ним, даром что парень.

После выходного Андрей опять жаловался матери:

— Спать группа сбавила молоко. Хоть не отдыхай.

А подменная доярка тоже недоумевает, плачется заведующему фермой:

— Отчего это, Владимир Данилыч, они у меня меньше надаивают? Я вроде все так же делаю!

— Ну, так ведь у Андреев силы больше, — пожмет плечами Волков. — Ты массируй им вымя, как он, — тоже с молоком будешь.

Андрюха-доярка, Андрюха-доярка...

— Ты почему не обижаешься, когда мы тебя так зовем? — спросила раз одна девчужка.

Он хитро прищурился:

— Зато я вас, девки, за глаза всех подряд доярками кличу!

— Это почему так?

— Тяжелая у вас потому что работа, мужская.

Та махнула рукой:

— Сейчас-то что! Допм аппаратами, бидоны таскать не надо. Молоко само по трубам течет в баки.

Андрей качнул головой:

— Мешки с концентратами на руках приходится со склада носить. И навоз лопатами убираем. Не годится.

— Скоро у нас полная механизация будет!

— Тогда на равных будем работать, — подмигнул Андрей. — Вы меня дояркой перестанете звать, а я вас доярками...

У женщин на ферме свои проблемы, у мужчин — свои. Поработал Андрей немного, месяца три всего, и тут его по линии военкомата направили на курсы электромехаников дизельных установок. Только-только начали подыматься в его группе надои, уже к четверем с половиной литрам приблизились. Заветная цифра, отправной, так сказать, рубеж: перешагнув через него — сразу тебе к основной месячной зарплате за каждые следующие сто грамм молока начинают дополнительные суммы начислять. И немалые:

— Теперь накупи себе костюмов! — смеялся Андрей. — А что? Я парень холостой, мне надо!..

Когда он уехал на курсы, дояр-

ки, собираясь после дойки в красном уголке, много судачили о том, вернется Андрюха на ферму или нет.

Но Андрюха вернулся.

Владимир Данилович — так случилось — встретил его на улице, когда он с чемоданчиком шел к своему дому. Поздоровались.

— Ну, и какие теперь планы? — с напускным равнодушием спросил у Андрея заведующий фермой.

— С утра — на работу. А что?

— Куда на работу-то?

— Ты что, дядя Володя, забыл, в какой стороне наша ферма?

Два месяца еще поработал, до призыва. Поднял надои до пяти литров. Посокрушался перед отъездом:

— Эх, не успел на классность сдать!

— Все торопиться, парень, — засмеялись доярки. — Сперва надо три года на ферме отработать, а уж потом сдавать на классность!

— Так, видно, теперь уж после армии... — согласился Андрей.

— Неужто и после армии в дояры пойдешь?

— Ну да, — не моргнув глазом, ответил Андрей. — Пока не выучусь на зоотехника. Потом командовать вами всеми буду.

...В каждом своем письме спрашивает Андрей у родных: «Ну, как там мои доярочки?» Приветы передает, интересуется своей группой коров — не сбавляется ли молоко. Доярки в ответ сообщают, что его группа у них под особым контролем и потому молоко не только не сбавляется, а даже напротив — растут надои. Уже по шесть литров на каждую корову выходит.

И еще одну новость недавно сообщили: видно, с легкой руки Андрея недавно на ферму пришел парень и попросился в дояры.

«Вернешься — будет вас двое».

Как не вернется. Он и в армии про коров не забывает. Углядел недалеко от части молочноотоварную ферму, предложил собирать со столов недоеденный хлеб и относить туда. Командир разрешил. И вот как-то раз пришел Андрей на ферму с мешком хлебных объедков. Видит, что у одной молодой доярки аппарат не подцепляется. Подошел, помог.

«Отвел душу», — написал он про этот случай домой.

Прошедшей весной Андрей демобилизовался из армии и снова работает на ферме в родном колхозе.

Талицкий район,
колхоз «Путь к коммунизму»

Станислав ЛОМАКИН

Цыган

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

Мы не виделись лет двадцать. Передо мной сидел мужчина примерно сорока лет, с большими залысинами (а какая была в студенчестве шевелюра!). Мы, как оказалось, должны были одним рейсом лететь до Хабаровска на научную конференцию. Но полет отложили сначала на два, затем на четыре часа по метеоусловиям. Времени было предостаточно, чтобы вспомнить о двух годах совместно прожитой университетской жизни. Я знал о Степане многое.

А судьба его, прямо скажу, удивительна. Родился в Ленинграде перед войной. Отец — кадровый летчик, с первого и по последний день войны на боевой службе. Когда эвакуировали детей из Ленинграда, разлучив Степана с матерью, поезд попал под бомбежку. Море огня, искореженного металла, стоны, плач, пылающие, как спички, вагоны, — Степан намертво схватил своей детской памятью эту картину, и еще долгие годы она возникала перед ним во сне с такой яркой реальностью, что он кричал, а проснувшись в холодном поту, долго не мог успокоиться от всего увиденного и пережитого.

...Очнулся он в цыганском таборе, его подобрали истощенного, почти бездыханного. Старик Баро — так зовут по-цыгански главу табора — определил мальчика к еще не старым супругам, у которых было уже две девочки. Степана долго выхаживали, поили лекарственным снадобьем. Он хорошо помнит, как приемная мать Рада однажды утром сказала: «...Будет жить». Угрюмый цыган-бородач Рува несколько раз подбросил вверх мальчонку: «Ну, Рада, помощника ты нам выходила, спасибо! Дождались!»

Они и назвали его Степаном. Он научился петь, плясать, выпрашивать все, что можно было есть и что можно было надеть на себя. Как только сходил снег, когда земля была еще стылой, Степан уже отстукивал чечетку своими крепкими ножками, потрескавшимися от холода и грязи, зарабатывая на пропитание.

После войны отец-генерал делал все, чтобы найти сына. Когда всеобщие розыски не помогли, он обратился к военным друзьям, жившим в разных концах страны. Сам, бывая в командировках, во время отпусков, посещал детские дома. Но все было бесполезно.

Генералу с его женой помог случай, который, как говорят, встречается один раз в тысячу лет. Они находились в Поволжье, в небольшом городке, у родственников жены, ждали прибытия поезда. В вокзал ввалилась большая группа цыган. Женщины, с грудными ребятишками, в длинных юбках с пестрыми оборками, окружили пассажиров: «Дорогой, дай погадаю...»

От группы цыган отделился смуглый, оборванный, с вклокоченными волосами мальчонка лет восьми. Он остановился перед высоким седым генерал-майором и его спутницей и, протягивая к ним грязные ручонки, начал отплясывать чечетку босыми ногами на холодном цементном полу. Вертясь волчком перед ними, приседая и отбивая в такт языком, он вдруг зашел на цыганском языке.

Собралась толпа любопытных. Одни смотрели на пляшущего мальчишку, другие глазели на генерала (не так уж часто можно было после войны увидеть генерала на железнодорожном вокзале заштатного города). От такого внимания к своей персоне генерал было потянулся в карман, чтобы достать деньги, но вдруг заметил, как побледнела его жена. Она с силой сдвинула ему руку, словно ища поддержки, закричала и как подкошенная повалилась.

Мальчишка, почувствовав себя виноватым в случившемся, метнулся в толпу, пробивая острыми локтями себе путь. Кто-то уже успел сбежать в медпункт. Быстро пришла фельдшер, неся с собой аптечку. Она без лишней суетливости, со знанием дела привела в чувство жену генерала. Первое, что та сказала: «Яков, это же наш Миша, я узнала его по родинке на левой стороне шеи».

...Убедившись, что это действительно их сын, Яков Васильевич и Мария Дмитриевна Канаевы долго убеждали приемных родителей Степана и его самого: мальчишка ни за что не хотел уехать из табора. Наконец было выработано компромиссное решение — табор отдавал мальчонку на руки законным родителям с условием сохранить за ним имя Степан.

Счастливые родители со Степаном отбыли в Ленинград. Но он все время мечтал о возвращении в табор, дважды сбежал из Ленинграда.

Годы, проведенные среди цыган, наложили на Степана особый психологический отпечаток, воспитали особое восприятие мира.

В Ленинграде Степан закончил школу. Отслужил в армии. Я встретился с ним в Томском университете, куда мы вместе поступили на историко-филологический факультет. Жили в одной комнате. Канаев резко отличался от своих товарищей. Будучи на два года старше, он поражал своей фундаментальной подготовкой, его звали «ходячей энциклопедией».

Степан уже тогда читал и писал по меньшей мере на десяти языках. Все его друзья по комнате — парни серьезные, отслужившие в армии — учились на повышенные стипендии. Он же перебивался с тройки на четверку. И все время проводил в библиотеке. Появлялся к ее открытию и уходил последним. Но и этого времени ему было недостаточно. Часто по ночам, включив настольную лампу, он что-то писал или перебирал личную картотеку. Во время экзаменационной сессии он не изменял своего распорядка дня. «Степан, сегодня экзамен», — говорили ему. «В какой аудитории?» — брал конспекты и учебник, перелистывал их и шел сдавать.

Его отец, бывая наездами в Томске, заходил в общежитие. После ухода в отставку он жил в Новосибирске и, будучи доктором наук, преподавал историю в вузе. Степан, видимо, не мог простить родителям того, что его буквально заставили жениться на русской... Люся, жена Степана, по специальности инженер, тоже иногда приезжала в Томск с сыновьями.

При виде сыновей Степан преображался. Друзья уже знали, что на него «нападает стих», он будет петь, играть и плясать. Плясал он великолепно. Брал гитару или баян (а играл он на любом музыкальном инструменте) и пел сначала частушки, а затем песни на разных языках. На эти импровизированные концерты сходилась весь факультет.

Вообще я благодарен судьбе, что она свела меня со Степаном. Более талантливого и образованного человека я не видел в своей жизни. Помню, как-то в Томск приехал цыганский театр «Ромэн», мы пошли всей нашей комнатой. После антракта потеряли Степана, нашли его за кулисами. В окружении артистов он пел под гитару песни на цыганском и английском языках. Руководитель театра в течение двух недель приходил в нашу комнату, уговаривал Степана стать артистом театра. Но он не согласился. Вспоминается и такой случай. Как-то его пригласили в политехнический институт. Нужно было перевести статью с японского языка. Он взял меня с собой, чтобы я записывал то, что он будет диктовать. Почти без словаря, изредка к нему обращаясь, он перевел технический текст за три часа.

Полученных денег за перевод нам хватило тоже на три часа.

...Библиотека Томского университета по числу книг входит в десятку лучших мира. Видимо, этим и объясняется то, что он приехал поступать именно в Томск. Степан прочитал о цыганах все, что можно было прочитать и что было в библиотеке.

На третьем курсе нескольких студентов, занимающихся научной работой, послали на межвузовскую студенческую конференцию в Москву. Степан сделал прекрасный доклад по истории происхождения цыган. Им заинтересовались многие ученые — этнографы и историки, но он от встреч отказался и просидел все свободное время в библиотеке имени В. И. Ленина. А затем исчез.

До последней минуты друзья надеялись, что он появится к поезду. Но он не приехал и через месяц. Его отчислили из университета...

А Степан в это время кочевал с цыганами в Поволжье, при нем был только магнитофон для записи цыганского фольклора. Около двух лет колесил с табором.

Когда он возвратился, отец не впустил его в дом. «Нет у меня больше сына, — кричал генерал в ответ на все уговоры и причитания Марии Дмитриевны, — пусть отправляется к своим цыганам!» Степан с женой Земфирой и грудным ребенком (дочку назвали Даной) обосновался на окраине Новосибирска, в брошенной избушке, без окон и дверей и с дырявой крышей. Жили они впроголодь несколько лет, зарабатывая переводами и тем, что нагадает Земфира. Степан все же закончил исторический факультет университета.

Сейчас у него с Земфирой восемь детей, недавно они получили трехкомнатную квартиру. Его первая жена, Люся, вышла второй раз замуж. Сыновья учатся в институтах. Они поддерживают добрые отношения со Степаном и, похоже, уже не осуждают его. Генерал, хоть и помирился с сыном, у него ни разу не был. Степан работает переводчиком в научно-исследовательском институте и по-прежнему занимается историей цыган. Им опубликовано огромное количество статей. И не только в наших научных журналах, но и в зарубежных.

...Еще долго со Степаном мы вспоминали студенческие годы, пока диктор аэровокзала не прервала наш разговор, сообщив, что рейс по маршруту Новосибирск — Хабаровск откладывается до пяти часов московского времени. Я попрощался со Степаном до завтра. На следующее утро я улетел в Хабаровск один, Степан не появился, это так на него похоже...

КОГДА — СИБИРЬ — СТАЛА РУССКОЙ

Вадим КАРГАЛОВ

Великие свершения предков живут памятью народа, составляя часть того нравственного богатства, которое мы называем историко-культурным наследием. А память порождается знанием, ибо неизвестные или незаслуженно забытые исторические события как бы исчезают из нашего сознания. Это «история в себе», недоступная для широкой читательской аудитории, схоронившая память о прошлом в узких рамках монографий и специальных статей, которые изучают только профессионалы-историки. Иногда даже крупные исторические события остаются неизвестными людям, интересующимся прошлым своего Отечества. К таким событиям относится русский поход в Западную Сибирь в 1483 году, почти за столетие до Ермака, и начало дружественных русско-сибирских связей.

Поход этот именно забытый — совсем уже неизвестным его никак нельзя назвать. О сибирском походе 1483 года писали дореволюционные русские историки, несколько строк уделил ему С. М. Соловьев. Краткие описания похода встречаются в книгах по истории русских географических открытий, в некоторых работах по истории Сибири. Но напрасно искать даже упоминание о походе 1483 года в школьных и вузовских исто-

рических учебниках, в энциклопедиях и энциклопедических словарях, в научно-популярной литературе, даже в 12-томной академической «Истории СССР с древнейших времен до наших дней».

Традиция прочно связывает начало присоединения Сибири с именем Ермака, то есть с последней четвертью XVI столетия. Почему так произошло? Западную Сибирь обычно отождествляли с татарским Сибирским ханством. Действительно, Сибирское царство разгромили отважные ратники атамана Ермака. Но ведь было время, когда власть тюменских ханов на большую часть Западной Сибири еще не распространялась. Коренное население Западной Сибири, вогулы и остяки (предки хантов и манси), еще не были завоеваны татарами, имели своих князей, и именно с ними были налажены Россией дружественные связи задолго до похода Ермака. Первое посольство этих князей приехало в Москву в 1484 году, ровно пятьсот лет назад. Прав был академик М. Н. Тихомиров, когда писал, что «поход Ермака в Сибирь в сущности явился только завершением длительного продвижения России в Сибирь».

Достоверность известий о русском походе в Западную Сибирь в 1483 году не вызывает сомнений. О нем повествуют Вологодско-Пермская,

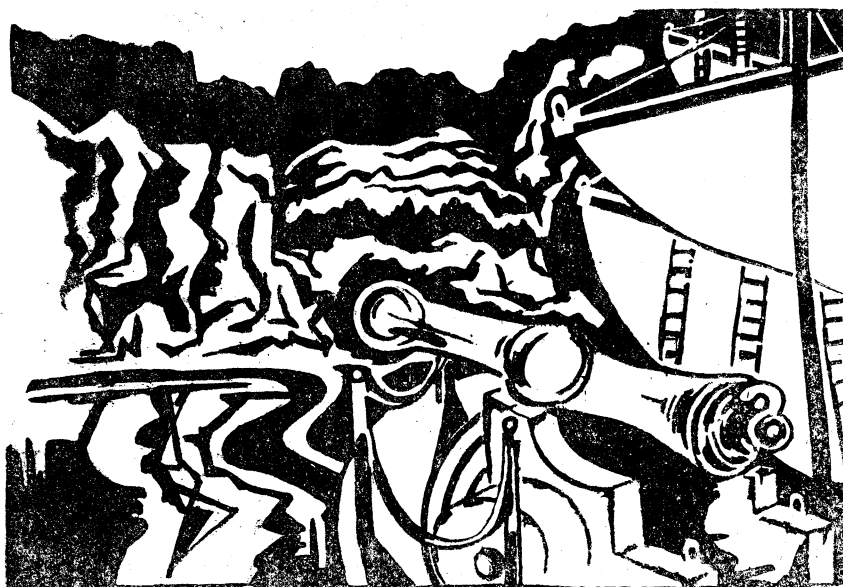

Рисунок Н. Огаревой

Холмогорская, Устюжская летописи, упоминает официальная Никоновская (Патриаршая) летопись. Сохранился уникальный документ — духовная грамота Ивана Салтыка Травина, которую он составил в 1483 году, «идучи на службу на великого князя на вогучи». Известно и какими силами был предпринят этот дальний поход за Камень (так называли тогда Уральские горы). Кроме великокняжеских детей боярских, в походе участвовали военные отряды из многих городов Двинской земли: устюжане, вычегжане, вымычи, сысоличи, великопермцы. В отличие от похода Ермака, этот поход имел государственный характер, возглавлялся великокняжескими воеводами и преследовал далеко идущие внешнеполитические цели.

Ближайшей целью похода было обеспечение безопасности русских владений в Приуралье. После присоединения в 1472 году Перми Великой русские владения вплотную приблизились к Уральским горам. А на Среднем Урале и примыкавших к нему равнинах Западной Сибири находилось довольно сильное вогульское племенное объединение во главе с князем Асыкой, получившее в исторической литературе название — княжество Пелымское.

В это время у вогулов проходил процесс разложения родового строя, появлялись князья и князцы, передававшие свою власть по наследству и имевшие постоянные дружины богатырей — уртов. Вогульские князья и князцы неоднократно нападали на пограничные русские земли, а иногда предпринимали и крупные военные походы. Так, в 1445 году князь Асыка с войском дошел до Усть-Вымского городка (на реке Вычегде) и убил местного епископа Питирима. В 1467 году для отражения нападения Асыки потребовались совместные усилия вятчан и пермяков. В 1481 году вогулы князя Асыки снова напали на Пермь Великую и подступили к городу Чердыни. Их удалось отогнать только с помощью войска из Устюга Великого. Только активные ответные меры могли предотвратить будущие набеги Асыки. И такие меры были приняты: на Пелымское княжество двинулись великокняжеские воеводы с войском.

Не случайно летописцы указывали на Пелымское княжество как на первоочередную цель похода: «...князь великий посла рать на Асыку, вогульского князя».

Однако общий замысел похода 1483 года был гораздо шире. Только что произошло очередное обострение русско-казанских отношений. Казанский царь Алегам (Али-хан) начал набеги на русские земли. Для «береженья от Алегама» великому князю Ивану III приходилось держать в приволжских городах значительные военные силы. Алегам пользовался поддержкой Ногайской

Орды. В свою очередь, Ногайская Орда была союзником тюменского хана Ибака. В Тюмени укрывались казанские мурзы, противники Москвы, иногда сами тюменские татары участвовали в набегах на русские земли. Складывалось нечто вроде единого антирусского фронта агрессивных татарских ханств от Волги до Иртыша.

Существовала также реальная угроза завоевания Тюменским ханством всей Западной Сибири (ранее граница ханства на север доходила до р. Туры). Хан Ибак продвинул свои владения до Тавды и Среднего Иртыша, превращал местных вогульских князцев в своих мурз, воевал с родом Тайбугина на Иртыше, добиваясь его покорности. Русский поход за Камень мог остановить эту экспансию или, по меньшей мере, ослабить ее. Гарантией против татарского завоевания было бы признание вогульскими и остяцкими князьями вассальной зависимости от России, их добровольная просьба о покровительстве и помощи против завоевателей.

Во главе судовой рати, которая должна была выступить в поход, были поставлены два воеводы — Федор Семенович Курбский Черный и Иван Иванович Салтык Травин. Кто из них был первым воеводой, а кто вторым — сказать трудно, потому что в одних летописях на первом месте поставлен Курбский, а в других — Салтык. Впрочем, назначение двух воевод «товарищами» практиковалось в русском войске.

Князья Курбские вели свою родословную от внука великого киевского князя Владимира Мономаха — Ростислава Михайловича, родоначальника вяземских и смоленских князей. Один из сыновей Ростислава, Федор Черный, обосновался во второй половине XIII столетия в Ярославле, положив начало новой династии ярославских князей. Курбский удел выделился в XV веке и получил свое название по реке Курбице, в 25 верстах от Ярославля. Первым прозвище Курбский получил отец воеводы, князь Семен Иванович.

Ф. С. Курбский Черный был опытным и известным военачальником. Разрядная книга упоминала его среди «больших воевод», посланных в 1482 году «беречь от Алегама царя» Нижний Новгород.

Из Нижнего Новгорода судовая рать, по свидетельству В. Н. Татищева, «ходила по Волге мало не до Казани». Поход оказался удачным, казанский хан Алегам запросил мира и прислал в Москву человека с челобитьем.

Не этот ли опыт руководства судовой ратью послужил причиной назначения Ф. С. Курбского Черного воеводой сибирского похода? С другой стороны, назначение такого родовитого и опытного

военачальника свидетельствовало о большом внимании, уделенном Иваном III походу за Камень.

Известным в Москве воеводой был и И. И. Салтык Травин. Он тоже обладал большим военным опытом. Вместе с великокняжескими детьми боярскими Салтык принимал участие в русском походе на Вятку в 1469 году, а впоследствии сам возглавлял судовые рати, служил воеводой сторожевого полка, в Туле, на опасной «крымской украине».

Летописцы обычно не бабуют историков точными датами и географическими ориентирами, но для этого похода они сделали исключение. Известно, что воевода И. И. Салтык Травин с «детьми боярскими» и «вологжанами» вышел из Вологды «месяца апреля 25», и, соединившись с войском князя Курбского Черного, начал поход из Устюга Великого «мая в 9 день».

29 июля русская судовая рать была уже «на устье реки Пельныи» (приток Тавды). Известны и даты завершения похода: воеводы «на Устюг пришли на Покров» (то есть 1 октября 1483 года по старому стилю), а «на Вологду ноября в 9 день». Сибирский поход, таким образом, продолжался около шести месяцев, с ранней весны до глубокой осени.

Сколько времени занял переход рати от Устюга Великого до Камня? Это можно рассчитать только приблизительно, потому что вторая известная дата (29 июля) относится не к волоку через Уральские горы, а к сражению на устье Пельмы. Если вычесть около месяца, необходимого судовой рати, чтобы пройти по Лозьве и Тавде до этого места, то сам Каменный волок был преодолен в конце июня или в начале июля.

По летописным известиям можно определить и маршрут похода. Начался он, как уже говорилось, в Устюге Великом, родине многих будущих сибирских землепроходцев. Судовой путь к Камню шел по Северной Двине и далее на восток по ее притоку Вычегде. Летописцы, перечисляя местные военные отряды, вливавшиеся в судовую рать князя Курбского Черного и воеводы Салтыка Травина, как бы отмечали вехи этого этапа пути: вычегжане, вымычи, сысолочи (по названиям рек Вычегда, Вымь, Сысола).

Из бассейна Вычегды к Уральским горам были два пути — печорский и камский. Если караван следовал печорским путем, он поднимался вверх по реке Выми и, преодолев Вымский волок, через реку Ижму попадал в Печору, правые притоки которой брали начало с Уральских гор. На горном водоразделе между Печорой и Обью находился Каменный волок, хорошо известный русским людям. Однако печорский путь вводил бы судовую рать далеко на север от основной цели похода — княжества Асыки. Кроме того, он противоречит летописным известиям о походе 1483 года: к рати присоединились еще и пермяки, жившие на Каме.

А вот другой, камский путь выводил рать кратчайшей дорогой как раз к цели похода, к Пельмскому городку, столице князя Асыки. Из Перми Великой вела в Сибирь Чердынская дорога, тоже известная русским людям, по ней приходили тюменские купцы. Большой знаток истории Сибири академик С. В. Бахрушин считал, что князь Курбский Черный и воевода Салтык Травин прошли именно Чердынской дорогой.

Итак, камский путь...

На Каму можно было попасть по рекам Вычегдской Кельтме и Камской Кельтме, истоки которых близко подходили друг к другу, их разделяло лишь большое болото. По географическим описаниям прошлого века это болото (под названием Гуменцо) весной и в дождливое лето было проходимо для судов с шестью, а в засушливое лето здесь был нетрудный волок. Вероятно, его и преодолела судовая рать русских воевод.

А дальше был хорошо известный двинским и чердынским кормщикам путь по Каме до Чердыни и вверх по притоку ее Вишере — к Камню. С Вишеры судовая рать повернула в реку Велсуя. В него вливалась с востока речка Почмог, по долине которой шла зимняя дорога к речке Ивдель; притоку уже сибирской реки Лозьвы. Местные вогулы называли эту дорогу Миррлян, то есть «Народный путь». Однако летом здесь пройти было нельзя, так как Ивдель, текущий в глубоком ущелье, через непрерывные пороги, был непреодолим для судов. Поэтому судовая рать Федора Курбского Черного и Ивана Салтыка Травина должна была миновать устье Почмога, подняться до самых истоков Велсуя и там штурмовать Каменный волок.

Речка Кошь, текущая уже по другую сторону Камня, затем Вижай, приток Лозьвы, затем Тавда — таким представляется наиболее вероятный маршрут русской судовой рати на этом этапе похода.

Историкам неизвестны подробности горного волока через пороги и теснины, через перевалы Уральских гор. Можно только предположить, каких неимоверных усилий это стоило, сколько настойчивости и сметки приложили русские ратники, чтобы перетащить через Камень тяжелые лады, пушки и пищали, оружие и припасы, все снаряжение, необходимое для сражений и многомесячного похода — ведь общая протяженность маршрута превысила четыре с половиной тысячи верст!

Столица вогульского князя Асыки стояла близ устья Пельмы. Как и другие княжеские вогульские городки, Пельмский городок имел, по-видимому, укрепления из земляных валов и рвов, деревянные стены, внутри которых прятались срубные дома из бревен с пологими двускатными крышами, покрытыми полосами сшитой бересты,

с небольшими, высоко прорубленными дверями и окнами, затянутыми рыбьими пузырями, амбары на столбах, куда поднимались по бревнам с зарубками, просторное помещение для собрания воинов.

В устье Пельма был также религиозный центр вогульских племен, целый священный городок с большими и малыми кумпрницами, со священной ливенницей, увешанной шкурами жертвенных животных, с многочисленными деревянными идолами, «в подобие человеческое иссеченными». Где-то в окрестностях была черная юрта, в которой хранилось священное копьё. Неудивительно, что именно под Пельмским городком князь Асыка решил дать бой русским воеводам.

Судя по летописным известиям, русское войско одержало легкую победу. Никоновская летопись отметила кратко, что воеводы «придоша на Юшпана (или Юшмана, сына князя Асыки), он же немного бився с ними и побеже в непроходимые места и стремнины».

Устюжский летописец отметил, что «на том бою убили устюжан 7 человек», то есть потери были минимальными. Объяснить это только превосходством русских воинов в вооружении и воинском искусстве нельзя. Дело было во внутренней слабости княжества Асыки. Оно было лишено единства. Местные князцы, засевшие среди лесов и болот в своих укреплениях — городках-ушах, были почти самостоятельными и не торопились выполнять приказы своего князя. Постоянные дружины богатырей — уртов были немногочисленными, а собрать воинов-охотников из юрт, где пользовались большим влиянием родовые старейшины и седоголовые старцы, было нелегко. Да и особого желания сражаться с русскими, судя по всему, местное население не имело. Рядом был более опасный, жестокий враг — тюменские татары. Во всяком случае, о каких-либо столкновениях с вогулами во время последующего похода летописцы не упоминают.

Обошлось без войны и с ханом Ибаком. Видимо, демонстрация военной мощи Российского государства оказалась настолько внушительной, что хан не решился на конфликт и беспрепятственно пропустил мимо своих владений русскую судовую рать. Летописец сообщает, что воеводы «пошли по Тавде реце, мимо Тюмень в Сибирскую землю, воевали, идуче, добра и полону взяли много».

Далее воеводы Курбский Черный и Салтык Травин «шли по Иртышу реце вниз, воюючи, да на Обь реку великую, в Югорскую землю». Кудские и югорские князья, владения которых находились на Оби, тоже не оказали серьезного сопротивления, о каких-либо вооруженных столкновениях летописи молчат, сообщая только, что воеводы «князей югорских воевали и в полон вели»,

«поимаша князя Молдана на реце Оби, и княжих Екмычевых двух сынов поимаша».

Не упоминают летописцы и о военных потерях русской рати, не забыв, однако, отметить, что от болезней «в Югре померло вологжан много, а устюжане все вышли». Гораздо большее впечатление на летописца произвела великая река Обь: он с удивлением пишет, что «ширина ее шездесят верст!»

По существу говоря, военные цели похода были уже достигнуты. Княжество Асыки, угрожавшее приуральским русским землям, разгромлено. Тюменский хан Ибак убедился в могуществе России и в том, что его собственные владения находятся в пределах досягаемости для русских ратей. Захват в плен «большого князя» Молдана и других местных князей создавал условия для переговоров о подчинении вогульских и остяцких князей власти Ивана III: знатных заложников повезли в Москву.

Каким был обратный путь судовой рати, если учесть, что она дошла вниз по реке Оби до самой Югры? Маловероятным представляется возвращение по прежнему пути через Иртыш и Тавду. Видимо, Курбский Черный и Салтык Травин возвратились по одному из левых притоков Оби, берущих начало с Уральских гор. Наиболее подходящей была Северная Сосьва, притоки которой брали начало на Северном Урале, в местах, известных русским людям по прежним походам новгородских ушкуйников в Югру. Отсюда можно было попасть в бассейн Печоры.

Обратный путь судовой рати представляется следующим образом: с реки Оби вверх по ее притоку Северной Сосьвы до устья Сыгвы, вверх по Сыгве до Каменного волока через Уральские горы, далее вниз по реке Щугору, притоку Печоры. А дальнейший речной путь был уже хорошо знаком двинским кормщикам: Печора, Ижма, Ухта, Вымский волок, Вымь, Вычегда, Северная Двина, Сухона. Огромный круг похода снова замкнулся в Устье Великом, куда рать пришла 1 октября 1483 года.

Какое значение имел сибирский поход для России?

После похода 1483 года в Вологодско-Пермской летописи помещена малопонятная на первый взгляд запись: «Приходили к великому князю от вогульского князя Юшпана, Асыкина сына, бити челом об опасе шуриин его вогулянин Юрга да сотник его вогулянин Анфим».

Опас — это охранная грамота, которая давалась посольству, и просьба вогульского князя Юшпана означала желание его послать посольство в Москву. Естественно, эта просьба встретила в Москве самое благоприятное отношение, ведь

речь шла о возможном признании вогульскими и остяцкими князьями власти великого князя Ивана III. Правда, Патриаршая летопись приписывает получение послами великокняжеской милости в виде охранной грамоты Филофею, епископу Пермскому, но навряд ли епископское ходатайство играло существенную роль — в установлении русско-сибирских дружественных связей был заинтересован прежде всего сам Иван III.

Как бы то ни было, охранная грамота была Юмшаном получена, и весной 1484 года в Москву прибыло сибирское посольство. Посольство было очень представительным. По свидетельству Устюжской летописи, «тое же весны пришли с челоубитьем князя вогульския и югорския, вогульский князь Юмшан да Калпа, а сибирский князь Лятик, а югорский князь Пыткей». Вологодско-Пермская летопись добавляет, что Пыткей представлял не только свое княжество: он приехал «с поминками с великими от князей кодских от Лаба и от Чангила, и от всее земли Кодские и Югорские». В посольских переговорах участвовал и «большой князь югорский Модан, того с собою наперед князь Федор Курбский привел».

Главным результатом посольства было признание сибирскими князьями вассальной зависимости от России, которая выразилась в покровительстве великого князя Ивана III и ежегодной дани. Об этом свидетельствуют летописные записи о посольстве сибирских князей, не допускающие двойственного толкования. «Князь великий за себя их привел в дань на них уложил, да и пожаловал их, отпустил их восвоися»; «великий же князь Юмшана пожаловал и устрои его дань даяти себе». По существу говоря, эти условия, зафиксированные посольским протоколом, означали вовлечение Западной Сибири в политическую орбиту Московского государства.

Московская государственная традиция прочно связывала начало присоединения Сибири со временем великого князя Ивана III, то есть с концом XV века.

Когда в 1586 году для встречи польского посла были назначены приставы Е. Ржевский и Г. Васильчиков, им было приказано на вопрос: «А нечто спросят про Сибирь: каким обычаем Сибирское царство казаки взяли и как ныне устроено?» — отвечать следующим образом: «Сибирское царство искони вечная вотчина государей наших. А взял Сибирь великий государь блаженные памяти царь и великий князь Иван Васильевич всеа Русии, царя и государя и великого князя Федора Ивановича прадед, тому ныне блиско ста лет, и дань положил соболями и лисицами черными».

Так же трактуют время присоединения Сибири и другие дипломатические документы конца XVI столетия: «тому ныне блиско ста лет». В Ти-

туле самого Ивана III с конца XV века появляется «великий князь Югорский», «князь Кондинский и Обдорский», причем эта формула содержится не только в грамотах Посольского приказа иностранным государям, но и в ответных посланиях.

Конечно, отдаленность новых владений «государя всея Русии», политическая неустойчивость самих сибирских княжеств и другие причины приводили порой к нарушению даннических обязательств, и тогда московскому правительству приходилось принимать меры для подтверждения своей власти, организовывать походы. Но эти походы уже не носили характера завоевания. К примеру, поход 1499 года, о котором сохранился подробный рассказ в Разрядной книге. Вот запись разрядного дьяка об этом походе:

«Повелением государя великого князя Ивана Васильевича всеа Русии хождение воевод князя Петра Федоровича Ушатого да князя Семена Федоровича Курбского (сына предводителя похода 1483 года) да Василья Ивановича Заболотцкова Бражника в Югорскую землю, на Куду (остяцкое княжество на Оби) и на вогуличи. Посылал князь великий Петра Федоровича, да поддано ему детей боярских вологжан, которые живут. А пошли до Пенежского волоку реками 2000 верст и тут сождалися з двиняны и с пенежаны и с важены. А шли с Ильина дни (20 июля) Колою рекою 150 верст до Оленья броду, на многие реки ходили, и пришли в Печору реку, усташа. И тут воеводы сождалися князь Петр со князем Семеном с Курбским да с Васильем Ивановичем Гаврилова и тут осеновали и город срубили. А с Печоры пошли воеводы на лыжах на Введение пречистые богородицы (21 ноября). А от Печоры шли до Камени 2 недели и тут разделились воеводы: князь Петр да князь Семен через Камень шол щелью (ущельем), а Камени во облаке не видеть, только ветрено, ино облака раздирают, а длина его от моря до моря. Да убили воеводы на Камени самоеды 50 человек, и взяли 200 оленей. А на оленях от Камени шли неделю до первого городка Ляпина (на реке Сыгве), а всех по там мест верст шли 4650 верст. Из Ляпина выстретили з дары на оленех югорские князи. И Ляпин взяли и поимали 23 городы. И от Ляпина воеводы пошли на оленех, а рать на собаках. Да взем 1009 человек луччих людей да 50 князей привели; да Василей же Бражник взял 8 городов да 8 голов. И пошли к Москве дал бог здорово все...»

Обратите внимание: поход 1499 года совсем не похож на военную кампанию, нет ни боев, ни потерь. Это похоже на объезд воеводами подвластных земель в связи с задержкой или неполной выплатой установленной дани. Местные князья не сражаются, а выходят навстречу воеводам «з дары». Что же касается «лучших людей» и «князей», захваченных воеводами, то это ничто

нное, как заложники — аманаты, их брали с целью обеспечить регулярное поступление ясака. Подобная практика была обычной и для XVII века, когда присоединение всей Сибири к Российскому государству было бесспорным.

Как развивались дальше русско-сибирские отношения?

В начале XVI века серьезно осложнились отношения с Казанью и Крымом. Усилились казанские набеги, которые были направлены в первую очередь на Среднее Поволжье, Вятку, Пермь Великую, Двинскую землю, то есть на тот стратегический плацдарм, с которого шло продвижение в Сибирь. Казань вовлекла в агрессию против Российского государства и сибирских татар. В 1506 году «приходил из Тюмени на Великую Пермь ратью сибирский царь Кулуг Салтан и без вести приступиша. Чердыню не взял, а землю нижнюю воевал всю, в Усолье на Камском варницы пожег, а пермяков и русаков вывел и посека». В набегах принимали участие и некоторые вогульские князья. Так, в 1531 году «пришедше на Великую Пермь пельинский царь с вогулечи, погосты разорив, а Чердыню не взял».

Но особенно опасными были казанские набеги. Вспоминая об этом страшном времени, автор «Казанской истории» писал:

«Многие города русские запустили от поганых. Рязанская земля и Северская крымским мечом погублены. Низовская же земля вся, Галич, и Устюг, и Вятка, и Пермь от казанцев запустили. И было тогда беды за многие годы от казанцев и черемисов больше, чем при Батые. Батый единожды Русскую землю прошел, как молнии стрела. Казанцы же не так губили Русь, никогда из земли Русской не выходили: когда с царем своим, когда с воеводами воевали Русь, и посекали, как сады, русских людей».

Однако и в такой сложной обстановке русско-сибирские связи не прерывались, и есть основания полагать, что вассальная зависимость местных правителей от России сохранилась. Интересные сведения по этому поводу сообщает С. Герберштейн, посол германского императора, посетивший Россию дважды, в 1517 и 1526 гг. В своих «Записках о московитских делах» он отметил, что и в титуле сына Ивана III, великого князя Василия III (1505—1533 гг.) осталась формула «великий князь Югорский». В своем историко-географическом описании владений московитов С. Герберштейн прямо говорит о том, что сибирские народы продолжают оставаться под властью государя московского. В Москву постоянно привозят из Сибирской области меха. В области Югра местные жители выплачивают государю дань мехами. На реке Иртыше были «две крепости,

Ером и Тюмень, которые управляют властелины, платящие (как говорят) дань великому князю Московскому», и вообще все народы, живущие по реке Оби до самого устья, «считаются данниками государя Московского», «по берегам Оби и по соседним рекам в окрестности расположено повсюду много крепостей, властелины которых (как говорят) все подчинены государю Московскому».

По-прежнему оставались вне политической орбиты Москвы только правители Сибирского царства; коренное же население Западной Сибири не порывало связей с Россией.

Разгром Казанского ханства коренным образом изменил обстановку на восточных границах Российского государства. Казань была взята полками Ивана Грозного в 1552 году, а уже в 1555 году, по свидетельству летописца, «пришли послы ко царю и великому князю из Сибири от сибирского князя Едигеря и ото всей земли Сибирской, Тягриул да Панъды, а здоровали государю и великому князю на царствах на Казанском и на Астороханском. Да били челом государю ото князя Едигеря и ото всей земли, чтобы государь их князя и всю землю Сибирскую взял в свое имя и ото всех сторон заступил, и дань свою на них положил, и дорогу своего прислал, кому дань собирать. И царь и государь их пожаловал, взял их князя и всю землю во свою волю и под свою руку и дань на них положить велел. И добились челом послы о дани, и правду за князя и за всю землю дали на том, что им давати государю со всякого черного человека по соболу, да дороге государеву по белке с человека по сибирской. А черных людей у себя сказали 30 тысяч семьсот человек. И царь и государь послал к ним посла своего Дмитрия сына Непейцына, и велел Дмитрию князя Едигеря и всю землю Сибирскую к правде привести, и черных людей переписать, дань свою сполна взять и з дорожное пошлиною».

Тогда в грамотах Ивана Грозного иностранным монархам и появилось дополнение: «всея Сибирская земля повелитель», а затем и «северные страны повелитель». Для такого титулования были все основания: признание власти московского царя вогульскими и остяцкими князьями было дополнено добровольным вхождением Сибирского царства под «руку» Москвы.

Приведение «к правде» сибирских земель не было формальным актом, условия соглашения соблюдались, и в случае их нарушения Иван Грозный властно вмешивался в сибирские дела. Например, когда в 1557 году в очередной раз «пришел от Едигеря, князя Сибирского, посол Боянда, привез царю великому князю дани семьсот соболей», эта дань показалась Ивану Грозному недостаточной, и он «на посла сибирского опалу положил». В следующем же году в Москву сроч-

но приехали новые посланники сибирского князя Едигеря с заверениями, что подобных случаев больше не повторится. Они «привезли дань Сибирские земли сполна, тысячу соболей, да дорожской пошлыны 100, да 60 соболей за белку, да и грамоту шертную («шерть» — присяга на подданство) с княжею печатью, что ся учинил князь в холопстве и дань на всю землю положил, и вперед ежегод беспереводно та дань царю и великому князю с всей Сибирской земли давати».

Быстро и послушно отреагировал сибирский князь на неудовольствие Ивана Грозного, но важнее другое: Едигерь прислал «грамоту шертную» и «ся учинил князь в холопстве», то есть добровольно признал себя не вассалом, а подданным Российского государства.

В 1559 году «пришли послы из Тюмени от князя тюменского с поминки, а бьют челом, чтобы царь и великий князь держал их в своем имени». Эта формула — «держать в своем имени» — тоже означала признание подданства. Не случайно в 60-х годах Иван Грозный продолжал именовать себя в грамотах «великим князем Обдорским, Кондинским и всея Сибирские земли и Сиверские страны повелителем».

Были в XVI столетия периоды, когда Сибирское царство на время отпадало от России. Вызвано это было междоусобной борьбой в Сибирском царстве, невозможностью для Москвы в разгаре длительной и тяжелой Ливонской войны (1558—1583 гг.) оказать действенную помощь своим сибирским подданным. Так, в 1564 году в Москву поступила очередная дань от Едигеря, князя сибирского, но вскоре некий «царевич казанский» убил «Едигеря князя, государского данщика», и «сибирские люди царю и великому князю изменили, дани государевы давати не учили».

В конце концов после усабицы на Сибирском царстве утвердился Кучум. Но и он не решился нарушить традиционных отношений с Москвой. В 1571 году прислал сибирскую дань в тех же размерах, что прежде посылал князь Едигерь. Когда он начал проводить враждебную России политику — последовал поход Ермака...

Не правы те историки, которые считают, что присоединение Сибири началось с похода атамана Ермака. Ермак не начинал, а скорее завершал первый этап русско-сибирских связей, когда местные правители, признавая власть русского царя, стали присылать шертные грамоты. Началом этого этапа можно считать сибирский поход воевод Федора Семеновича Курбского Черного и Ивана Ивановича Салтыка Травина в 1483 году. Кстати, эта точка зрения уже высказывалась советскими историками, но почему-то не стала достоянием широкой читательской аудитории. Может быть, славное имя народного героя, казацкого атамана Ермака попросту затмило имена его предшест-

венников, первых сибирских землепроходцев...

А после смерти Ермака, во второй половине 80-х годов XVI столетия, начался следующий этап русско-сибирских отношений — время прочного освоения Западной Сибири русскими людьми. Для закрепления новых владений строились крепости с постоянными гарнизонами, и только после этого продолжалось продвижение дальше на восток. Государевы служилые люди пошли по пути, проложенному судовой ратью 1483 года, и первыми русскими крепостями в земле Сибирской стали Тюмень (1586 год) и Тобольск (1587 год). Скоро эти города будут праздновать свои 400-летние юбилеи.

Огромный по своей протяженности поход 1483 года открыл для тогдашней Европы неведомые земли к востоку от Камня. Поход этот состоялся в эпоху великих географических открытий: Колумб открыл Америку в 1492 году, Васко да Гама обогнул Африку и нашел морской путь в Индию в 1497—98 годах, Магеллан совершил первое кругосветное путешествие в 1519—22 годах, русские воеводы открыли Сибирь в 1483 году...

Железо делают...

В музее

Яков АНДРЕЕВ

Кто не слышал о знаменитом промышленном музее в Англии? В его обширной экспозиции представлены памятники промышленной архитектуры и металлургической техники XVIII столетия. Англичане очень гордятся этой выставкой под открытым небом, которая привлекает внимание даже иностранных туристов.

Коллектив ученых Свердловского архитектурного института предложил создать подобный музей в нашей стране — на Урале. Профессор А. Э. Коротковский, доцент, кандидат архитектуры Г. С. Заикин, А. А. Стариков и другие специалисты приступили к разработке проекта завода-музея.

В основе этого проекта — реконструкция одного из старейших металлургических предприятий страны — Невьянского завода, расположенного недалеко от Свердловска. Архитекторы считают, что такой музей, созданный на базе старинного Невьянского завода, превзойдет английскую выставку как уникальностью экспонатов, так и оригинальностью способа их музеефикации. Для этого есть все основания.

Урал в XVIII веке стал крупнейшим металлургическим центром. Первенцем и самым мощным по тому времени предприятием металлургии был Невьянский железодобывающий завод, принадлежавший некоронованным королям Урала Демидовым. В его цехах производился самый высококачественный металл. От этого железодобывающего завода остался неповторимый комплекс промышленных и архитектурных памятников, который по замыслу свердловских ученых и может стать основой музея. Огромную историческую ценность представляет знаменитая Невьянская падающая башня с курантами, о которой сложено немало легенд. Вместе с этой жемчужиной уральской архитектуры испытание временем выдержали корпус старейшего на Урале доменного цеха, заводская плотина, построенная в 1701 году, здания механического цеха и конторы, а также Спасо-Преображенский собор. Важно отметить, что в отличие от английской промышленной выставки, в экспозиции которой нет ни одного работающего металлургического объекта, Невьянский завод-музей должен стать действующим предприятием.

В проектных рекомендациях свердловские ученые предлагают восстановить крупнейшую доменную печь XVIII столетия, созданную братьями Махотиными. На этом первоклассном для своего времени металлургическом сооружении уральские доменщики впервые применили так называемое двухфурменное дутье, позволяющее значительно ускорить процесс выплавки чугуна. Академик М. А. Павлов писал, что пуск Невьянской домны-гиганта в 1740 году явился исключительным событием в истории мировой металлургии. Ведь домна Махотиных дала рекордное в то время количество чугуна — 1200 пудов в сутки.

Проектом предусмотрено также воссоздание двух доменных печей начала прошлого столетия. Одна из них будет представлять собой муляж, а на второй — действующей — ученые предложили проводить показательные плавки для посетителей музея. Доменная печь будет выплавлять чугун и по заказам научных учреждений, которые давно мечтают получить в свое распоряжение домну малых размеров для исследовательских целей. Такое использование промышленного памятника даст

немалый экономический эффект. Разумеется, на музейной домне будет применяться совершенная технология и все современные средства защиты людей от вредного воздействия металлургического производства.

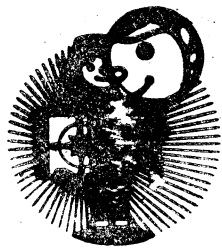
Необходимое для научного исследования количество чугуна поступит в распоряжение ученых, а оставшаяся часть будет обрабатываться в механическом цехе, где предложено воссоздать так называемое кричное производство железа (получение железа из чугуна термомеханическим способом). Далее: из полученного таким способом железа в цехе народных промыслов будут выполняться заказы различных предприятий, а также изготавливать различные сувениры: художественное литье, чеканка, поковка с характерной для Невьянска исторической тематикой. Воссоздание невянских промыслов будет способствовать дальнейшему развитию производства товаров народного потребления и индустрии туризма.

Социально-исторический раздел экспозиции завода-музея расскажет посетителям о классовой борьбе и революционном движении рабочих Урала, о трудовых свершениях творцов уральской металлургии в советское время.

Современный раздел завода-музея авторы проекта предлагают организовать в цехах такого гиганта советской промышленности, как Нижнетагильский металлургический комбинат имени В. И. Ленина, расположенном сравнительно недалеко от Невьянского завода. Таким образом перед посетителями промышленного музея, экспозиция которого будет развернута на предприятиях двух городов, предстанет вся история отечественной металлургии.

Кто же будет обслуживать эту масштабную выставку? Свердловские ученые предложили использовать завод-музей в структуре профтехобразования. Музей может стать великолепной учебно-лабораторной базой для подготовки молодых рабочих-металлургов. Учащиеся системы профтехобразования глубоко и всесторонне познают процесс развития отечественной металлургической промышленности от петровских времен до наших дней. Завод-музей станет центром профориентации, школьники будут проходить здесь производственную практику. Проведение всех этих мероприятий позволит получить значительный социально-экономический эффект.

Реконструкция уникального комплекса промышленных и архитектурных памятников Невьянского завода предусмотрена постановлением Совета Министров РСФСР. Но это только начало — предстоит решить немало сложных задач как научно-исследовательского, так и практического характера. Многое зависит от участия в работе ряда уральских предприятий, от содействия партийных и советских организаций. И думается, что идея свердловских ученых найдет немало верных и твердых сторонников. Ведь создание первого отечественного завода-музея станет крупным вкладом в дело охраны, пропаганды и практического использования замечательного исторического наследия нашего народа, в профессиональную подготовку и воспитание молодых рабочих — творцов будущей славы уральской металлургии.

МИР НА ЛАДОНИ

● В Омском музее изобразительных искусств открыты в буквальном смысле слова картины фламандского живописца Балтазара ван ден Боше, жившего в конце XVII — начале XVIII века. Это — два полотна под названиями «В мастерской скульптора» и «В мастерской художника». Автограф фламандца обнаружен под поздними красочными слоями.

● С помощью аппарата «Аргус» советские исследователи побывали на подводной горе Ампер — в месте, где, как утверждал Платон, находилась Атлантида. Гидронавт-наблюдатель В. П. Николаев рассказал журналистам:

— На глубине около ста метров перед нами открылась удивительная картина, напоминающая развалины древнего города. Горизонтальные площадки на склонах горы аккуратно выровнены и огорожены каменными стенками... Наше путешествие продолжалось пять часов. Но ни одного доказательства рукоятворности всего увиденного мы не получили.

● В ФРГ проведены статистические исследования, которые говорят: половина 18-летних мотоциклистов, управляющих машинами мощностью от 27 до 50 лошадиных сил, попадают в аварии с получением увечий; на более мощных мотоциклах количество пострадавших в этой возрастной категории возрастает до двух третей. У 20-летних мотоциклистов тяжелые аварии случаются в пять раз реже.

● Первые изделия из золота, как утверждает наука, появились в V тысяче-

лети до нашей эры. Сколько же желтого металла добыто с тех пор! Самое любопытное, однако, в том, что основной золотой запас в кладовых землях появился лишь в XX веке. По расчетам специалистов, и меди до 1900 года было добыто всего 1/6 часть из имеющейся сейчас в распоряжении человечества. Такова же картина с добычей драгоценных камней.

● Сейчас ежегодно из недр Земли на поверхность доставляется около ста миллиардов тонн горной массы. Объем мирового производства к двухтысячному году, по прогнозам, увеличится в 2—3 раза.

● Морской компас Наполеона — одна из многих находок совместной египетско-французской экспедиции, поставившей целью поднять со дна Средиземного моря корабли, потопленные эскадрой английского адмирала Нельсона в битве при мысе Абукир в 1798 году. Со дна подняты также станок для чеканки монет, оружие.

● Между тем около датского полуострова Ютландия начались работы по подъему затонувшего в 1811 году корабля «Сент-Джордж», на котором адмирал Нельсон совершал свои легендарные походы.

● Целый год понадобился английскому орнитологу Дикю Уатлингу, чтобы найти и приманить вилхвостую качурку Макгиливрея. В первый и последний раз она была обнаружена 129 лет назад на острове Гау (государство Фиджи). Птица считалась вымершей. Дик Уатлинг пометил свою находку, чтобы затем попытаться выяснить,

сколько экземпляров редчайшего вида пернатых еще обитает на острове.

● В итальянском городке Рефранкоре собака принесла шестерых щенят. Один из них оказался зеленым. Через двадцать пять дней после рождения окраска его шерсти стала еще более интенсивной. Возможно, это результат какого-то резкого генетического сдвига, считают ученые.

● 42,7 килограмма! Таков вес серебряного клада, обнаруженного азербайджанскими строителями и археологами в Барде — бывшей столице средневековой кавказской Албании. Слитки, украшения, монеты, а рядом — обломки керамики, остатки стен из обожженного кирпича... Находки эти относят к IX—XII вв.

● В условиях равнины англичанин Р. Нобель достиг на своей ракете скорости 1019,883 км/час. Так быстро никто еще не ездил.

● Венера, скрывающая свой лик под плотной оболочкой, вынуждена все же уступать настойчивому вниманию землян. Изучая ее раскаленную поверхность с помощью космических автоматов, советские ученые получили, в частности, неожиданную тепловую карту. Если, как предполагалось, на Венере есть активные вулканические районы, они должны выгладеть на тепловой карте горячее окружающей местности. Вместо горячих точек на исследованной поверхности обнаружены два... холодных горных района. Их температура на 200 градусов ниже, чем у окружающих равнинных участков. Радиолокация Венеры позволила также выявить на ней множество древних кольцевых структур диаметром по 300—500 километров, причем, как утверждают специалисты, это не следы ударов из космоса.

● По данным радиолокации Венеры создан глобус ее северного полушария.

Шафран

Шафраном в обиходе называют цветок крокуса сативус. Некогда его называли еще золотым растением. Впрочем, это название с полным основанием можно было бы употреблять и сегодня.

Его знали и выращивали в Древнем Египте, Элладе, его ценили римляне, персы, византийцы. Тогда в первую очередь из-за того, что в цветах крокуса содержится желтое красящее вещество — кроцин. Вторая область его применения — кулинария, гастрономия, а также медицина. Шафран обладает острым и горьким вкусом, сильным запахом. Как красящее вещество шафран уже потерял свое значение — найдены более дешевые синтетические заменители. А вот как приправа... И сегодня в изысканных итальянских ресторанах шафран кладут в любимый деликатес ризотто, французы — в уху под названием ля буйабез, а испанцы — в традиционное пазо, кушанье, которое готовят из раков и куриного мяса.

Порошок шафрана получают из осенних крокусов, цветок которых кажется выходящим прямо из клубнелуковицы. Его лепестки имеют бледно-лиловый цвет, а пестик — красный и мясистый. Яркие красные рыльца осторожно отделяют от цветка, затем высушивают на слабом огне и тонким помолом получают красный порошок, называемый шафраном. Цена двух граммов этого порошка на международном рынке равна сейчас стоимости грамма золота.

Шафран растет только на юге Франции, Испании, Швейцарии. Для получения одного грамма красного порошка нужно собрать цветы двухсот крокусов. С одного гектара обычно получают около 20 килограммов шафрана.

В. РОЩАХОВСКИЙ

Портрет Я. М. Свердлова

На обороте этой открытки лишь одна строка — «Издание Екатеринбург. Губ. Отдела Народного образования». Орган такой был создан в начале 1918 года после Третьего Уральского съезда Советов. Но свою деятельность губернский отдел народного образования развил только с осени 1919 года, после освобождения Урала от белых. Подотдел искусств и наладил тогда массовые выпуски фотоснимков и открыток «Неделя фронту», «Наши вожди».

Пожелтевшая бумага, скромное полиграфическое воспроизведение. Технические условия тогда не позволяли передавать полутона фотографии, и она предварительно перерисовывалась под гравюру.

Удалось установить, что оригиналом для гравирования служила фотографическая открытка «Тов. Я. М. Свердлов, Председатель Всероссийского ЦИК, зима 1918 г.», выпущенная контрагентством ВЦИК. На ней он — в полуторост, в пальто, с портфелем. Для уральского издания был использован ее фрагмент-портрет более крупным планом.

Этой открыткой заинтересовались сотрудники мемориального музея Я. М. Свердлова. В его фондах такой не оказалось.

Е. БИРЮКОВ

Колесо Козьмы Фролова

Водяные колеса, как известно, сыграли большую роль в истории техники до наступления века пара.

Самые большие в мире рабочие колеса создал в конце XVIII века русский механик Козьма Фролов, работавший на рудниках Алтая. Его двигатели были высотой с пятиэтажный дом — семнадцать метров в диаметре. Они приводили в движение сразу несколько насосов, выкачивающих воду из штолен. Кроме того, хитроумные приспособления, сконструированные и построенные Фроловым, передавали движение от колес шахтным подъемникам, механизмам для промывания и обогащения руды.

Его водяные двигатели были не только самыми большими, но и самыми экономичными в мировой практике.

Д. ЭЙДЕЛЬМАН

Торопливо взглядываем на стрелки часов: двигаясь неотомимо по полю циферблата, они «состригают» мгновения, секунды жизни... Нас пронзает глубинное, философское ощущение хода времени: летит и летит ниоткуда и в никуда некая невидимая стрела...

Часы — любимейший механизм человечества. За долгие века мастера проявили бездну выдумки и изобретательности, чтобы сделать счет времени точным. Наверное, ничто так не берегут люди, как время, и, видимо, ничто они так зыскательно не украшали, как хронометры. Французский ученый и писатель Люэнэ даже написал книгу, посвященную этой интересной теме — истории отношения к часам, эволюции методов измерения времени.

Часы, когда они составляют коллекцию (музейную или домашнюю), — необыкновенное зрелище. Каретные часы со звоном, которые снял наш фотокорреспондент в Пермском краеведческом музее, несмотря на то, что крупны и тяжелы, очень щеголеваты. Они напоминают карманные. Да так оно и было, считают некоторые историки: каретный хронометр стал родоначальником миниатюрных будильников для ношения в кармане.

Старинные часы волнуют современных умельцев. Пустить хронометр, который, кажется, уж свое отходил, настоящему мастеру всегда приятно. Наше время можно назвать эпохой реставрации всего старинного, и поклонников часов тоже становится все больше. Они умеют разгадать секреты прославленных европейских фирм, делавших в прошлом часы для всех стран света. Они даже мастерят новые, невиданные механизмы. Так что творчество и в этой области не замирает. К слову сказать, отечественная промышленность, выпускающая в огромном количестве часы безупречного хода, увы, еще не удовлетворяет разнообразным вкусам потребителя. Ситуация, прямо сказать, странная: часов в магазине много, а купить такие, чтобы, к примеру, циферблат был «легко читаемым», просто. Невольно думается, что нынешние конструкторы как будто бы сознательно игнорируют коллекции старинных часов.

Бегут стрелки музейных и обыкновенных часов и в новом, 1985 году... Летит над полем вечности стрела времени... Куда? Мы верим: она летит к миру, к счастью...

стрела времени

На 4-й стр. обложки
фото А. Лыськова

Адрес редакции:

620219, Свердловск, ГСП-353,
ул. 8 Марта, 22-в

Телефоны отделов:

51-55-56 (писем, публицистики)
51-22-40 (секретариат)
51-09-71 (прозы и поэзии)
51-53-20 (науки и техники,
следопытской жизни)
51-09-69 (краеведения)

В НОМЕРЕ:

2/ Г. Иванов
...ЛЮБОВЬЮ МОЕЙ
И СТАРАНЬЕМ. Стихи

2/ Н. Мыльников
ДЕСАНТНИК
АЛЕКСЕЙ УПОРОВ

Легкой службы в армейском строю
не бывает. По-особому трудна она
у десантников...

7/ В. Привалихин
ВРЕМЯ ЦВЕТЕНИЯ
ПАПОРОТНИКА

В таежном поселке взломан склад-
магазин, исчезли самые ценные меха,
деньги... Детективный рассказ

27/ Н. Шамсутдинов
СТРАНИЧКИ
СУРГУТСКОЙ
ТЕТРАДИ

Тюменский поэт — о сегодняшнем
дне, людях старинного сибирского
города

30/ СЛЕДОПЫТСКИЙ
ТЕЛЕГРАФ

32/ М. Лезинский
ЖИЗНЬ
ПРОЖИТЬ

Художница Лидия Тихолаз написала
сотни пейзажей, жанровых картин,
подготовила двадцать персональных
выставок, а руки ее никогда не дей-
ствовали...

33/ В. Крапивин
МАЛЬЧИК
И ЯЩЕРКА

Начало новой фантастической пове-
сти известного советского писателя-
уральца, завершающей его трилогию
«Голубятня на желтой поляне».

64/ НФ-ВИКТОРИНА — 85

Вопросы новой викторины и список
памятных дат НФ

66/ В. Турунтаев
ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ
ПАРЕНЬ

В семнадцать лет нелегко выбрать
профессию с расчетом на целую
жизнь. Андрей Ивотин сделал это,
став в родном колхозе доярком

68/ С. Ломакин
ЦЫГАН

Необычная судьба человека, оказав-
шегося в годы войны приемным сы-
ном цыганского табора

70/ В. Каргалов
КОГДА
СИБИРЬ
СТАЛА РУССКОЙ

История забытого похода в Сибирь,
состоявшегося почти за столетие до
Ермака, в 1483 году; о нем расска-
зывают летописи, но молчат совре-
менные энциклопедии

77/ Я. Андреев
ЖЕЛЕЗО
ДЕЛАЮТ... В МУЗЕЕ

«Вся история отечественной метал-
лургии» — так можно сказать о про-
мышленном музее под открытым не-
бом, проект которого разработали
уральские ученые и архитекторы

78/ МИР НА ЛАДОНИ

Коротко о разном, в том числе о
результатах исследований на 100-мет-
ровой океанской глубине и в космо-
се, проведенных советскими уче-
ными.

Сдано в набор 27.09.84. НС 11249.
Подписано к печати 22.11.84.
Формат бумаги 84×108^{1/16}.
Бумага типографская № 3.
Высокая печать.
Усл. печатных листов 8,82.
Усл. кр.-отт. 11,34.
Учетно-издательских листов 10,3.
Тираж 307 000. Заказ 521. Цена 40 коп.

Типография издательства
«Уральский рабочий»
Свердловск, пр. Ленина, 49.

ОБЫКНОВЕННЫЙ СЧАСТЛИВЫЙ ДЕНЬ

Ирина
КОРНИЕНКО

Если честно — Данька просто не выносит праздников. Нет, папа и мама — люди мировые, с ними о многом можно поговорить, но только в будни. В праздники же... Дня за три они начинают беготню по магазинам, сидят на телефоне и долго совещаются по вечерам о каких-то Смутицких, Юрьевых и Потаповых. Если в эти три дня Данька схватит пятерку по самому страшному предмету — русскому языку, — это пройдет незамеченным, двойка, впрочем, тоже. Если в эти три дня Данька разобьет коленку, мама только неопределенно махнет рукой, тогда как в будни его только чуть поцарапанный палец приводит ее в трепет.

Если, не дай бог, возникнет в эти дни у Даньки какой-то вопрос к жизни личной (допустим, сказать или не сказать Ленке, что она ему очень нравится) — все, считай, что остался один на один с неразрешимой проблемой.

В общем, глядя, как из уютной, мягкой и внимательной мама превращается в ослепительную, таинственную и чужую женщину, Данила ждал самого худшего. И худшее неизменно наступало.

В канун новогодней ночи родители, бестолково топоча, засобирались к выходу. Мама, невнимательная, озабоченная только тем, как бы не уплыл никакой тщательно выведенный штрих с лица, прикоснулась щекой куда-то к носу Данилы, скороговоркой произнесла: «Грей котлеты, смотри телевизор, двери не открывай, не скучай, мы будем утром». И дверь за родителями вкрадчиво хлопнула.

Он остался один... Ну вот куда деть себя двенадцатилетнему человеку в праздник? Данька дел себя на тахту. В телевизоре беззвучно веселились разодетые люди: Даньке почему-то не хотелось услышать еще и смех их. Он лежал и думал, как хорошо было бы в обыкновенный понедельник... или в среду... Долго лежал и долго думал. Чуть не уснул.

В дверь постучали. Данька очень обрадовался — он не маленький, чтобы не доверять тому, кто там... На пороге стоял невысокий старичок в белой бороде, белых усах и белом парике. В руках он держал классический красный мешок с блестками из фольги и лыжную палку с набалдашником из папье-маше.

— Вы Дед Мороз? — спросил Данька с сомнением.

— Я сосед, — ответил Дед Мороз, — у моих детей, как у твоих родителей, сегодня праздник, и они ушли в гости... Ты не возражаешь, если мы с тобой поскучаем вместе?

— Ну, как ты провел время? — спросила мама, устало опускаясь на Данькину кровать. — Не скучал?

— Ах, мамочка! — Данька сонными руками обвил ее шею и счастливо, тихо произнес: — У меня был обыкновенный счастливый день. Ведь в праздники не бывает чудес, правда?

— Правда, — почему-то печально ответила мама — краска, мелкими точками осыпавшаяся с ресниц, окружала ее глаза, и они стали усталыми. — Но откуда ты это знаешь?

— Так... — улыбнулся Данька и вытащил из-под подушки золотистого шоколадного медведя. — Это тебе от Деда Мороза. Если бы ты знала, какой он добрый, какой веселый, сколько всего знает и умеет!

И тут произошло чудо. Мама превратилась в маленькую, даже меньше, чем Данька, девочку, и эта девочка тихо спросила:

— Можно, в следующий раз мы будем встречать его вместе?

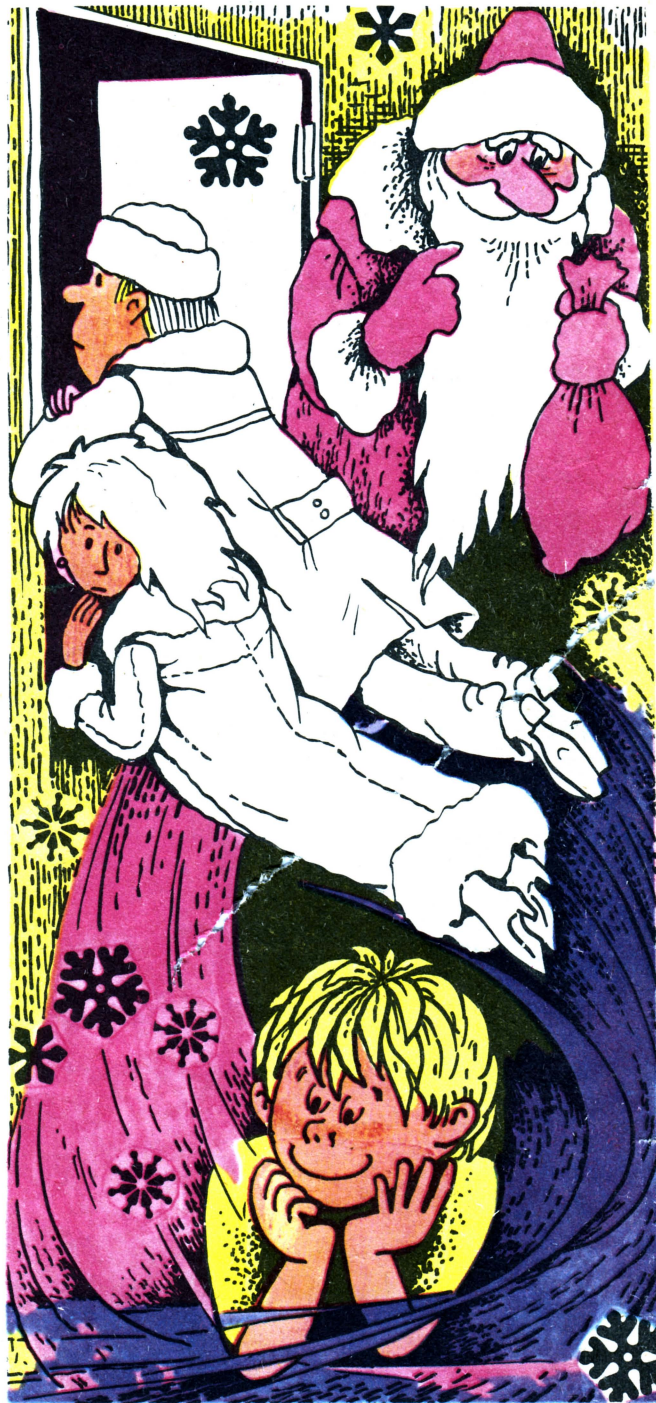
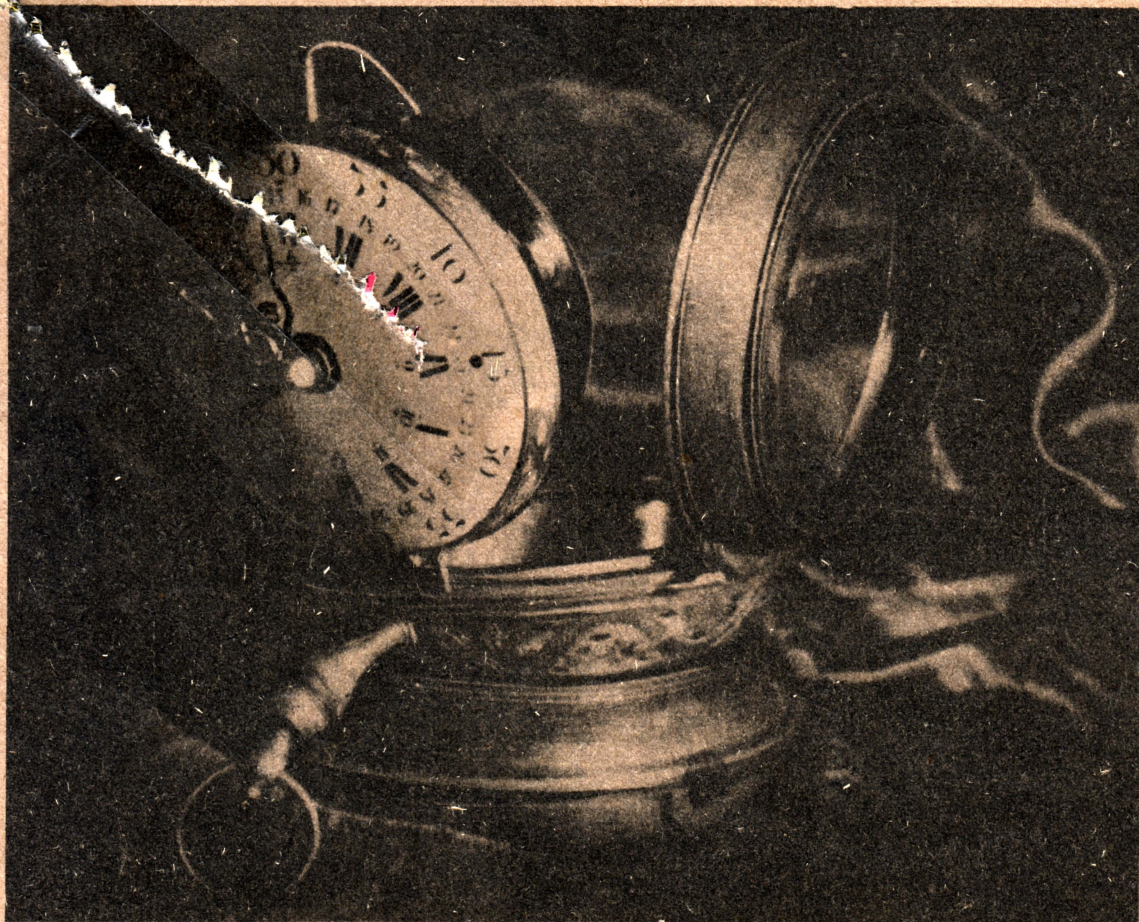

Рисунок С. Аишарина.

стрела ^{Бахаев} времени

Читайте об этом на стр. 79-й

Снимки
Александра Лысякова

УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ, 1985, № 1, 1—321

40 коп. Индекс 73413